

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ

МОСКВА
№ 6 (250)
2024

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ИЗДАЕТСЯ С 1765 Г.

SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

PUBLISHED SINCE 1765

ВОЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВЭО РОССИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ

МОСКВА
№ 6/2024

THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS OF THE VEO OF RUSSIA

SCIENTIFIC WORKS

OF THE FREE ECONOMIC
SOCIETY OF RUSSIA

VOLUME TWO HUNDRED FIFTY

Moscow
№ 6/2024

УДК 33
ББК 65

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CiberLeninka, Google Академия.

Since 2003 «The Scientific works of the Free Economic Society of Russia» is in the List of scientific publications reviewed by the Supreme Certification Commission of Russia of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, where the main results of doctoral and candidates' theses are published.

Articles published in Scientific works of the Free Economic Society of Russia have an Digital Object Identifier (DOI), and are indexed in international databases, such as: Russian Science Citation Index (RSCI), Electronic Scientific library (eLibrary.ru), CrossRef, CiberLeninka, Google Academy.

UDK 33
BVK 65

UDK 33
BVK 65

© Вольное экономическое общество России, 2024
© The Free economic society of Russia, 2024

ISBN 978-5-94160-239-1
ISSN 2072-2060

Главный редактор Научных трудов Вольного экономического общества России

БОДРУНОВ
Сергей Дмитриевич

Президент Вольного экономического общества России, директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционный совет Научных трудов Вольного экономического общества России

АГАНБЕГЯН
Абел Гезевич

Академик РАН, д.э.н., профессор
(г. Москва, Россия)

ГЕОРГИЕВ
Румен Младенов

Профессор Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

ГЛАЗЬЕВ
Сергей Юрьевич

Вице-президент ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВНИН
Михаил Юрьевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ГОРШКОВ
Михаил
Константинович

Член Президиума ВЭО России, директор Института социологии ФНИСЦ РАН, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, академик РАН, д.ф.н. (г. Москва, Россия)

ГРИНБЕРГ
Руслан Семенович

Действительный член Сената ВЭО России, научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГРОМЫКО
Алексей
Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института Европы Российской академии наук, член-корреспондент РАН, д.п.н. (г. Москва, Россия)

ГЭЛБРЕЙТ
Джеймс

Член Международного комитета ВЭО России, иностранный член Российской академии наук, профессор Школы общественных связей имени Линдона Б. Джонсона Техасского университета в Остине (США)

ГУТЕНЕВ
Владимир
Владимирович

Председатель Комитета Государственной Думы по промышленности и торговле, Первый вице-президент Союза машиностроителей России, д.т.н. (г. Москва, Россия)

ДЫНКИН
Александр
Александрович

Вице-президент ВЭО России, президент Института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КАЛАШНИКОВ
Сергей
Вячеславович

Член Президиума ВЭО России, председатель Президиума Международного союза общественных объединений «Российская ассоциация международного сотрудничества», д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КРЮКОВ
Валерий
Анатольевич

Член Президиума ВЭО России, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, главный редактор Всероссийского экономического журнала «ЭКО», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

КУЗЫК
Борис Николаевич

Научный руководитель Института экономических стратегий Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

КУЛЕШОВ
Валерий
Владимирович

Научный руководитель Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, заместитель Председателя Сибирского отделения Российской академии наук, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Новосибирск, Россия)

ЛЕЙН
Дэвид

Профессор Кембриджского университета (University of Cambridge) (Кембридж, Великобритания)

ЛЕМЕЩЕНКО
Петр Сергеевич

Заместитель председателя комиссии по технологическому развитию Союзного государства, заведующий кафедрой международной политэкономии Белорусского государственного университета, д.э.н., профессор (г. Минск, Республика Беларусь)

МАЕВСКИЙ
Владимир Иванович

Заведующий Центром институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства Института экономики РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

МАКАРОВ
Валерий
Леонидович

Член Президиума ВЭО России, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, профессор математической экономики, доктор физико-математических наук (г. Москва, Россия)

МУРЫЧЕВ
Александр
Васильевич

Член Президиума ВЭО России, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей, д.э.н. (г. Москва, Россия)

ПЕТРИКОВ
Александр
Васильевич

Член Президиума ВЭО России, руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий – Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства», академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПОРФИРЬЕВ
Борис Николаевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель секции экономики Отделения общественных наук РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

- РЯБУХИН**
Сергей Николаевич
Вице-президент ВЭО России, Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам, директор НИИ «Инновационные финансовые инструменты и технологии» РЭУ имени Г.В. Плеханова, д.э.н. (г. Москва, Россия)
- САМЕДЗАДЕ**
Зияд Алиабас оглы
Президент Союза экономистов Азербайджана, Действительный член Академии наук Азербайджанской Республики, д.э.н., профессор (г. Баку, Азербайджанская Республика)
- СИЛИН**
Яков Петрович
Вице-президент ВЭО России, президент Уральского отделения ВЭО России, ректор ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», д.э.н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
- ШИРОВ**
Александр Александрович
Член Президиума ВЭО России, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)
- ЭСКИНДАРОВ**
Михаил Абдурахманович
Вице-президент ВЭО России, президент, научный руководитель Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, академик Российской Академии образования, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЯКУТИН
Юрий Васильевич

Вице-президент ВЭО России, председатель Совета директоров, научный руководитель АО Издательский дом «Экономическая газета», генеральный директор АО ИД «Экономика и жизнь», научный редактор русской классической библиотеки «Экономика и духовность», заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия Научных трудов Вольного экономического общества России

АНТИПИНА
Ольга Николаевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ученый секретарь Ученого совета экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н. (г. Москва, Россия)

БАРСУКОВ
Игорь Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, заместитель директора Центра Национальной технологической олимпиады НИУ ВШЭ, к.э.н. (г. Москва, Россия)

БОБИНА
Анна Вячеславовна

Член Правления ВЭО России, заместитель директора — руководитель департамента по научным конференциям и всероссийским проектам ВЭО России, к.т.н. (г. Москва, Россия)

БОДРУНОВА
Светлана Сергеевна

Член Правления ВЭО России, профессор Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, д.полит.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

ВЕРЕНИКИН
Алексей Олегович

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ВОЕЙКОВ
Михаил
Илларионович

Член Правления ВЭО России, заведующий сектором политической экономии Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОЛОВ
Роман Сергеевич

Член Президиума ВЭО России, заведующий кафедрой «Менеджмент и маркетинг высокотехнологичных отраслей промышленности» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ГОРОДЕЦКИЙ
Андрей Евгеньевич

Член Правления ВЭО России, руководитель научного направления «Институты современной экономики и инновационного развития» Института экономики Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ДЗАРАСОВ
Руслан Солтанович

Член Президиума ВЭО России, ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ЗОЛОТАРЕВ
Александр
Анатольевич

Вице-президент ВЭО России, руководитель Санкт-Петербургской региональной общественной организации ВЭО России, исполнительный директор Института нового индустриального развития имени С.Ю. Витте, к.э.н. (г. Санкт-Петербург, Россия)

КОЛГАНОВ
Андрей Иванович

Член Президиума ВЭО России, заведующий Лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г.н.с. Института экономики Российской академии наук, д.э.н., профессор (г. Москва, Россия)

ПЛОТНИКОВ
Владимир
Александрович

Член Президиума ВЭО России, профессор кафедры общей экономической теории и мировой экономики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

РАТНИКОВА
Маргарита
Анатольевна

Вице-президент ВЭО России, директор ВЭО России (г. Москва, Россия)

РОМАНОВА
Галина Максимовна

Член Правления ВЭО России, заместитель председателя комитета Городского Собрания Сочи по вопросам образования, науки, социальной политики, охраны здоровья; руководитель программы магистратуры «Туризм и индустрия гостеприимства» МГИМО МИД РФ, д.э.н., профессор (г. Сочи, Россия)

САДОВНИЧАЯ
Анна Викторовна

Член Президиума ВЭО России, заместитель генерального директора АО «Экспоцентр», к.э.н. (г. Москва, Россия)

САВИНА
Ольга Алексеевна

Руководитель пресс-службы ВЭО России (г. Москва, Россия)

СМАГИНА
Валентина
Викторовна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Тамбовского регионального отделения ВЭО России, проректор – главный ученый секретарь Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, член Ревизионной комиссии Международного Союза экономистов, д.э.н., профессор (г. Тамбов, Россия)

ТКАЧЕНКО
Елена Анатольевна

Член Правления ВЭО России, профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)

УСЕНКО
Людмила
Николаевна

Член Президиума ВЭО России, руководитель Ростовского регионального отделения ВЭО России, заведующая кафедрой анализа хозяйственной деятельности и прогнозирования ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», заслуженный деятель науки РФ, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Editor-in-Chief of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Sergey
D. BODRUNOV**

President of the VEO of Russia, Director at the Vitte Institute of New Industrial Development, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

Editorial Council of Transactions of the Free Economic Society of Russia

**Abel
G. AGANBEGYAN**

Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Rumen
M. GUEORGUIEV**

Professor at the Sofia State University of Saint Kliment Ohridski, Doctor of Economics, Professor (Sofia, Bulgaria)

**Sergey Yu.
GLAZIEV**

Vice President of the VEO of Russia, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail Yu.
GOLOVNIN**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Mikhail
K. GORSHKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Sociology of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. GRINBERG**

Active member of the Senate of the VEO of Russia, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Aleksey
A. GROMYKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences (Moscow, Russia)

**James
K. GALBRAITH**

Member of the VEO of Russia International Committee, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Lyndon B. Johnson School of Public Relations, University of Texas at Austin (USA)

**Vladimir
V. GUTENEV**

Chairman of the State Duma Committee on Industry and Trade, First Vice-President of the Union of Mechanical Engineers of Russia, Doctor of Technical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
A. DYNKIN**

Vice President of the VEO of Russia, President of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, member of the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Academician-Secretary of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
V. KALASHNIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Chairman of the Presidium of the International Union of Public Associations «Russian Association for International Cooperation», Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
A. KRYUKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the All-Russian Economic Journal «ECO», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

**Boris
N. KUZYK**

Scientific Director of the Institute of Economic Strategies of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
V. KULESHOV**

Scientific Director of the Institute of Economics and Organization of Industrial Production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Deputy Chairman of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Novosibirsk, Russia)

David LANE

Professor at the University of Cambridge (Cambridge, United Kingdom)

**Petr
S. LEMESHCHENKO**

Deputy Chairman of the Commission for Technological Development of the Union State, Head of the Department of International Political Economy of the Belarusian State University, Doctor of Economics, Professor (Minsk, Republic of Belarus)

**Vladimir
I. MAEVSKY**

Head of the Center for Institutional Evolutionary Economics and Applied Problems of Reproduction of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Valery
L. MAKAROV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Scientific Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor of Mathematical Economics, Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow, Russia)

**Alexander
V. MURYCHEV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Vice-President of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Alexander
V. PETRIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics – branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center for Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas – All-Russian Research Institute of Agricultural Economics», Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Boris
N. PORFIRIEV**

Vice-President of the VEO of Russia, Head of the Economics Section of the Department of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Sergey
N. RYABUKHIN**

Vice President of the VEO of Russia, First Deputy Chairman of the Federation Council Committee on Budget and Financial Markets, Director of the Research Institute «Innovative Financial Instruments and Technologies» of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Ziyad
A. SAMEDZADE**

President of the Union of Economists of Azerbaijan, Member of the Academy of Sciences of the Republic of Azerbaijan, Doctor of Economics, Professor (Baku, Azerbaijan Republic)

**Yakov
P. SILIN**

Vice-President of the VEO of Russia, President of the Ural Department at the VEO of Russia, Rector of the Ural State Economic University, Doctor of Economics, Professor (Yekaterinburg, Russia)

**Alexander
A. SHIROV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Michael
A. ESKINDAROV**

Vice-President of the VEO of Russia, President, Scientific Director of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Yuri
V. YAKUTIN**

Vice-President of the VEO of Russia, Chairman of the Board of Directors, Scientific Director of JSC Publishing House «Economic Newspaper», General Director of JSC Publishing House «Economics and Life», Scientific Editor of the Russian Classical Library «Economics and Spirituality», Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor (Moscow, Russia)

Editorial Board of the Scientific Works of the Free Economic Society of Russia

**Olga
N. ANTIPINA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Scientific Secretary of the Academic Council of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics (Moscow, Russia)

**Igor
E. BARSUKOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Director of the Center for the National Technology Olympiad, National Research University Higher School of Economics, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia)

**Anna
V. BOBINA**

Member of the Management Board of the VEO of Russia, Deputy Director, Head of the Department for Scientific Conferences and All-Russian Projects of the VEO of Russia, Candidate of Technical Science (Moscow, Russia)

**Svetlana
S. BODRUNOVA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Graduate School of Journalism and Mass Communications of St. Petersburg State University, Doctor of Political Science (St. Petersburg, Russia)

**Aleksey
O. VERENIKIN**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Political Economy at the Economic Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Mikhail
I. VOEYKOV**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the Sector of Political Economy of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Roman
S. GOLOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Department of Management and Marketing of High-Tech Industries, Moscow Aviation Institute (National Research University), Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Andrey
E. GORODETSKY**

Member of the Board of the VEO of Russia, Head of the scientific direction «Institutes of Modern Economy and Innovative Development» of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Ruslan
S. DZARASOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Leading Researcher of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor (Moscow, Russia)

**Alexander
A. ZOLOTAREV**

Vice President of the VEO of Russia, President Head of the St. Petersburg regional public organization the VEO of Russia, Executive Director of the Vitte Institute of New Industrial Development, Candidate of Economics Science (St. Petersburg, Russia)

**Andrey
I. KOLGANOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of Laboratory of comparative social and economic analysis at the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University; head scientist of Institute of Economy Russian Academy of Science, Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow, Russia)

**Vladimir
A. PLOTNIKOV**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Professor of the Department of General Economic Theory and World Economy of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

**Margarita
A. RATNIKOVA**

Vice President of the VEO of Russia, Director of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

**Galina
M. ROMANOVA**

Member of the Board of the VEO of Russia, Deputy Chairman of the Committee of the City Assembly of Sochi on education, science, social policy, health protection; Head of the Master's program «Tourism and Hospitality Industry» MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor (Sochi, Russia)

**Anna
V. SADOVNICHAYA**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Deputy General Director of Expocentre, Candidate of Economics (Moscow, Russia)

**Olga
A. SAVINA**

Head of the press service of the VEO of Russia (Moscow, Russia)

**Valentina
V. SMAGINA**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Tambov Regional Branch of the VEO of Russia, Vice-Rector-Chief Scientific Secretary of the Derzhavin Tambov State University, Member of the Audit Commission of the International Union of Economists, Doctor of Economics, Professor (Tambov, Russia)

**Elena
A. TKACHENKO**

Member of the Board of the VEO of Russia, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes of the St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor (St. Petersburg, Russia)

**Lyudmila
N. USENKO**

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Head of the Rostov Regional Branch of the VEO of Russia, Scientific Supervisor, Head of the Department of Economic Activity Analysis and Forecasting at the Rostov State Economic University, Honored Scientist of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics Sci., Professor (Rostov-on-Don, Russia)

Содержание

31 АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

- 32 *А.А. Широв*
Роль экспертного сообщества в обосновании экономической стратегии государства
- 49 *А.А. Шабунова, С.А. Кожевников*
Социально-экономическое пространство СЗФО: проблемы и приоритеты обеспечения связности
- 69 *А.Р. Бахтизин*
Урбанизация и вопросы пространственного развития
- 89 *А.В. Кузнецов*
Транспортная связанность страны как ключ к модернизации России

105 АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ СПИКЕРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК VI МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2024) Часть 3

- 106 *С.П. Воробьев, В.В. Воробьева, Ф. Чжан, А.С. Савченко*
Значение агрохолдингов в производстве сельскохозяйственной продукции региона
- 128 *Э.И. Мантаева, К.А. Савченко-Бельский, И.В. Слободчикова*
К вопросу об уровне инновационного развития региональной экономики

- 146 **Д.В. Манушин**
Антисанкционная и санкционная экономическая политика 2022–2025: санкции, контрсанкции, проблемы импортозамещения и перспективы
- 168 **С.Н. Большаков, С.А. Ткачев, Ю.М. Большакова, А.Е. Квашинева**
Экономическая политика в условиях турбулентности и ограничений
- 193 **П.Б. Акмаров, А.К. Осипов, О.П. Князева**
Решение задач территориального развития на основе многомерных моделей ключевых параметров региона
- 216 **Ю.С. Жукова, А.Ю. Маринина**
Проблемы обеспечения инновационно-ориентированного экономического роста в овощеводстве (на примере чеснока)
- 234 **Р.А. Тимофеева**
Неоклассические факторы развития региональной экономики
- 253 **А.А. Урасова, С.Б. Жемулин**
Оценка элементов научного потенциала сети подведомственных учреждений социальной сферы
- 276 **Э.А. Климентова, А.А. Дубовицкий**
Институциональные предпосылки совершенствования регулирования устойчивого развития сельского хозяйства
- 300 **П.И. Бурак, В.Г. Ростанец**
Регионы РФ с высокой степенью интеграции экономик как новый объект государственного стратегического планирования и управления
- 323 **С.В. Шкиотов, М.И. Маркин, С.Е. Неволина**
Влияние спилловер-эффектов трудовой миграции из стран ЕАЭС на конкурентоспособность Российских регионов

- 343 **М.В. Ткачева, Н.Р. Береснев**
 Кадровые угрозы как основной деструктивный фактор
 экономической безопасности организации
- 365 **Л.И. Ушвицкий, С.Н. Калюгина, О.А. Мухорьянова**
 Исследование проблем кадрового обеспечения реализации
 стратегических направлений социально-экономического
 развития субъектов СКФО
- 393 **М.М. Балог, А.В. Бабкин**
 Референтная модель инновационного потенциала в системе
 обеспечения экономической безопасности региона

Contents

31 ANALYTICAL ARTICLES

32 *Alexander A. Shirov*

The role of the expert community in substantiating the economic strategy of the state

49 *Alexandra A. Shabunova, Sergei A. Kozhevnikov*

Socio-economic space of the northwest federal district: problems and priorities of ensuring connectivity

69 *Albert R. Bakhtizin*

Urbanization and spatial development issues

89 *Alexey V. Kuznetsov*

Transport connection of the country as a key to Russia's modernization

105 ANALYTICAL ARTICLES OF SPEAKERS OF REGIONAL VENUES OF THE VI MOSCOW ACADEMIC ECONOMIC FORUM (MAEF-2024) Part 3

106 *Sergey P. Vorobyov, Victoria V. Vorobyova, Fan Zhang, Alexandra S. Savchenko*

The importance of agricultural holdings in the production of agricultural products in the region

128 *Elza I. Mantaeva, Kirill A. Savchenko-Belsky, Inna V. Slobodchikova*

Level of innovative development of the regional economy

146 *Dmitriy V. Manushin*

Anti-sanctions and sanctions economic policy 2022–2025: sanctions, countersanctions, import substitution problems and prospects

- 168 **Sergey N. Bolshakov, Sergey A. Tkachev, Yulia M. Bolshakova, Alena E. Kvashneva**
Economic policy in conditions of turbulence and restrictions
- 193 **Petr B. Akmarov, Anatoly K. Osipov, Olga P. Kniazeva**
Solving territorial development problems based on multidimensional models of key regional parameters
- 216 **Yulia S. Zhukova, Anastasia Y. Marinina**
Problems of ensuring innovation-oriented economic growth in vegetable growing (using the example of garlic)
- 234 **Rimma A. Timofeeva**
Neoclassical factors of regional economic development
- 253 **Anna A. Urasova, Sergey B. Zhemulin**
Assessment of elements of scientific potential of the network of subordinate institutions of the social sphere
- 276 **Elvira A. Klimentova, Alexander A. Dubovitsky**
Institutional prerequisites for improving the regulation of sustainable agricultural development
- 300 **Petr I. Burak, Viktor G. Rostanets**
Regions of the Russian Federation with a high degree of economic integration as a new object of state strategic planning and management
- 323 **Sergei V. Shkiotov, Maksim I. Markin, Sophia E. Nevolina**
Impact of spillover effects of labor migration from EAEU countries on the competitiveness of russian regions
- 343 **Mariya V. Tkacheva, Nikita R. Beresnev**
Personnel threats as the main destructive factor of an organization's economic security

- 365 **Lev I. Ushvitskiy, Svetlana N. Kalyugina, Oksana A. Mukhoryanova**
Research on the problems of staffing implementation
strategic directions of socio-economic development of the subjects
of the north caucasus federal district
- 393 **Mikhail M. Balog, Alexander V. Babkin**
The reference model of innovative potential in the system of
ensuring economic security of the region

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-32-48

РОЛЬ ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА В ОБОСНОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ГОСУДАРСТВА¹

THE ROLE OF THE EXPERT COMMUNITY IN SUBSTANTIATING THE ECONOMIC STRATEGY OF THE STATE

ШИРОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Член Президиума ВЭО России, директор
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН (ИНП РАН), член-
корреспондент РАН, д.э.н.

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Всероссийском экономическом Собрании, 11 ноября 2024 г., г. Москва.

ALEXANDER A. SHIROV

Member of the Presidium of the VEO of Russia, Director of the Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются основные направления работы экспертного сообщества и Вольного экономического общества России (ВЭО России) в 2024 г. Отмечается возрастающий запрос органов власти на экспертное сопровождение при принятии решений в области экономической политики. Новый электоральный цикл связан с обновлением национальных целей развития, формированием новых национальных проектов, уточнением ряда документов стратегического планирования. Эта деятельность предполагает поддержку со стороны научного сообщества по широкому спектру направлений, от обоснования стратегических целей экономической политики до количественных оценок экономической эффективности планируемых мероприятий. Рассматриваются ключевые развилки текущей экономической политики, вопросы изменения параметров развития мировой экономики, требования к Стратегии пространственного развития России, вопросы реализации бюджетной и денежно-кредитной политики.

ABSTRACT

The main areas of work of the expert community and the VEO of Russia in 2024 are considered. There is an increasing demand from authorities for expert support in decision-making in the field of economic policy. The new electoral cycle is associated with the updating of national development goals, the formation of new national projects, and the refinement of a few strategic planning documents. This activity involves the support of the scientific community in a wide range of areas, from the justifica-

tion of strategic goals of economic policy to quantitative assessments of the economic effectiveness of planned activities. The article considers the key directions of current economic policy, issues of changing the parameters of the global economy, requirements for the Strategy of Spatial Development of Russia, issues of implementation of budget and monetary policy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономическая стратегия, экономический рост, мировая экономика, пространственное развитие, бюджетная политика, денежно-кредитная политика.

KEYWORDS

Economic strategy, economic growth, global economy, spatial development, fiscal policy, monetary policy.

Сопровождение решений в области экономической политики является важной функцией экспертного сообщества. В 2024 г. в России прошли президентские выборы, были обновлены национальные цели развития, сформированы новые национальные проекты. Можно сказать, что была осуществлена корректировка стратегии социально-экономического развития страны и определены приоритеты на ближайшие шесть лет.

Вольное экономическое общество России стало важной площадкой, на которой происходит обсуждение ключевых вопросов экономической повестки. В 2024 г. в рамках международного Московского академического экономического форума (МАЭФ), Абалкинских чтений и других мероприятий ВЭО России² последовательно рассматривались такие темы, как: российская экономика 2024+: новые решения в новой

² <https://veorus.ru/события/хроника-мероприятий>.

реальности; мировое экономическое положение; вопросы пространственного развития России; бюджетная политика — выбор приоритетов; развитие экономики в 2024–2025 гг. Все эти темы находятся в фокусе зрения и правительства, а решения по ним требуют постоянной экспертной поддержки.

И поэтому мнение представителей экспертного сообщества по текущей экономической ситуации в России, транслируемое органам власти — это, как правило, результат довольно длительных дискуссий и комплексных расчетов, которые выполняются во многих институтах и университетах. И это, безусловно, общий результат активной работы экономистов нашей страны, нашедший отражение в документах стратегического характера. Очевидно, что в условиях формирования новой модели экономического развития возрастает востребованность управляющих структур в аналитических материалах и создаются новые условия для качественного взаимодействия между экспертным сообществом и государственными структурами.

В 2024 г. российская экономика перешла определенный рубеж, определяемый тем, что бурный экономический рост, который начался в нашей экономике примерно в июле–августе 2022 г., подошел к концу (рис. 1). Начиная с лета 2024 г. темпы роста стали замедляться. Причинами этого стали ограничения по загрузке производственных мощностей, барьеры при осуществлении внешнеэкономической деятельности, дефицит на рынке труда, жесткая денежно-кредитная политика, высокая база роста, накопленная российской экономикой.

Произошедшее замедление темпов экономического роста — это вызов как для экономической политики, так и для экономического анализа. Требуется определить, что происходит в экономике. Почему снижаются параметры экономической и инвестиционной активности и что можно сделать

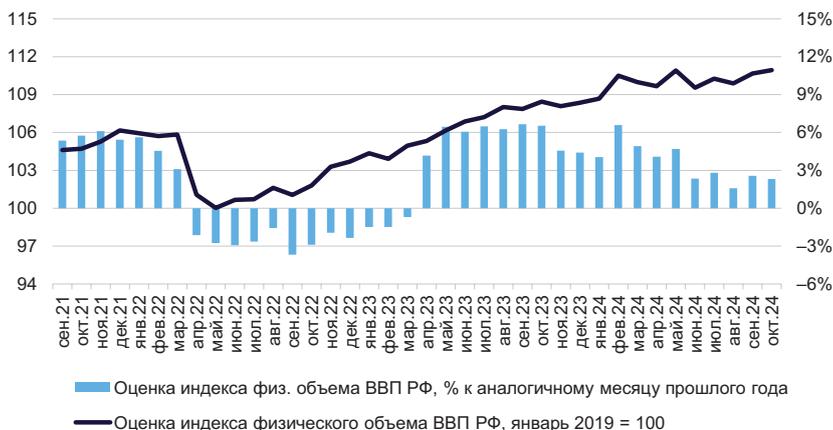

Рис. 1. Помесячная динамика ВВП в 2021–2024 гг.

Источник: Росстат, расчеты ИНП РАН

для того, чтобы, несмотря на факторы, которые тормозят экономику, сохранить темпы роста, необходимые для устойчивого развития, решения тех задач, которые стоят перед нашим обществом.

Задача экспертного сообщества также состоит в том, чтобы найти и обосновать комплексные решения, позволяющие не просто избежать сокращения темпов роста экономики, но и обеспечить дополнительный импульс для инвестиционной и экономической активности в стране в средне- и долгосрочной перспективе.

Россия остается открытой экономикой, заинтересованной в развитии внешнеэкономических связей. В связи с этим важное значение для выстраивания общей экономической

стратегии будет играть анализ перспектив развития мировой экономики на ближайшие десятилетия.

Существует большой диапазон сценариев относительно развития мировой экономики и торговли [1]. Однако наиболее вероятные из них, на наш взгляд, связаны с формированием двух или более центров экономической силы при опережающем росте затрат на исследования и разработки в развивающихся странах [2].

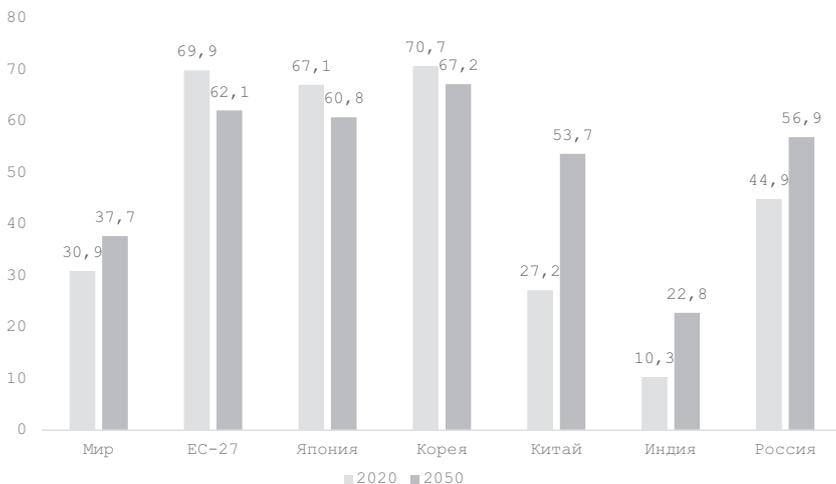

Рис. 2. ВВП на душу населения в рамках сценария Регионализация и опережающее НТР в развивающихся странах по ППС в ценах 2017 г., % (США = 100)

Источник: расчеты ИНП РАН

При таком развитии событий у российской экономики появляются дополнительные возможности, которые связаны, прежде всего, с учетом перераспределения структуры про-

изводственных цепочек в условиях регионализации мировой экономики. Одновременно возникают и определенные ограничения, связанные с тем, что по масштабу экономики Россия не может претендовать на статус глобального центра силы. В связи с этим возникает запрос на новую внешнеэкономическую стратегию.

Ключевым вопросом становится влияние на экономическое развитие евразийских интеграционных процессов. Необходимо настроить механизмы Союзного государства и ЕАЭС на формирование дополнительной экономической динамики за счет производственной кооперации и трансферта технологий. Это предполагает существенное изменение формата взаимодействий и их настройку на получение дополнительных эффектов прежде всего в области развития производства.

Одним из важнейших направлений дискуссий, которые проходили в 2024 г., стало обсуждение обновленной Стратегии пространственного развития [3–5]. И здесь нужно сказать, что, экспертное сообщество внесло свой вклад в то, что по сравнению с той стратегией, которая действует сейчас, которая была разработана в 2019 г., произошли очень существенные изменения [6]. В ходе широкой дискуссии по направлениям пространственной политики было признано, что опора исключительно на агломерации избыточно сужает географию экономического роста и не позволяет нашей экономике решать массу проблем, которые в ней сформировались. С другой стороны, также считается, что неэффективной является попытка абсолютного выравнивания уровня экономической активности по всей территории страны. Выбран вариант, который предполагает поддержку точек роста и расширение географии экономического роста на основе

формирования Опорных населенных пунктов (ОНП), которых сейчас отобрано более 2000. Этот вариант пространственной политики является более сбалансированным, что позволяет эффективнее распределить полномочия между федеральным центром и регионами и в целом повысить результативность действий в этой области.

Важно и то, как сейчас формируется стратегия пространственного развития. Она позиционируется не как одна из множества отраслевых стратегий, которые есть у нас в стране, а как неотъемлемый элемент макроэкономической стратегии. То есть значимость Стратегии пространственного развития должна будет подняться в структуре документов стратегического целеполагания. Это означает, что пространственное развитие рассматривается как инструмент формирования дополнительной экономической динамики.

7 мая 2024 г. был опубликован новый Указ Президента Российской Федерации, который дал старт корректировке инструментов достижения стратегических целей развития. В Федеральном бюджете на 2025–2027 гг. предполагается финансирование 19 национальных проектов (рис. 3), которые можно сгруппировать по трем ключевым направлениям: демография и социальная политика (три проекта); поддержка экономики (восемь проектов); научно-технологическое развитие (восемь проектов).

Сложность формирования новых национальных проектов связана с достаточно жесткими ограничениями, которые сложились в бюджетной системе [7].

В текущих условиях функционирования экономики расходы на оборону и национальную безопасность, а также на социальную поддержку населения являются абсолютным приоритетом, что предполагает их обязательность

как при формировании бюджета, так и в процессе его исполнения. Еще одна трудность связана с тем, что в условиях высоких уровней инфляции и ключевой ставки ограничены возможности финансирования дефицита бюджета за счет внутренних заимствований. В результате объем доступных средств для финансирования национальных проектов в 2025 г. составит примерно 6 трлн руб. или 2,6% от прогнозируемого ВВП на этот год. Оценка мультипликативных эффектов расходов в рамках национальных проектов показывает, что они могут обеспечить формирование примерно 3,5% ВВП в 2025 г. Однако более существенными могут быть длящиеся эффекты, связанные с реализацией ряда программ в сфере технологий, демографии и поддержки экономики.

Жесткость бюджетной конструкции на 2025–2027 гг. повышает требования к отбору проектов. Когда существует большой объем запросов на финансирование мероприятий в рамках национальных проектов, важно понимать, какие из них являются приоритетными с точки зрения достижения национальных целей развития. Традиционно принято оценивать эффект таких затрат на ВВП [8]. Но в современных условиях этого уже недостаточно. Для принятия решений требуются более сложные эффекты, которые связывают между собой экономическую динамику, уровень жизни населения, занятость. То есть то, что непосредственно определяет качество жизни в нашей стране. Но это еще не все.

В последние годы все явственнее проступают проблемы, характерные скорее для советского периода. Речь идет о согласовании оценок спроса на важнейшие виды ресурсов как на основании запросов бизнеса, так и исходя из оценок потенциала роста и макроэкономической динамики.

Рис. 3. Структура расходов Федерального бюджета в 2025–2027 гг.

Например, если посмотреть на то, как российские компании видят перспективный спрос на труд, то мы увидим, что в соответствии с результатами опросов бизнеса, проводившихся Минтруда РФ, уже к 2030 г. занятость должна составить 85 млн человек. Однако очевидно, что и по демографическим, и по технологическим причинам такие цифры занятости вряд ли возможны (в 2024 г. число занятых

составляло примерно 73 тыс. человек) и требуется использовать более совершенную методологию прогнозирования [9].

Такая же проблема у нас возникает при прогнозировании перевозок на железнодорожном транспорте от заявок грузоотправителей, когда прогнозы компаний всегда серьезно превышают те оценки, которые можно было бы обосновать исходя из оценок перспектив развития мировой и российской экономики [10]. Аналогичная ситуация в последнее время складывается и с оценкой перспективного спроса на электрическую энергию. Заявки предприятий на подключение к объектам генерации выше, чем то, что мы видим от экономики. И поэтому важнейшая задача, которая сейчас стоит перед экспертным сообществом — это поиск механизмов, которые позволяют нам балансировать заявки предприятий с тем, как будет развиваться экономика с учетом не только производственных возможностей, но и ограничений по спросу.

В конечном счете завышенные ожидания по объему перевозок или спросу на электроэнергию выливаются в тарифные решения, которые влияют на финансово-экономические показатели всех секторов экономики и население. В связи с этим экспертное сообщество, в том числе и ВЭО России, должны уделять самое пристальное внимание разработке и обсуждению соответствующей методологии.

Наиболее острым моментом дискуссии в области экономической политики в 2024 г. было обсуждение проблем денежно-кредитной политики [11]. И хотя в фокусе внимания была ключевая ставка ЦБ РФ, в финансовой сфере сформировался целый комплекс проблем (рис. 4). Это своеобразный «треугольник», в котором взаимодействуют курс, ставка и параметры бюджета. Эти факторы в решающей степени влияют на параметры инфляции и спроса и, в конеч-

Рис. 4. Основные взаимодействия в финансовой сфере

ном счете, определяют экономическую динамику в стране в краткосрочной перспективе.

Бюджетный импульс воздействует на параметры производства в связанных с государством секторах экономики, а также на смежные предприятия, что ведет к увеличению заработных плат и других факторов спроса, влияя на параметры инфляции, для борьбы с которой повышается ключевая ставка. Рост ключевой ставки начинает негативно влиять на расширение предложения, увеличивает сбережения и, по мере ее повышения, создает «навес» ликвидности, потенциально угрожающий финансовой стабильности в случае существенного смягчения денежно-кредитной политики. Формируется негативное воздействие на бюджетную систему, так как при высокой стоимости заимствований значимый дефицит становится невозможным. В то же время рост ставок требует расширения мер поддержки экономики, что в еще большей степени смещает

фокус экономической активности в сторону контролируемого государством сектора экономики и понижает совокупный потенциал роста.

Ситуация, сложившаяся в российской экономике во второй половине 2024 г., не имеет простых решений и требует от экспертного сообщества детального обсуждения характера инфляционных процессов и выработки мер по обеспечению макрофинансовой стабильности, позволяющей экономике устойчиво развиваться, прежде всего в части расширения предложения на внутреннем рынке.

Ключевой вопрос текущей экономической повестки состоит в возможности обеспечения баланса между макрофинансовой стабильностью и приемлемым для достижения национальных целей развития экономическим ростом.

По-видимому, некоторое замедление темпов роста российской экономики после почти полуторагодового роста с темпом 3–4% неизбежно. Однако задачи, стоящие перед страной, предполагают даже в период балансировки спроса и предложения сохранение темпов роста не менее 2%. В противном случае возрастают риски вхождения в период длительной стагнации, сопоставимой с тем, что происходило в российской экономике в 2015–2019 гг., потери качества роста и сужения потенциальных возможностей экономики.

Анализ факторов роста показывает, что сохранение приемлемых темпов экономического роста даже в условиях сложившихся краткосрочных ограничений возможно. Но для этого потребуются дополнительные усилия в области экономической политики, прежде всего в части координации денежно-кредитной и бюджетной политики, а также эффективное использование тех ограниченных ресурсов, которые направляются на реализацию национальных проектов.

Один из наиболее существенных рисков текущей экономической ситуации состоит в том, что в текущих условиях существенных структурных сдвигов переход к инфляции на уровне текущего таргета в 4% возможен при условии остановки экономического роста. Во всяком случае, об этом говорят расчеты, проводившиеся осенью 2024 г. в ИНП РАН³.

В связи с этим принципиальный характер будет иметь выбор приоритетов развития экономики. От этого будут зависеть как параметры денежно-кредитной политики, так и требования к бюджетной системе. Например, высокая скорость структурных сдвигов предполагает выработку сценариев постепенного снижения инфляции, учитывающих требования по развитию ключевых секторов российской экономики.

В целом, переход от адаптации экономики к новым условиям развития предполагает последовательную реализацию комплексной долгосрочной стратегии развития экономики, что требует скоординированных усилий государственных структур и экспертного сообщества при выборе инструментов управления экономикой. Она значительно изменилась и требуются новые знания о факторах роста, доступных ресурсах и ее потенциале. То есть та информация, которая позволит принимать наиболее эффективные решения по управлению экономикой.

Библиографический список

1. Ершов М.В. Глобальные тенденции в мировой экономике и новые возможности для России. Вопросы экономики. 2024;(12):5-28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-12-5-28>.

³ <https://ecfor.ru/publication/kvartalnyj-prognoz-vvp-vypusk-64/>.

2. Россия в условиях регионализации мировой экономики / А.А. Широ́в, Б.Н. Порфи́рьев, М.С. Гусев, А.Ю. Колпаков // Мировая экономика и международные отношения. — 2024. — Т. 68, № 11. — С. 72–83. — DOI 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.
3. Кузнецова О.В. К новой стратегии пространственного развития России / О.В. Кузнецова, А.Г. Дружинин // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4(205). — С. 36–45. — DOI 10.47711/0868-6351-205-36-45.
4. Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке: Программы фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук 2012–2019. — М.: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2020. — 365 с.
5. Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // Федерализм. 2024. Т. 29. № 2. С. 32–47. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47.
6. Нефедова Т.Г., Стрелецкий В.Н., Тревиш А.И. Поляризация социально-экономического пространства современной России: причины, направления и последствия // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 6. С. 551–563.
7. Буклемишев О.В. Факторы «военного кейнсианства» в современной экономической политике России. Вопросы экономики. 2024;(11):5-17. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-11-5-17>.
8. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты-выпуск» / М.Ю. Ксенофонов, А.А. Широ́в, Д.А. Ползиков, А.А. Янтовский // Проблемы прогнозирования. — 2018. — № 2(167). — С. 3–13.
9. Омельченко И.Б. Прогноз потребности экономики в кадрах для формирования государственного заказа системе образования / И.Б. Омельченко, А.С. Сафонов // Социально-трудовые исследования. — 2024. — № 4(57). — С. 139–149. — DOI 10.34022/2658-3712-2024-57-4-139-149.

10. Использование метода межотраслевого баланса для научного обоснования стратегического развития железнодорожной системы России / В.В. Ивантер, М.Н. Узяков, А.А. Широ́в [и др.]; Ответственный за выпуск О.В. Павлова. — Москва: УП Принт, 2015. — 208 с. — ISBN 978-5-91487-070-3.
11. Некипелов А.Д. От нейтрализации внешних шоков к устойчивому долгосрочному развитию // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2024. — Т. 248. — №. 4. — С. 130–142.

References

1. Ershov M.V. Global'nye tendencii v mirovoj jekonomike i novye vozmozhnosti dlja Rossii. Voprosy jekonomiki. 2024;(12):5-28. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-12-5-28>.
2. Rossija v uslovijah regionalizacii mirovoj jekonomiki / A.A. Shirov, B.N. Porfir'ev, M.S. Gusev, A.Ju. Kolpakov // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. — 2024. — Т. 68, № 11. — С. 72–83. — DOI 10.20542/0131-2227-2024-68-11-72-83.
3. Kuznecova O.V. K novej strategii prostranstvennogo razvitija Rossii/O.V.Kuznecova,A.G.Druzhinin //Problemyprognozirovaniya. — 2024. — № 4(205). — С. 36–45. — DOI 10.47711/0868-6351-205-36-45.
4. Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitija Rossii v XXI veke: Programmy fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk 2012–2019. — М.: ООО Товарishhestvo nauchnyh izdanij KMK, 2020. — 365 s.
5. Buhval'd E.M. Jekonomicheskoe prostranstvo kak pole realizacii nacional'nyh celej Rossii // Federalizm. 2024. Т. 29. № 2. С. 32–47. DOI: 10.21686/2073-1051-2024-2-32-47.
6. Nefjodova T.G., Streleckij V.N., Trejvish A.I. Poljarizacija social'no-jekonomicheskogo prostranstva sovremennoj Rossii: prichiny, napravlenija i posledstvija // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2022. Т. 92. № 6. С. 551–563.

7. Buklemishev O.V. Faktory «voennogo kejnspanstva» v sovremennoj jekonomicheskoj politike Rossii. Voprosy jekonomiki. 2024;(11):5-17. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-11-5-17>.
8. Ocenka mul'tiplikativnyh jeffektov v rossijskoj jekonomike na osnove tablic «zatraty-vypusk» / M.Ju. Ksenofontov, A.A. Shirov, D.A. Polzikov, A.A. Jantovskij // Problemy prognozirovaniya. — 2018. — № 2(167). — S. 3–13.
9. Omel'chenko I.B. Prognoz potrebnosti jekonomiki v kadrah dlja formirovaniya gosudarstvennogo zakaza sisteme obrazovanija / I.B. Omel'chenko, A.S. Safonov // Social'no-trudovye issledovanija. — 2024. — № 4(57). — S. 139–149. — DOI 10.34022/2658-3712-2024-57-4-139-149.
10. Ispol'zovanie metoda mezhotraslevogo balansa dlja nauchnogo obosnovaniya strategicheskogo razvitija zheleznodorozhnoj sistemy Rossii / V.V. Ivanter, M.N. Uzjakov, A.A. Shirov [i dr.]; Otvetstvennyj za vypusk O.V. Pavlova. — Moskva: UP Print, 2015. — 208 s. — ISBN 978-5-91487-070-3.
11. Nekipelov A.D. Ot nejtralizacii vneshnih shokov k ustojchivomu dolgo-rochnomu razvitiju // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. — 2024. — T. 248. — №. 4. — S. 130–142.

Контактная информация / Contact Information

Институт народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук

117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47

Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences

47, Nakhimovsky prospect, 117418, Moscow, Russia

Широв Александр Александрович / Alexander A. Shirov

schir@ecfor.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-49-68

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПРОСТРАНСТВО СЗФО:
ПРОБЛЕМЫ И ПРИОРИТЕТЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗНОСТИ**
**SOCIO-ECONOMIC SPACE
OF THE NORTHWEST
FEDERAL DISTRICT:
PROBLEMS AND
PRIORITIES OF ENSURING
CONNECTIVITY**

**ШАБУНОВА АЛЕКСАНДРА
АНАТОЛЬЕВНА**

Директор ФГБУН «Вологодский научный центр
Российской академии наук», д.э.н, доцент

ALEXANDRA A. SHABUNOVA

Director, Vologda Research Center, Russian
Academy of Sciences, Doctor of Sciences
(Economics)

**КОЖЕВНИКОВ СЕРГЕЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Ведущий научный сотрудник, заведующий Центром исследования пространственного развития социально-экономических систем, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук», к.э.н.

SERGEI A. KOZHEVNIKOV

Head of the Center for the Study of Spatial Development of Socio-Economic Systems, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences Candidate of Sciences (Economics)

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы проблемы, обоснованы приоритеты обеспечения связности пространства СЗФО с позиции каркасного подхода. Выявлено, что ключевыми тенденциями развития является форсированное локационное сжатие пространства, усиление центр-периферийных различий, что ведет к деградации целого ряда узловых и не узловых элементов каркаса. Авторами обоснована необходимость формирования полицентричного пространственного каркаса СЗФО за счет развития потенциала агломераций «второго эшелона», опорных населенных пунктов и реализации на базе их межрегиональных и межмуниципальных проектов.

ABSTRACT

The article examines the problems and substantiates the priorities for ensuring the connectivity of the Northwestern Federal District space from the perspective of a framework approach. It is substantiated that the key development trends are forced locational compression of space, strengthening of center-peripheral differences, which leads to the degradation of a number of nodal and non-nodal elements of the framework. The authors substantiate the need to form a polycentric spatial framework of the NWFD by developing the potential of the «second-tier»

agglomerations, supporting settlements and implementing interregional and inter-municipal projects based on them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Пространственный каркас, связность пространства, агломерации «второго эшелона», межрегиональная интеграция СЗФО.

KEYWORDS

Spatial framework, spatial connectivity, «second-tier» agglomerations, interregional integration, Northwestern Federal District.

ВВЕДЕНИЕ

Состояние национального социально-экономического пространства и преобладающая парадигма пространственного развития является производными от доминирующей на каждом историческом этапе модели хозяйствования. Так, если советский период развития страны характеризовался активным внедрением плановых начал в экономике, ускоренной индустриализацией, освоением зоны Севера и Арктики, формированием здесь сети новых городов, то это отразилось на развитии узловых элементов пространственного каркаса.

Вместе с тем в начале 90-х гг. XX века произошел слом плановой модели, резкое отторжение старых и насаждение новых механизмов хозяйственного развития. В частности, в ходе либеральных рыночных реформ 90-х гг. по методическим рекомендациям МВФ и Всемирного банка России была навязана *модель рыночной организации пространства*, фокус в которой был сделан на поддержку ограниченного числа «регионов-локомотивов», что привело к фактическому управляемому сжатию пространства ряда территорий, признанных неперспективными и не имеющими, по мнению реформаторов, потенциала для развития.

На данном историческом этапе пространственное развитие страны и ее регионов диктовалось внешними факторами и конъюнктурой на мировых рынках. В региональной политике активно лоббировались интересы крупных компаний (прежде всего, сырьевых), монопольно-олигархические отношения способствовали превалированию узкоотраслевых интересов над стратегическими приоритетами развития территории, что в конечном счете при несформировавшемся внутреннем рынке негативно отразилось на специализации территорий, привело к примитивизации структуры и разрушению ядра экономики малых/средних городов, сельской местности, которые не вписались в мировое разделение труда; измельчению поселенческо-расселенческой сети, разрушению межрегиональных связей, связующей инфраструктуры и, в конечном счете, к утрате потенциала огромных территорий [1].

Следует отметить, что с 2022 г. в политике пространственного развития России произошли определенные изменения: был обозначен приоритет на необходимость обеспечения сбалансированного пространственного развития на основе связности и соразвития агломераций, городов различного уровня иерархии и сельских территорий¹.

При этом такая политика, на наш взгляд, должна реализовываться не на региональном, а на макрорегиональном уровне, что позволит эффективно использовать потенциал межрегиональной интеграции. В таком случае Северо-Западный федеральный округ (СЗФО) имеет значительный потенциал для реализации такого подхода к пространственному развитию, поскольку его современные границы

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р).

совпадают с границами существовавшего ранее крупного экономического района Северо-Запад.

Цель работы — выявление ключевых проблем и обоснование стратегических приоритетов обеспечения связности пространства регионов СЗФО.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологической основой представленного исследования выступили положения теории «центр-периферия» [2], опорного [3, 4] и пространственного [5, 6] каркасов. Пространственный каркас, в отличие от опорного, фокус делает не только на города и магистрали, а является своего рода интегральным подходом к исследованию многомерного социально-экономического пространства (рис. 1).

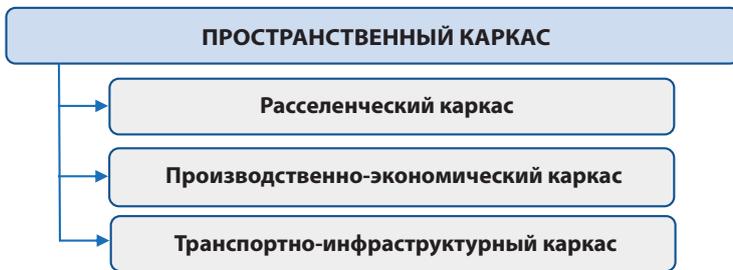

Рис. 1. Элементы пространственного каркаса макрорегиона

Источник: [7]

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Расселенческий каркас

В постсоветский период на макро- и внутрирегиональном уровнях усиливается *центростремительный вектор пространственного развития*. В отношении каркаса расселения

это проявляется в сокращении численности населения северной широтной проекции макрорегиона — Европейского Севера России (в 1990–2023 гг. на 34,4%) на фоне увеличения населения южных регионов (г. Санкт-Петербурга — на 11,9%), Ленинградской области — на 21,5%), Калининградской области — на 16,6%)) [7].

За аналогичный период в почти 90% муниципальных образований округа (в расчет не брались 11 ЗАТО по причине отсутствия по ним информации) численность жителей сократилась. Так, в Республике Коми население практически всех муниципалитетов северо-востока (Инта, Воркута, Вуктыл, Троицко-Печорский) уменьшилось более чем в два раза; ряд территорий (Княжпогостский и Удорский муниципальные районы) потеряли до 2/3 своего населения. Эти процессы связаны с кризисом в традиционных отраслях специализации территории, выработкой месторождений, которые выступали в качестве экономической базы сформировавшихся здесь ранее поселений [8].

В целом эти процессы ведут к нарастанию дисбаланса в системе расселения макрорегиона, что проявляется в усилении роли крупных городов и ряда малых (последние имеют потенциал превращения в опорные населенные пункты для огромных неурбанизированных пространств макрорегиона), на фоне «вымывания» населения из средних городов, а также огромного количества сельских населенных пунктов [7]. При этом в 1990–2023 гг. в регионах СЗФО данные процессы происходили более форсированно, чем в целом по стране (табл. 1).

Вместе с тем малые и средние города являются организующими центрами для окружающих их сельских территорий. Все вышеперечисленное является причиной локационного

Таблица 1

Доля городского населения в общей численности жителей региона, %

Территория	Год							2023 к 1990, %	2023 к 2000, %	2023 к 2020, %
	1990	2000	2010	2020	2022	2023	2023			
РФ	73,7	73,2	73,7	74,7	74,9	74,9	1,2*	1,8	1,2	
СЗФО	82,3	82,2	83,4	84,8	85,0	85,0	2,8	2,9	1,6	
Европейский Север России										
Республика Карелия	81,7	74,4	77,9	79,2	79,6	79,8	-1,9	5,5	1,9	
Республика Коми	75,9	75,4	76,8	77,5	77,6	77,8	1,9	2,4	1,0	
Архангельская область (без НАО)	74,1	75,2	75,7	77,5	77,7	78,0	3,9	2,8	2,2	
Ненецкий авт. округ	63,8	62,2	67,5	73,6	74,4	74,7	10,8	12,4	7,2	
Вологодская область	65,7	68,7	70,4	72,4	72,5	72,6	6,9	3,9	2,2	
Мурманская область	91,5	92,2	92,8	93,0	93,1	93,0	1,5	0,8	0,2	
Южная широтная проекция										
г. Санкт-Петербург	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	
Калининградская область	79,0	77,6	77,4	76,9	76,7	76,6	-2,4	-1,0	-0,8	
Ленинградская область	66,1	66,3	65,7	66,5	67,1	67,3	1,2	0,9	1,5	
Новгородская область	69,8	69,6	70,6	72,6	73,1	73,2	3,4	3,6	2,6	
Псковская область	63,3	65,5	70,0	70,7	70,9	70,8	7,5	5,3	0,8	

Источник: составлено авторами по данным Росстата.* Зеленой заливкой отмечены положительные тенденции, красной – негативные

сжатия освоенного пространства округа и, как следствие, экономического «опустынивания» огромных территорий. В частности, в настоящее время в Вологодской области около 70% сельских населенных пунктов было с численностью проживающих в них жителей менее 10 человек, либо вовсе без населения (в 1989 г. к такой категории относилось 48,4%, табл. 2). Схожие тенденции наблюдаются и в других регионах СЗФО.

Таблица 2

Доля сельских населенных пунктов Вологодской области без жителей и с людностью до 10 чел., ед.

Численность населения, чел.	1989 г.		2002 г.		2010 г.		2020 г.		2020 г. к 1989 г.	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	раз	п.п.
Без населения	1346	15,9	1625	20,2	2131	26,6	2313	29,6	1,72	13,7
до 10	2746	32,5	3046	37,9	3228	40,3	3160	40,4	1,15	7,9
ИТОГО	8459	100	8041	100	8006	100	7824	100	0,93	–
Источник: составлено авторами по данным Всероссийских переписей населения										

В условиях стремительно стареющего населения в ближайшие годы это может привести к практически полному обезлюдению данных населенных пунктов. Вместе с тем эти территории, на наш взгляд, имеют определенный, но в текущих условиях хозяйствования, к сожалению, недостаточно полно используемый социально-экономический, культурный и иной потенциал.

Производственно-экономический каркас

Доля регионов Северо-Запада в общероссийском объеме отгруженных товаров, выполненных работ и услуг в 1990–2023 гг. увеличилась с 9,7 до 12,5% (табл. 3). Однако от-

Таблица 3
Доля регионов СЗФО в объеме отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в целом по РФ, %

Территория	Год										2023 к 1990, +/- п.п.	2023 к 2020, +/- п.п.		
	1990	2000	2010	2020	2021	2022	2023	2023	2023	2023				
РФ	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	—	—
СЗФО	9,7	10,1	12,4	12,2	13,1	12,7	12,5	12,5	12,7	12,7	12,5	12,5	+2,8	+0,3
Европейский Север России														
Республика Карелия	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3	-0,2	-0,1
Республика Коми	0,7	1,1	1,0	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	+0,1	0,0
Ненецкий авт. округ	0,0	0,1	0,5	0,4	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	+0,5	+0,1
Архангельская область (без НАО)	Н.д.	0,8	0,4	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	—	-0,1
Вологодская область	1,0	1,8	1,2	1,1	1,4	1,2	1,1	1,4	1,2	1,1	1,1	1,1	+0,1	0,0
Мурманская область	0,9	1,0	0,7	1,4	1,3	1,1	1,0	1,4	1,3	1,1	1,0	1,0	+0,1	-0,4
Южная широтная проекция														
г. Санкт-Петербург	3,4	2,7	5,0	4,4	4,9	5,2	5,6	4,9	5,2	5,2	5,6	5,6	+2,2	+1,2
Калининградская область	0,5	0,3	0,9	0,9	0,9	0,6	0,5	0,9	0,6	0,6	0,5	0,5	+0,0	-0,4
Ленинградская область	1,1	1,2	1,6	1,8	1,9	1,9	1,8	1,9	1,9	1,9	1,8	1,8	+0,8	0,0
Новгородская область	0,4	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	-0,1	0,0
Псковская область	0,4	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	-0,2	0,0

Источник: составлено авторами по данным Росстата

метим, что по итогам 2022–2023 гг. СЗФО и большинство его регионов стали одними из наиболее пострадавших от санкционного давления (санкции «ударили» в первую очередь по экспортоориентированным регионам, в частности, по Вологодской области, Карелии). В результате удельный вес округа в 2021–2023 гг. снизился с 13,1 до 12,5%.

В экономическом плане на муниципальном уровне в постсоветский период отчетливо наблюдались процессы *периферизации*, то есть в первую очередь хозяйственного «опустынивания» большинства удаленных от административных центров и центров экономического роста территорий. Она проявляется в сокращении объемов, темпов промышленного и сельскохозяйственного производства, снижении инвестиционной активности. В частности, если в 1990-е гг. между муниципалитетами Карелии дифференциация по среднему душевым инвестициям в основной капитал составляла три раза, то в настоящее время достигает уже 42 раза; в Коми данный разрыв увеличился с 18,5 до 88,1 раза (табл. 4). Особенно активно хозяйственное «опустынивание» идет в регионах северной широтной проекции, отличающихся более сложными условиями для проживания и ведения предпринимательской деятельности.

В целом, анализируя трансформацию производственно-экономического каркаса макрорегиона в постсоветский период, можно отметить следующее. Ключевыми экономическими центрами были и остаются:

а) территории ресурсной специализации (Ненецкий автономный округ, республики Коми и Карелия; на внутрирегиональном уровне — муниципальный округ Усинск, городской округ Ухта и др.);

Таблица 4

Доля муниципальных образований в объеме инвестиций в основной капитал региона, %

Республика Карелия			Республика Коми			Вологодская область		
Отношение максимального и минимального значения объемов инвестиций в основной капитал среди муниципальных образований, раз								
Республика Карелия	1990	2022	Республика Коми	1995	2022	Вологодская область	1990	2022
	24,4	600,9		64,7	328,1		46	754,7
Отношение максимального и минимального среднедушевого значения объемов инвестиций в основной капитал среди муниципальных образований, раз								
Республика Карелия	1990	2022	Республика Коми	1995	2022	Вологодская область	1990	2022
	3,1	41,6		18,5	88,1		7,2	21,9
Источник: составлено авторами по данным Росстата и его территориальных органов								
Ранжировано в порядке убывания доли муниципального образования в 2022 г.								

б) территории с развитой обрабатывающей промышленностью, ориентированные на переработку природных ресурсов, которыми богат макрорегион (Архангельская, Вологодская, Мурманская области; на внутрирегиональном уровне – городские округа Череповец, Вологда, Петрозаводск и т.п.);

в) г. Санкт-Петербург и Ленинградская область, формирующие Санкт-Петербургскую городскую агломерацию с наиболее диверсифицированной структурой обрабатывающих производств и в целом экономики.

При сохранении сложившейся структуры экономики наиболее неустойчивыми с точки зрения долгосрочных перспектив экономического развития, предусматривающих переход к новому технологическому укладу, видятся добывающие регионы и муниципалитеты. Об этом свидетельствует яркий пример г. Воркуты.

Транспортно-инфраструктурный каркас

Регионы Северо-Запада России характеризуются рядом проблем, связанных с относительно слабым развитием транспортно-инфраструктурного каркаса, что ограничивает внутрирегиональную связность экономического пространства округа. В отношении транспортной инфраструктуры наиболее неблагоприятная ситуация складывается с автомобильными дорогами. Так, для территорий СЗФО характерна низкая степень инфраструктурной обеспеченности (в 2023 г. плотность автодорог с твердым покрытием в целом по макрорегиону была ниже средне-российского уровня (63 против 66 км/тыс. кв. км территории)) [7].

При этом более низкая обеспеченность и качество автодорог на сельских территориях Севера (рис. 2). В частности, почти половина сельских населенных пунктов Архангельской области в настоящее время не имеют связи по дорогам с твердым покрытием с сетью дорог общего пользования; в Коми и Вологодской области — около трети.

При этом в северных регионах округа преобладают дороги IV и V категорий, которые включают в себя 1–2 полосы для движения с расчетной скоростью не более 60 км/ч (к таким категориям в Архангельской области относится 73,2% автодорог, в Вологодской области — 82,8%, по РФ — 69,8%, СЗФО — 72,9%).

Слабая автотранспортная связность в совокупности с наличием неохваченных сетями стандарта 3G и выше зон в пределах 1,5-часовой транспортной доступности до административных и экономических центров регионов усугубляет проблемы периферийности территорий, сдерживает развитие городских агломераций.

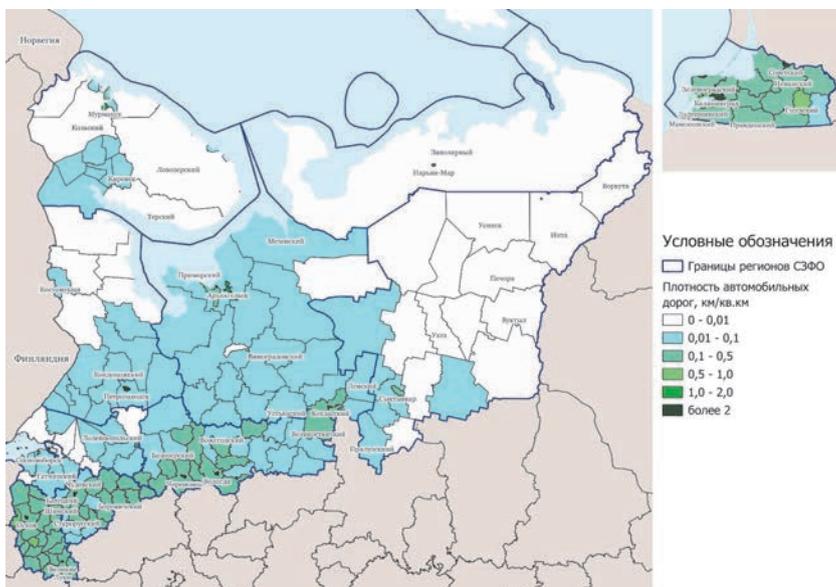

Рис. 2. Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием, км дорог на 1 тыс. кв. км территории

Источник: составлено авторами

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одной из наиболее острых проблем развития макрорегиона является форсированное локационное сжатие освоенного пространства, усиление центр-периферийных различий на внутри- и межрегиональном уровнях. Все это ведет к существенной деградации целого ряда узловых и не узловых элементов каркаса, слабой их связности. Особенно актуальными эти проблемы становятся в условиях обострения геополитической турбулентности, поскольку СЗФО является

округом, который наиболее сильно пострадал от санкций и разрыва сложившиеся производственно-логистических цепочек.

В связи с этим, на наш взгляд, стратегическими приоритетами пространственного развития СЗФО, обеспечивающими повышение его связности, являются следующие:

1) формирование полицентричного пространственного каркаса. Это заключается, прежде всего, в идентификации и государственной поддержке опорных узловых точек в пространстве, которыми могут быть:

а) ряд крупных городов, имеющих потенциал для формирования на базе их городских агломераций «второго эшелона» (Мурманская, Архангельская, Вологодская, Петрозаводская и др.). Приоритетами государственной политики по отношению к данным агломерациям, по нашему мнению, является повышение интегрированности города-ядра и спутниковой зоны (реализация проектов производственно-экономической кооперации, развитие связующей инфраструктуры, формирование единого рынка жилья, труда); поддержка процессов формирования в ядре отраслей с высокой добавленной стоимостью, базирующихся в своем развитии на существующие конкурентные преимущества территории, и способных продуцировать позитивные эффекты для региональной экономики за счет эффекта масштаба.

б) за пределами агломераций и зон их непосредственного влияния такими опорными точками могут быть ряд малых/средних городов, которые выполняют функции организующих центров не только для прилегающих к ним сельских территорий, но и субрегионального уровня. В соответствии с действующим законодательством в регионах был опре-

делен перечень таких опорных населенных пунктов. Ключевыми критериями их идентификации являются более благоприятная демографическая ситуация, транспортная связность с административным центром субъекта РФ, высокая обеспеченность населения социальной, инженерной инфраструктурой. Иными словами, опорный населенный пункт является центром социально-культурного обслуживания жителей сельских территорий. Однако важно, чтобы он выполнял в первую очередь *функции организующего экономического центра субрегионального уровня*, где локализованы отрасли, способные обеспечить устойчивое развитие не только самого города, но и прилегающих к нему территорий.

В связи с этим государственная политика, на наш взгляд, должна быть ориентирована на поддержку и технологическую модернизацию отраслей, являющихся ядром экономики города, проектирование перспективной экономической специализации с учетом анализа потенциала территории, глобальных научно-технологических трендов; возрождения — на инновационной основе связей по линии «крупный город — малый/средний город-село», поскольку традиционно данные города в нашей стране выполняли функции центрального места второго уровня иерархии, устойчивое функционирование которых возможно только в связи с другими населенными пунктами [9]. Это позволит остановить фактически неконтролируемую в настоящее время их депопуляцию.

2) обоснование перспектив и поиск драйверов развития сельских территорий округа, их экономической базы в условиях локационного сжатия освоенного пространства на основе модернизации как традиционных от-

раслей (АПК, ЛПК и др.), так и обеспечения альтернативной занятости;

3) повышение транспортной связности крупных центров экономического роста, опорных населенных пунктов, периферийных сельских территорий за счет развития опорной транспортной сети макрорегиона. В силу того, что в пространстве СЗФО значительную долю занимают северные регионы, слабая транспортная связность которых ограничивает потенциал развития целого ряда периферийных территорий, актуальной задачей является формирование транспортной связности основных опорных населенных пунктов. Это возможно обеспечить за счет строительства новых, модернизации имеющихся автодорог; компенсации населению и хозяйствующим субъектам дополнительных издержек, связанных с периферийностью; развития внутреннего водного транспорта, малой авиации, альтернативных видов транспорта на Севере, мультимодальных перевозок. Инструментами их реализации может стать реализация проектов ГЧП и МЧП [10].

4) развитие потенциала межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Решение проблем развития территорий регионов, муниципальных образований СЗФО возможно за счет консолидации их потенциала в рамках развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Несмотря на определенную сформированность нормативно-правовых, институциональных рамок и инструментального обеспечения (межрегиональные соглашения о сотрудничестве, возможность разработки стратегии развития части субъекта РФ в соответствии с требованиями ФЗ № 172, схем территориального развития нескольких субъектов РФ, горизонтальные субсидии и кре-

диты и др.), существующая практика такого сотрудничества зачастую носит довольно декларативный характер. Вместе с тем важной является разработка и реализация межрегиональных и межмуниципальных проектов в экономической сфере, что позволит создать новые «точки роста» в регионах СЗФО. Поэтому актуальной задачей является формирование благоприятных институционально-инструментальных основ, направленных на разработку и реализацию проектов развития меж- и внутрирегионального уровня.

Реализация комплекса данных мероприятий позволит создать объективные предпосылки для обеспечения связности социально-экономического пространства округа как адекватного ответа на обостряющиеся вызовы современности.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР «Факторы и инструменты обеспечения сбалансированного пространственного развития регионов России в условиях обострения больших вызовов» (FMGZ-2025-0013).

Библиографический список

1. Кузнецова Т.В., Никифоров Л.В. О стратегии использования пространственного потенциала России // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2013. — № 2. — С. 51–64.
2. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. — 279 p.
3. Баранский Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов // Экономическая география. Экономическая картография. М.: Географгиз, 1956. — С. 168.

4. Дмитриева Т.Е. Опорный каркас как основа формирования эффективного пространства социального развития северного региона (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2023. — № 4. — С. 34–48.
5. Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Атаева А.Г. Методологический подход и инструментарий обеспечения сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5.
6. Яковлева С.И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования // Псковский регионологический журнал. — 2013. — № 15. — С. 15–25.
7. Ускова Т.В., Кожевников С.А., Патракова С.С. Тенденции пространственного развития регионов Северо-Запада России в XXI веке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2024. — Т. 17. № 5. — С. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.
8. Шабунова А.А., Груздева М.А., Соколова А.А. Людские ресурсы СЗФО: движение и локализация // ЭКО. — 2023. — № 8(590). — С. 35–56. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-8-35-56.
9. Руководство по проектированию малых городов в системах расселения / ЦНИИП градостроительства. М: Стройиздат, 1979. — 129 с.
10. Кожевников С.А. Особенности развития государственно-частного партнерства в регионах России // Вопросы территориального развития. — 2015. — № 9(29). — С. 1. URL: http://vtr.vsc.ac.ru/article/1645/full?_lang=ru (дата обращения: 25.10.2024).

References

1. Kuznetsova T.V., Nikiforov L.V. O strategii ispol'zovaniya prostranstvennogo potentsiala Rossii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya. — 2013. — № 2. — S. 51–64.

2. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966. — 279 p.
3. Baranskii N.N. Ob ekonomiko-geograficheskom izuchenii gorodov // Ekonomicheskaya geografiya. Ekonomicheskaya kartografiya. M.: Geografiz, 1956. — S. 168.
4. Dmitrieva T.E. Opornyi karkas kak osnova formirovaniya effektivnogo prostranstva sotsial'nogo razvitiya severnogo regiona (na primere Respubliki Komi) // Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. — 2023. — № 4. — S. 34–48.
5. Gainanov D.A., Gataullin R.F., Ataeva A.G. Metodologicheskii podkhod i instrumentarii obespecheniya sbalansirovannogo prostranstvennogo razvitiya regiona // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. — 2021. — T.14. — № 2. — S. 75–91. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.5.
6. Yakovleva S.I. Karkasnye modeli v regional'nykh skhemakh territorial'nogo planirovaniya // Pskovskii regionologicheskii zhurnal. — 2013. — № 15. — S. 15–25.
7. Uskova T.V., Kozhevnikov S.A., Patrakova S.S. Tendentsii prostranstvennogo razvitiya regionov Severo-Zapada Rossii v XXI veke // Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz. — 2024. — T. 17. № 5. — S. 266–293. DOI: 10.15838/esc.2024.5.95.15.
8. Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Sokolova A.A. Lyudskie resursy SZFO: dvizhenie i lokalizatsiya // EKO. — 2023. — № 8(590). — S. 35–56. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-8-35-56.
9. Rukovodstvo po proektirovaniyu malykh gorodov v sistemakh rasseleniya / TsNIIP gradostroitel'stva. M: Stroizdat, 1979. — 129 s.
10. Kozhevnikov S.A. Osobennosti razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v regionakh Rossii // Voprosy territorial'nogo razvitiya. — 2015. — № 9(29). — S.1. URL: http://vtr.vscs.ac.ru/article/1645/full?_lang=ru (data obrashcheniya: 25.10.2024).

Контактная информация / Contact information

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of
the Russian Academy of Sciences (VolRC RAS)

56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia.

Шабунова Александра Анатольевна / Alexandra A. Shabunova
aas@vscc.ac.ru

Кожевников Сергей Александрович / Sergei A. Kozhevnikov
kozhevnikov_sa@bk.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-69-88

УРБАНИЗАЦИЯ И ВОПРОСЫ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ¹

URBANIZATION AND SPATIAL DEVELOPMENT ISSUES

БАХТИЗИН АЛЬБЕРТ РАУФОВИЧ

Директор Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой математических методов анализа экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член Президиума ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н.

ALBERT R. VAKHTIZIN

Director of the Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Mathematical Methods of Economic Analysis of the Faculty of Economics of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Presidium of the VEO of Russia, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Научном форуме «Абалкинские чтения», 18 сентября 2024 г., г. Москва.

АННОТАЦИЯ

В материале рассмотрены вопросы пространственного развития, процессы урбанизации и их влияние на рождаемость, возможность преломления депопуляционного тренда, а также эффективность программы материнского капитала. Кроме того, оценены некоторые механизмы стимулирования рождаемости.

ABSTRACT

The report examines issues of spatial development, urbanization processes and their impact on birth rates, the possibility of reversing the depopulation trend, and the effectiveness of the maternal capital program. In addition, some mechanisms for stimulating birth rates are assessed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Пространственное развитие, урбанизация, стимулирование рождаемости.

KEYWORDS

Spatial development, urbanization, stimulation of birth rate.

Стратегия пространственного развития, о которой уже говорилось, это важнейший документ, который необходим нашей стране, учитывая ее размеры, высокую дифференциацию социально-экономического развития регионов и слабую связность территорий.

Неравномерное расселение жителей характерно не только для России, но практически для любой страны с большой площадью. На рис. 1 видно, что в юго-восточной части Китая проживет 94% населения, а в северо-западной только 6% (разделение по воображаемой линии Хэйхэ-Тэнчун). В США 80% населения проживает в восточной части страны, и только 20% в западной. В России перекося также существенный, но он еще дополнительно усугубляется размерами

территории — получается, что гигантская восточная часть малолюдна.

В этой связи представляется очень важным то, что целью *Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.* является формирование системы расселения и территориальной организации страны, которая будет способствовать достижению национальных целей развития Российской Федерации и обеспечению национальной безопасности. Для ее достижения сформулирован перечень задач, одна из которых заключается в создании условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации, включая условия для сокращения оттока постоянно проживающего населения из регионов Сибири и Дальнего Востока [1].

Тем не менее отдельные положения Стратегии вызывают беспокойство, поскольку концентрация усилий по повышению качества среды для жизни, обеспечению приоритетного развития социальной, энергетической, коммунальной, транспортной и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры планируется преимущественно в опорных населенных пунктах (ОПН), численность которых предполагается на уровне 2300, в то время как общее количество населенных пунктов в России более 153 тыс. Приоритизация развития ОПН вряд ли будет способствовать сокращению межрегиональной дифференциации, а скорее приведет к обезлюживанию населенных пунктов вне перечня. Также следует обратить внимание на недостаточную проработку положений Стратегии, связанных с развитием сельских территорий, при этом отмечу, что число сельских населенных пунктов без населения за период с 2002 по 2022 г. возросло с 13 086 до 24 751, то есть почти в два раза.

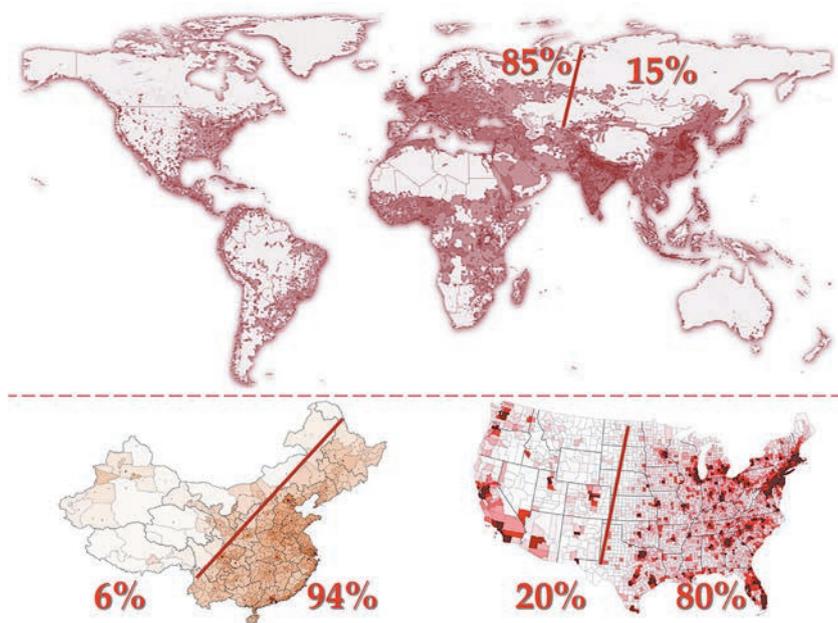

Рис. 1. Диспропорции расселения жителей для мира в целом и для России, Китая и США в отдельности

При этом межрегиональная дифференциация только нарастает и по последним опубликованным данным различие между максимальным и минимальным значением ключевого показателя «ВРП на душу населения» среди субъектов РФ составляет почти 74 раза, в то время как для других стран разброс этого индикатора гораздо меньше (табл. 1).

Как уже упоминалось коллегами ранее, проблемные места принимаемой Стратегии — это отсутствие увязки с другими документами стратегического планирования, и в этой связи хотелось бы обратить внимание на аналогичный документ, реализуемый в КНР и предлагающий

Таблица 1

Различия показателей «ВРП на душу населения» в разрезе территориальных единиц по отдельным странам (2022 г.), в разгах

Страны	Количество территориальных единиц	Различия	Источники
Индия	28 штатов и 8 союзных территорий	10 раз	https://statisticstimes.com/economy/india/indian-states-gdp-per-capita.php
США	50 штатов	2,2 раза (без DC) 5,3 раза (с DC)	https://www.bea.gov/
Бразилия	26 штатов и 1 федеральный округ	5,7 раза	https://www.ibge.gov.br/en/statistics/economic/national-accounts/19567-gross-domestic-product-of-municipalities.html
КНР	34 единицы провинциального уровня	4,5 раза	http://www.stats.gov.cn/
Россия	89 субъектов	73,8 раза	https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts

единую систему территориального пространственного планирования.

Она включает пять уровней планирования (五级): (1) национальный, (2) провинциальный, (3) муниципальный, (4) уездный и (5) волостной; три типа планирования (三类): (1) общее, (2) детализированное и (3) специальное; четыре системы планирования (四体系): (1) система разработки и утверждения планирования, (2) система реализации и контроля планирования, (3) система законодательных актов планирования, (4) система технических стандартов планирования.

Что важно в этой стратегии? Это национальный план урбанизации нового типа, основная цель которого — переход от экспортной модели развития к увеличению внутреннего потребления. Стратегия урбанизации «*Two-horizontal Three-vertical*» направлена на:

- избегание чрезмерной концентрации экономических функций в крупных городах;
- развитие новых сельских районов с улучшенным качеством жизни;
- смягчение ограничений для регистрации в малых (менее 500 тыс. жителей) и средних городах (от 500 тыс. до 1 млн жителей), усиление регистрационного контроля для мегаполисов с населением более 5 млн человек.

При этом урбанизация нового типа — это основная модель городского планирования Китая. В 2017 г. постановлением ЦК КПК был реализован новый район Сюньан — образец китайской модели урбанизации нового типа — «зеленый» и «умный» город, который возьмет на себя часть столичных функций и разгрузит столичную агломерацию.

Что касается урбанизации, то необходимо отметить, что это общемировой процесс, который проходит во всех странах с разным темпом и сильно отличается по начальным условиям. На рис. 2 приведена инфографика, показывающая динамику изменения доли городского населения для различных стран мира и построенная по данным департамента народонаселения ООН.

По данным Всемирного банка, около 56% населения мира проживает в городах и в рамках умеренного прогноза к 2050 г. эта доля увеличится до 68%. Согласно исследованию аналитической группы Oxford Economics, к этому же периоду численность жителей 1000 крупнейших городов мира со-

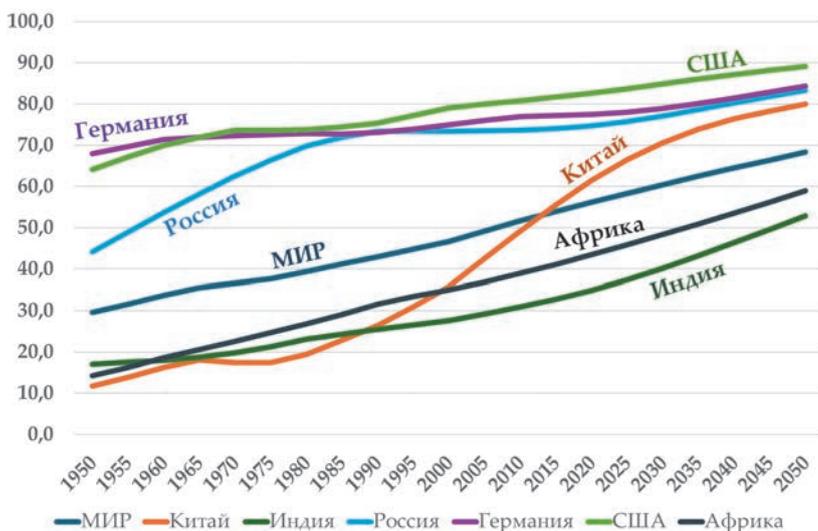

Рис. 2. Доля городского населения по ключевым странам и макрорегионам [2]

Источник: UN – <https://population.un.org/wpp/>

ставит 33% от населения планеты, а количество мегаполисов с населением свыше 10 миллионов увеличится в три раза [3]. Иными словами, помимо урбанизации будет происходить укрупнение мегаполисов и появление городов, численность населения каждого из которых превысит 100 млн человек.

Если посмотреть на длинные исторические тренды с перспективой до середины текущего века, то можно однозначно сказать, что урбанизация – крайне негативный процесс с точки зрения рождаемости.

На рис. 3 и 4 приведены данные по уровню урбанизации, выражающегося в доле населения, проживающего в горо-

дах и по суммарному коэффициенту рождаемости для мира в целом и России в частности. Данные с 2023 по 2050 г. взяты из прогнозов департамента народонаселения ООН. Как видно, обратная зависимость ярко выражена, причем практически для всех стран (с целью экономии места данные приведены для всего мира, но и для отдельных государств она не сильно отличается). Таким образом, получившиеся «демографические кресты» обосновывают актуальность создания условий для более равномерного расселения людей, а не их сверхконцентрации на ограниченной территории.

Рис. 3. Доля городского населения и суммарный коэффициент рождаемости для мира в целом за период с 1950 по 2050 гг. [2]

Рис. 4. Доля городского населения и суммарный коэффициент рождаемости в России за период с 1950 по 2050 г. [2]

Источник: UN – <https://population.un.org/wpp/>

Как правило, уровень рождаемости выше в тех государствах, у которых уровень урбанизации низкий, хотя всегда есть нюансы. К примеру, для США и России доля городского населения сопоставима, но в США на данный момент около 90% зданий – это односемейные дома, а в России около 73% жителей проживают в квартирах. Кроме того, средняя площадь жилья, приходящегося на одну семью в США около 200 кв. м, а в нашей стране примерно 57 кв. м.

В этой связи хотелось бы сказать пару слов о мировом опыте привлечения жителей в сельские территории, то есть попытки инициации процесса деурбанизации.

Так, правительство Японии в рамках проекта «Garden City Nation» предлагает 1 млн иен (6900 долл.) на ребенка семьям, переезжающим из Большого Токио в сельские районы с целью снижения нагрузки на эту агломерацию с населением 37 млн человек². Однако на данный момент мера признана неэффективной из-за проблем с трудоустройством в сельской местности и разницей в доходах между столицей и провинциальными районами.

В американском штате Вермонт для восполнения нехватки рабочей силы предоставляются единовременные субсидии в размере 7500 долл. на человека³.

Правительство Испании выделило около 10 млрд евро на борьбу с сокращением численности сельского населения⁴. Предполагается, что эти денежные средства пойдут на создание новых рабочих мест на проблемных территориях.

В 2020 г. в Португалии запущена программа грантов для сельских жителей «Emprego Interior MAIS», которая предусматривает финансовую помощь от государства в случае переезда в размере 4827 евро⁵. Для большинства португальских деревень этой суммы будет достаточно для покрытия годовой арендной платы за небольшой дом. При этом участникам программы необходимо оставаться на новом месте жительства как минимум один год.

Местные органы власти в ряде регионов Италии предлагают дома по цене 1 евро с целью стимулирования людей переезжать в сельские поселения⁶.

² <https://eastasiaforum.org/2024/02/10/tokyo-residents-require-more-motivation-to-relocate>.

³ <https://accd.vermont.gov/press-releases/worker-relocation-incentive-program-application-now-open>.

⁴ <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/spain-set-to-allocate-e10-billion-to-combat-rural-exodus/>.

⁵ <https://eportugal.gov.pt/pt/noticias/abertas-as-candidaturas-a-medida-emprego-interior-mais>.

⁶ <https://1eurohouses.com/1-euro-houses-map>.

Такого рода программ по разным странам очень много, но все их объединяет одно — значимых результатов по переселению людей достигнуть не удалось. Если почитать мнения потенциальных участников этих инициатив на зарубежных площадках, то основные причины — слишком маленькие суммы, а также одноразовость мер поддержки. В свою очередь желаемая помощь от государства должна включать в себя регулярные пособия, налоговые льготы, поддержку в трудоустройстве, обеспечение возможности удаленной работы, качественное медицинское обслуживание, наличие объектов социальной инфраструктуры и т.д. Иными словами, условия жизни в селе и мегаполисах должны быть сопоставимы.

Что касается России, то, согласно многочисленным опросам, более 60% российских семей при наличии возможности переехали бы в частные дома, но при этом должны быть предложены условия, схожие с перечисленными выше.

Коллеги уже говорили про проблемные территории нашей страны, где происходит максимальный отток населения. Так, с 2000 г. население Дальнего Востока сократилось примерно на 10%, что связано с недостаточным уровнем заработной платы и обеспеченности жильем. По показателю «общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного жителя» дальневосточный федеральный округ занимает предпоследнее место среди других федеральных округов — 25,5 м² при среднероссийском уровне 28,2 м². По вводу в действие квартир также предпоследнее место — 6,1 на 1000 человек населения, при среднероссийском уровне 8,8, а по вводу в действие жилых домов последнее место — 450 м² на 1000 человек населения, при среднероссийском уровне в 700 м².

Расчеты с использованием демографической модели «Цифровой двойник России» [5] показали, что регионы ДФО за следующие 10 лет могут потерять дополнительно около 8% населения.

Еще один негативный фактор — это, конечно, корректировка программы «материнский капитал», а именно перенесение основной выплаты в 2020 г. со второго ребенка на первого (рис. 5), что значительно повлияло на снижение суммарного коэффициента рождаемости именно вторых детей (рис. 6).

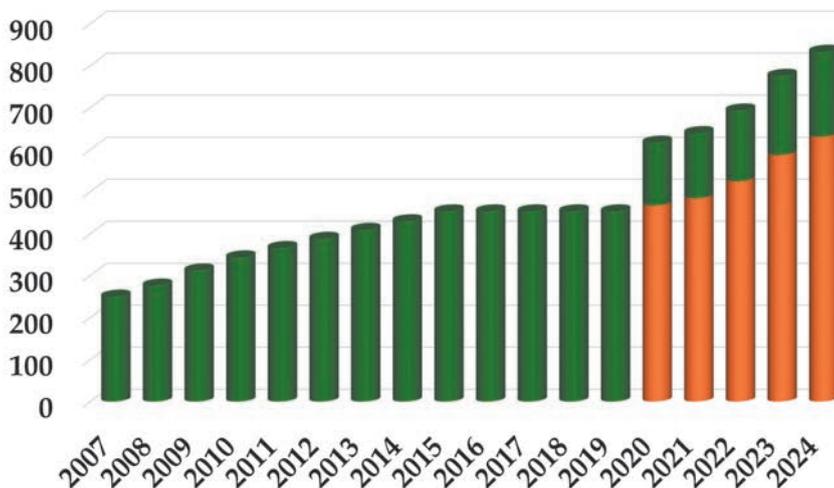

Рис. 5. Сумма средств материнского капитала, тыс. рублей

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/59771>

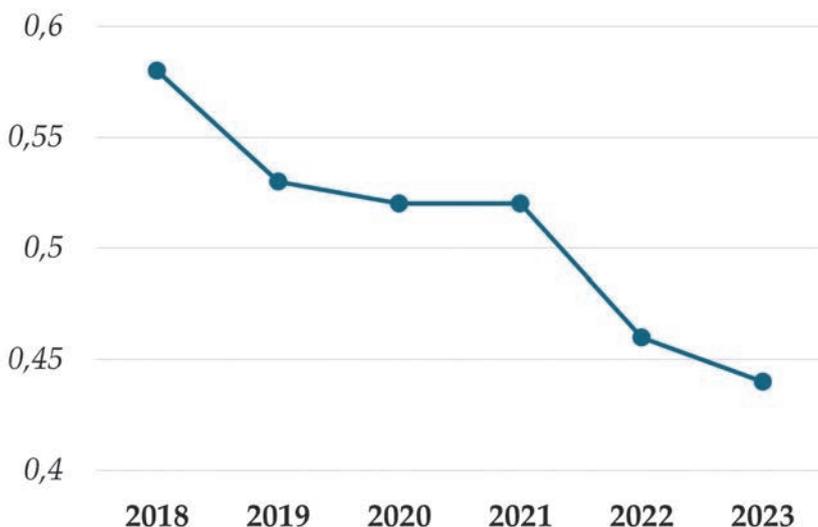

Рис. 6. Сумма средств материнского капитала, тыс. рублей

Источник: <https://www.fedstat.ru/indicator/59771>

С одной из версий модели «Цифровой двойник» нами были проведены расчеты для оценки влияния программы «материнский капитал» на численность населения России [6]. Разница между вариантами, первый из которых предусматривал реализацию этой программы, а второй — те же параметры, но без ее реализации, достигает почти 3 млн человек (или 2,14% между этими сценариями), но на текущий момент ее эффективность резко снизилась из-за упомянутой выше коррективы.

Тем не менее потенциал для выправления негативного тренда имеется. На рис. 7 и 8 приведены отдельные результаты опросов 15 тыс. домохозяйств, проведенных Росстатом

в 2022 г., а именно разница между средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей в зависимости от оценки уровня жизни и жилищных условий. Чем хуже оценка уровня жизни и жилищные условия, тем больше нереализованный потенциал для дополнительных рождений.

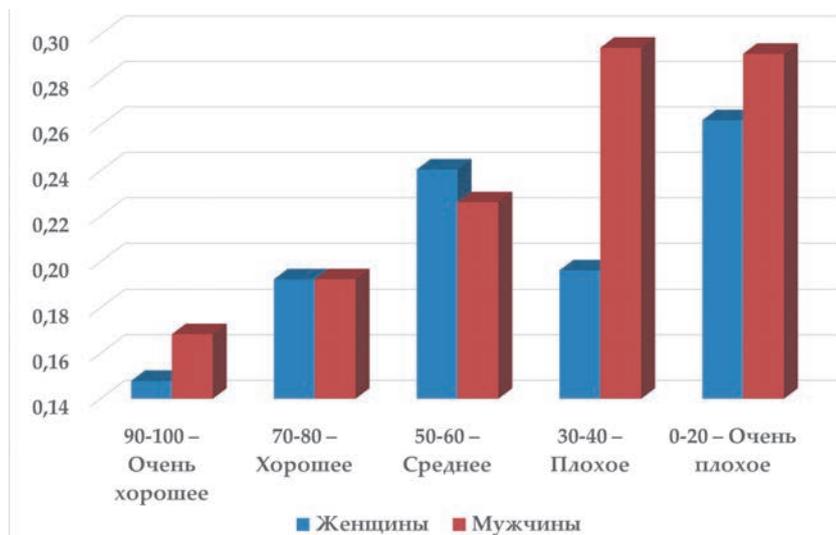

Рис. 7. Разница между средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей в зависимости от оценки уровня жизни [4]

Источник: Росстат – https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

Реализация обозначенной в Стратегии системы расселения и территориальной организации страны, которая должна способствовать достижению национальных целей развития нашей страны, в том числе увеличению рождаемости, явля-

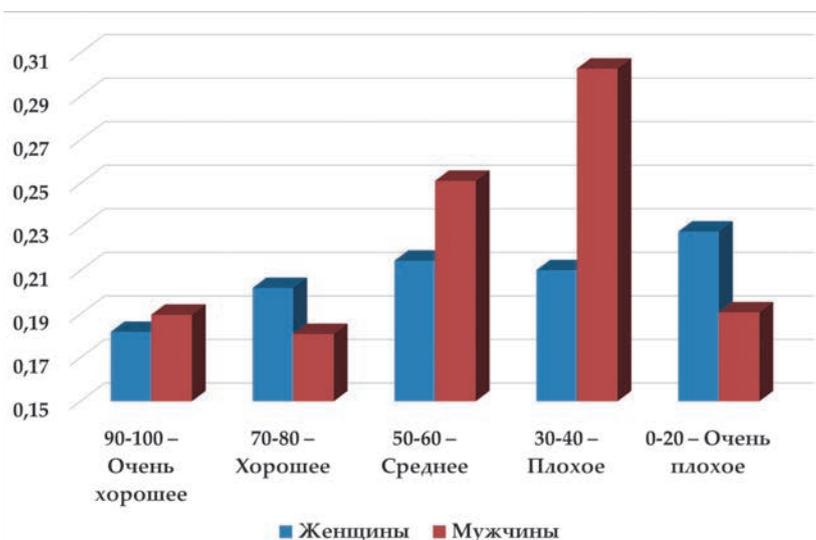

Рис. 8. Разница между средними значениями желаемого и ожидаемого числа детей в зависимости от оценки жилищных условий [4]

Источник: Росстат – https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html

ется серьезным вопросом, который требует не просто строительства жилья, но еще и ввода инфраструктурных объектов (дорог, образовательных и медицинских учреждений и т.д.).

Наши расчеты, проведенные совместно с Институтом демографической политики им Д.И. Менделеева с использованием цифрового двойника социальной системы России, показали, что деурбанизация и решение квартирного вопроса для нашей страны – это самые действенные меры, чтобы в некоторой степени решить острейшую проблему демографии. Причем деурбанизация уже не кажется чем-то противоестественным и невозможным. К примеру, в КНР, столкнувшейся

с серьезным снижением уровня рождаемости, всерьез рассматривается инициатива фиксации количества жителей Пекина и ряда других мегаполисов страны с последующим административным удержанием численности населения на уровне текущих значений с целью преломления депопуляционного тренда за счет развития сельских территорий. Но это, конечно, потребует больших инвестиционных вложений со стороны государства.

Отмечу, что решение жилищного вопроса является одной из наиболее эффективных мер повышения рождаемости не только в России, но и в других странах.

Так, исследователи из Национального университета Сингапура, Имперского колледжа Лондона, Вашингтонского университета в Сент-Луисе и Центрального банка Бразилии оценили влияние *случайного* решения жилищного вопроса на уровень рождаемости⁷. Для этого анализировались данные системы жилищных лотерей от консорциумов (*consórcios*) — групповых механизмов кредитования, в рамках которых участникам могут случайным образом предоставиться выплаты для покупки квадратных метров. В ходе расчетов сравнивались показатели рождаемости у победителей и обычных участников, а по результатам обнаружилось, что решение жилищного вопроса увеличило вероятность рождения ребенка на 3,8%, а количество детей — на 3,2%. Причем, для 20–25-летних эти показатели сильно выше — 32 и 33% соответственно, а для 40-летних уровень рождаемости не изменился. Увеличение рождаемости для 20-летних в два раза выше при немедленном получении жилья по сравнению с вариантом его приобретения после 30 лет и, кроме того, этот эффект еще больше проявляется для домохозяйств, проживающих в рай-

⁷ <https://www.bcb.gov.br/content/publicacoes/WorkingPaperSeries/WP612.pdf>.

онах с низким качеством жилья или более высокими расходами на аренду относительно доходов.

Другой важный результат заключается в том, что решение жилищного вопроса не просто сокращает отсрочку деторождения, но и способствует увеличению суммарного коэффициента рождаемости, то есть увеличению числа детей. На рис. 9 приведены отдельные результаты, показывающие стимулирование рождаемости для различных возрастных групп в случае предоставления жилья. Как видно, для возрастной группы 20–24 лет за десятилетний период увеличение суммарного коэффициента рождаемости составляет около 0,55, а для других групп эффект заметно ниже.

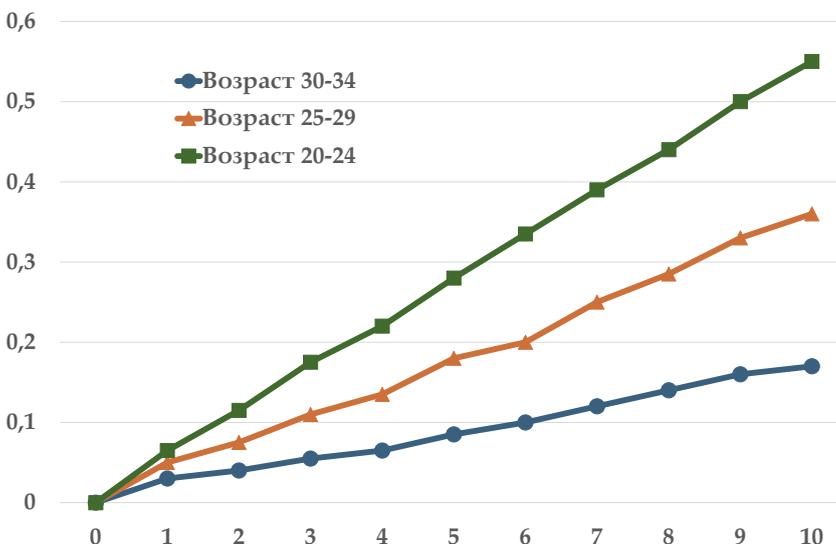

Рис. 9. Увеличение рождаемости для различных возрастных групп (ось Y — прирост суммарного коэффициента рождаемости, ось X — годы) [7]

Оценка степени связности территорий России, проведенная в ЦЭМИ РАН, выявила риски целостности государства и угрозу национальной безопасности [7]. Экономическое пространство страны во многом определяется двумя экономическими районами — Центральным и Поволжским, при том, что некоторые территории (в первую очередь Дальневосточный район) практически не связаны с другими. Такая оценка должно проводиться на постоянной основе и также регулярно должны реализовываться меры по укреплению межрегиональных связей, а также по снижению уровня дифференциации в развитии субъектов страны. Также крайне важно сглаживать неравенство в региональном развитии, не только создающее угрозу национальной безопасности, но и тормозящее экономическое развитие страны.

Библиографический список

1. Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2023 года». URL: <http://council.gov.ru/media/files/cvSAdA1kZhZ3v4kYylsicJcblrwAH3nj.pdf> / (дата обращения: 27.12.2024).
2. Прогнозы численности населения мира к 2024 году. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 27.12.2024).
3. Глобальный индекс городов. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/global-cities-index/> (дата обращения: 27.12.2024).
4. Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 27.12.2024).
5. Макаров В.Л., Нигматулин Р.И., Ильин Н.И., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Сидоренко М.Ю. (2022): Цифровой двойник (искусственное общество) социально-экономической системы

- России — платформа для экспериментов в сфере управления демографическими процессами // Экономические стратегии. 2022. 2 (182). С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.6-19>.
6. Бахтизин А.Р., Макаров В.Л., Максаков А.А., Сушко Е.Д. Демографическая агент-ориентированная модель России и оценка ее применимости для решения практических управленческих задач // Искусственные общества. — 2021. — Т. 16. — Выпуск 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800015357-1-1/>. DOI: 10.18254/S207751800015357-1.
 7. Основные направления социально-экономического развития России: обоснование и оценка последствий (по итогам модельных исследований ЦЭМИ РАН). — М.: ЦЭМИ РАН, 2023. — 116 с. ISBN 978-5-8211-0818-0.

References

1. Materialy parlamentских slushanij «Ob osnovnyh polozhenijah proektiruemoj strategii prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2023 goda». URL: <http://council.gov.ru/media/files/cvSAdA1kZhZ3v4kYylsicJcblrwAH3nj.pdf> / (data obrashhenija: 27.12.2024).
2. Prognozy chislennosti naselenija mira k 2024 godu. URL: <https://population.un.org/wpp/> (data obrashhenija: 27.12.2024).
3. Global'nyj indeks gorodov. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/global-cities-index/> (data obrashhenija: 27.12.2024).
4. Rosstat. Vyborochnoe nabljudenie reproduktivnyh planov naselenija v 2022 godu. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (data obrashhenija: 27.12.2024).
5. Makarov V.L., Nigmatulin R.I., Il'in N.I., Bahtizin A.R., Sushko E.D., Sidorenko M.Ju. (2022): Cifrovoy dvojniki (iskusstvennoe obshchestvo) social'no-jekonomicheskoy sistemy Rossii — platforma dlja jeksperimentov v sfere upravlenija demograficheskimi processami //

Jekonomicheskie strategii. 2022. 2 (182). S. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.182.2022.6-19>.

6. Bahtizin A.R., Makarov V.L., Maksakov A.A., Sushko E.D. Demograficheskaja agent-orientirovannaja model' Rossii i ocenka ee primenimosti dlja reshenija praktičeskix upravlenčeskix zadach // Iskustvennyje obshhestva. — 2021. — T. 16. — Vypusk 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800015357-1-1/>. DOI: 10.18254/S207751800015357-1.
7. Osnovnye napravlenija social'no-jekonomičeskogo razvitija Rossii: obosnovanie i ocenka posledstvij (po itogam model'nyh issledovanij CJEMIRAN). — M.: CJEMIRAN, 2023. — 116 s. ISBN 978-5-8211-0818-0.

Контактная информация / Contact information

Центральный экономико-математический институт Российской академии наук

117418, Москва, Нахимовский проспект, 47

Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences

47 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia

Бахтизин Альберт Рауфович / Albert R. Bakhtizin

albert.bakhtizin@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-89-104

ТРАНСПОРТНАЯ СВЯЗАННОСТЬ СТРАНЫ КАК КЛЮЧ К МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ¹

TRANSPORT CONNECTION OF THE COUNTRY AS A KEY TO RUSSIA'S MODERNIZATION

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН), директор и главный
научный сотрудник, член-корреспондент
РАН, д.э.н.

ALEXEY V. KUZNETSOV

Institute of Scientific Information for Social
Sciences of the Russian Academy of Sciences,
director and chief researcher, corresponding
member of the Russian Academy of Sciences,
Dr. Sc. (Econ.)

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на Научном форуме «Абалкинские чтения», 18 сентября 2024 г., г. Москва.

АННОТАЦИЯ

В статье отмечается, что для успешной модернизации современной России нужна программа решения масштабной задачи с мультипликативным эффектом, подобная электрификации плана ГОЭЛРО, а именно – резкого повышения транспортной связанности страны. Программа должна включать создание скоростного сообщения между крупными городами страны за пределами зоны тяготения Москвы, параллельное развитие средств связи, включая интернет вдоль железнодорожных и автомобильных магистралей, подъем соответствующих отраслей отечественного машиностроения. Это создаст и новые конкурентные преимущества России во внешнеэкономических связях.

ABSTRACT

The article notes that for the successful modernization of modern Russia, a program is needed to solve a large-scale problem with a multiplier effect, similar to the electrification of the GOELRO plan, namely, a sharp increase in the country's transport connectivity. The program should include the creation of high-speed communications between major cities of the country outside the gravitational zone of Moscow, the parallel development of communications facilities, including the Internet along railways and highways, and the rise of relevant branches of domestic engineering. This will also create new competitive advantages for Russia in foreign economic relations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Модернизация России, масштабная общенациональная программа, пространственное развитие, транспортная связанность, высокоскоростные магистрали.

KEYWORDS

Modernization of Russia, large-scale nationwide program, spatial development, transport connectivity, high-speed highways.

Существует огромное множество работ, посвященных модернизации. Ряд ученых обсуждают пути кардинальной трансформации всего общества, другие делают акцент на технологических преобразованиях. В современной России давно и довольно активно ведутся разговоры о модернизации. С одной стороны, речь может идти о завершении фундаментального долгосрочного процесса, начавшегося еще в Российской империи — в смысле энциклопедического определения модернизации, то есть процесса перехода от традиционного к современному типу социальной организации, к обществу модерна. Однако надо признать, что модернизация общества в России в целом завершилась к середине XX века. Разумеется, можно говорить о каких-то незавершенных процессах, но это весьма дискуссионное пространство (например, в части возрождения интереса к религии и т.д.).

С другой стороны, можно рассуждать исключительно о существенных экономических преобразованиях, которые позволили бы России изменить структуру экономики в пользу большей роли отраслей с высокой добавленной стоимостью, причем на фоне заметного роста общего благосостояния и качества жизни всех слоев общества. Правда, надо учитывать, что нельзя ограничиваться лишь технологической модернизацией в технократическом духе, ликвидируя отставание России от ведущих экономических держав — требуется также завершение общественных процессов, мешающих такой модернизации (например, рост предпринимательской инициативы во все еще традиционалистском обществе).

Однако в XXI веке в России достигнуто мало заметных результатов. С началом СВО на Украине ситуация только

обострилась. Относительно успешно завершив первый этап адаптации к новым внешним шокам, по мнению немалого количества отечественных экспертов-экономистов, Россия должна теперь решать задачу «проведения комплекса активных мероприятий, направленных на модернизацию экономики и общества в условиях нарастания ограничений развития» [8]. Однако даже в таком достаточно узком смысле модернизация нужна продуманная, учитывающая интересы всех слоев общества. Ведь первая экономическая модернизация, которая была проведена на рубеже XIX–XX веков в Российской империи, хотя и продемонстрировала большие успехи, смогла вовлечь в свои процессы лишь примерно треть населения [5], что привело в итоге к революции и гражданской войне, которые сопровождались глубоким экономическим спадом.

Новый план масштаба ГОЭЛРО

На наш взгляд, мало повторять в целом хорошо известные специалистам установки типа «реализации потенциала экономического роста на основе создания инфраструктурного и потребительского „каркаса” российской экономики», повышенного внимания к инновационному развитию «в рамках структурно-технологической трансформации» с неременной настройкой «финансовой системы на финансирование экономического роста» [8, с. 9–13]. В огромной стране со специфической в силу известных исторических процессов политической системой и борьбой самых разных групп экономических интересов, по нашему мнению, требуется не просто реализация грамотной экономической политики, но ее привязка к какой-то стержневой и достаточно доступной для понимания населением идее развития.

По сути, речь должна идти не о точечных или частичных процессах (типа возрождения отечественного машиностроения или цифровизации всех сфер жизни), а о пресловутой «национальной идее», только найденной не политологами, а выведенной из анализа реальной специфики российской экономики и российского социума, то есть формулирования жизнеспособной национальной модели развития.

В начале 2025 г. исполняется 105 лет публикации брошюры Г.М. Кржижановского [2], которая положила начало реализации плана ГОЭЛРО, фактически означавшего каркас для второй, советской модернизации экономики, охватившей уже всю страну. До ленинской фразы про советскую власть и электрификацию всей страны, порождавшей шутки в последние годы существования СССР, был авторский эпиграф Г.М. Кржижановского — «Век пара — век буржуазии, век электричества — век социализма». При этом его исходный научно-публицистический труд от дореволюционных рассуждений энергетиков о необходимости ускоренной электрификации страны или специалистов пространственного развития о важности районирования для ускорения развития экономики огромного государства отличался конкретикой, которую смогли усовершенствовать уже коллективы советских специалистов, когда идея развития была взята на вооружение политиками-практиками. Фактически Г.М. Кржижановский отталкивался от решения проблемы дефицита энергоресурсов из-за потери части угольных месторождений и внешних ограничений для внешней торговли молодой Советской России, причем опора на торф рассматривалась как отказ от истребления лесов на дрова. Специфика торфоразработок обуславливала строительство районных электростанций, линий электропередачи. Реше-

ние вопросов сезонной занятости, долгосрочного перераспределения трудовых ресурсов и многих других задач. При этом для обоснования использовался и передовой опыт Германии — более развитой индустриальной державы.

На наш взгляд, в нынешней России стержневой идеей модернизации могла стать ускоренная программа повышения транспортной связанности страны. Идея важности развития транспорта для модернизации не нова, причем на всех ее этапах в России — и первичной имперской, и вторичной советской, и современного «углубления» модернизации [3]. Скорее, в российской транспортной науке нет масштабной фигуры, подобной Г.М. Кржижановскому в энергетике первой половины XX в. — если ориентироваться на данные РИНЦ, в основном у нынешних специалистов доминируют статьи с мелкотемьем для отчетности, а глобальные темы решаются нередко на поверхностном уровне аспирантами. Тем не менее это не отменяет того факта, что резкое изменение транспортной ситуации в России свяжет региональные рынки сбыта продукции и кардинально трансформирует внутренние миграционные потоки, а для достижения соответствующих задач придется не только развивать сопутствующие современные отрасли сферы услуг (например, телекоммуникации), но и возродить весь комплекс обрабатывающей промышленности.

Если выбирать исходную проблему, то в России низкие скорости передвижения по железным и автомобильным дорогам. Именно по этой причине страна кажется такой большой. Например, расстояние «по прямой» между Шанхаем и Чунцином (двумя из четырех городов центрального подчинения в Китае) составляет около 1450 км, при том что в России расстояние между Новосибирском и Екатеринбург-

гом (они занимают в нашей стране по численности населения 3-е и 4-е места соответственно) — около 1400 км. Только на поезде расстояние между Шанхаем и Чунцином пассажир преодолевает за 11,5 часов, а между Новосибирском и Екатеринбургом — за 20 часов. В Марокко из крупнейшего города и порта Касабланки в расположенный примерно в 320 км к северу пятый по значению город страны и также важный порт Танжер на поезде можно доехать за 2 часа 10 мин., тогда как два крупнейших волжских города Казань и Нижний Новгород (5-й и 6-й по численности населения в России) по прямой разделяют 324 км, но на поезде пассажир будет ехать 6 часов (правда, на автомобиле можно добраться за 5,5 часов против тех же 6 часов на машине между двумя указанными городами в Африке). Проблема российских железных дорог в их тихоходности. Если в 1913 г. различие между конструкционной скоростью и скоростью доставки составляло около 50 км/ч, то в 2018 г. — около 95 км/ч. Это свидетельствует о существенных резервах повышения скоростной эффективности грузовых перевозок [4, с. 20]. Из-за разных систем тяги в России возникают большие межоперационные простои на станциях даже в скоростном пассажирском сообщении. Так, фирменный поезд Москва — Архангельск дважды стоит минимум по полчаса, наблюдается и резерв удлиненных стоянок рядом, так как сначала меняют в Данилове (Ярославская обл.) электровозы постоянного тока на электровозы переменного тока, а потом на станции Обозерская (Архангельская обл.) — на тепловозы (дорога на Архангельск не электрифицирована). На этом маршруте путь из Ярославля в Вологду (соседний областной центр) занимает обычно более 3,5 часов на поезде, из которых 34–35 мин. стоят в Данилове. При этом иногда движе-

ние по автодорогам еще медленнее — например, из Москвы в центр самой небогатой области Центральной России Иваново на машине даже ночью без пробок ехать 4 часа 30 мин., тогда как поезд преодолевает расстояние за 3 часа 40 мин.

Дополнительной проблемой российских дорог является отсутствие современной связи — путешественники или грузовой транспорт не только передвигаются на скоростях середины прошлого века, но и погружаются в XX век благодаря отсутствию мобильной телефонной связи и доступа в сеть Интернет. В России в большинстве поездов отсутствует WiFi, а имеющийся сервис также часто оказывается «не на высоте». Нет мобильной связи и при езде почти по всем автотрассам федерального значения за пределами городов — так, даже на трассе М9 «Балтия» десятки километров нет сигнала МТС или Билайн. Качество дорожного полотна на региональных трассах общеизвестно, а это означает, что даже простая проблема с колесом может стать серьезным вызовом для автомобилиста. Таким образом, развитие железных дорог и строительство современных автомагистралей должно в России сопровождаться качественным повсеместным улучшением средств связи.

КАКАЯ ИМЕННО СВЯЗАННОСТЬ ДОРОГ НУЖНА РОССИИ ИЛИ СОЗДАНИЕ МОСКОВСКО-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕГАЛОПОЛИСА

Судя по заявлениям лоббистов, которые агитируют только за высокоскоростную железнодорожную магистраль (ВСЖМ) Москва — Санкт-Петербург, заявляя о неконкурентоспособности пассажирских железнодорожных перевозок на дальние расстояния по сравнению с авиационным транспортом, они в принципе не пытаются оценивать пассажирские потоки между промежуточными остановками

на больших магистралях, идущих из Центральной России на Юг, в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Не случайно возведение высокоскоростной железнодорожной магистрали из Москвы до Екатеринбурга опять отложено на годы, хотя эту идею озвучивал даже президент страны В.В. Путин. Когда в 1964 г., то есть более 60 лет назад, в Японии открылась первая линия ВСЖМ «Токайдо Синкансэн» от Токио до Осаки, поезда ходили со скоростью немногим более 200 км/ч (хотя и сейчас в России средняя скорость движения пассажирского поезда между городами-миллионниками редко превышает 60–70 км/ч, а поезда разгоняются максимум до 100–120 км/ч, будь то линия Самара—Уфа или Екатеринбург—Казань). При этом, однако, японский поезд делал остановки (в частности, еще в двух городах-миллионниках — Нагоя и Киото; после удлинения маршрута вдвое до Фукуока появились также остановки в Окаяма и Хиросима). В наши дни восемь перегонов (включая два в Токийской городской агломерации) суммарной длиной свыше 1 тыс. км поезд преодолевает меньше чем за 5 часов.

Транспортная связанность рынков обусловлена скоростью доставки товаров, а значит — и рисунком территориального размещения производств, использованием эффекта масштаба. Влияет развитие транспорта и на характер маятниковых миграций людей. При этом не только ведущие постиндустриальные державы, но и успешные развивающиеся страны уже отказываются от чрезмерной ориентации всех потоков на «центральные» места. Например, Китай в развитии своих масштабных городских наднагломерационных объединений (*chengshiqun*) начинает ориентироваться на кластерный подход. Фактически в КНР создается восточный аналог американских и западноевропейских ме-

галополисов — прежде всего Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй (сокращенно Цзин — Цзинь — Цзи), кластер дельты реки Янцзы (чтобы рассредоточить потоки от Шанхая), регион Большого залива Гуандун — Гонконг — Макао [6].

В это же время в России, где под новогодние праздники принимается Стратегия пространственного развития до 2030 г., провозглашающая среди прочего развитие единой сети опорных населенных пунктов (числом более двух тысяч), параллельно начинаются работы по строительству ВСЖМ между Москвой и «Северной столицей» (более употребляемым становится сокращение ВСМ-1). Это ознаменует появление Московско-Петербургского мегалополиса. По сообщениям СМИ, открытие пассажирского движения ожидается к 2028 г., в сутки будет курсировать более 40 поездов (разгоняясь до 360–400 км/ч), затраты только государства (Фонда национального благосостояния, региональных бюджетов) превысят 0,5 трлн руб. (по-видимому, будут равняться почти половине всех расходов страны на фундаментальную науку за рассматриваемый период). А ведь и кредиты на ВСЖМ выделяют в основном банки, подконтрольные российскому государству (общее финансирование, включая деньги частных инвесторов, будет приближаться к 2 трлн руб.). Основной аргумент в пользу новой трассы — это текущий пассажиропоток и общий тренд на рост агломерации города Москвы. То есть имеет место сугубо вульгарный либеральный подход: мы развиваем то, что здесь и сейчас может дать прибыль. Причем это не полноценный рыночный подход, так как в нем отсутствуют долгосрочные прогнозирование и планирование регионального развития.

В итоге благодаря ВСЖМ федеральный чиновник или успешный бизнесмен будет из своей квартиры в пределах

Садового кольца г. Москвы до особняка в поселках на берегу Финского залива добираться за 4 часа — нередко столько же тратит в выходной день в пробках простой москвич из спального района, отправляясь с подмосковной дачи на «второй бетонке» домой. Не очень, правда, понятно, какое отношение все это имеет к модернизации российской экономики и уж тем более как сочетается со стратегией пространственного развития. Более того, нынешние поезда «Сапсан», связывающие Москву и Санкт-Петербург, обеспечивают приемлемые комфорт и скорости (при том что цены на билеты в поездах ВСЖМ будут явно выше). Действительно, 4-часовая поездка проходит при средней скорости (с учетом остановок) 160 км/ч — лишь чуть быстрее движется поезд, например, из Берлина в Гамбург и даже медленнее движение состава из Милана через Рим в Неаполь (расстояние в 650 км там поезд преодолевает за 4,5 часа).

Очевидно, что создание Московско-Петербургского мегалополиса, центры которого свяжет ВСЖМ (и уже связала платная скоростная автомагистраль для представителей «среднего класса»), усугубит миграционный приток со всей страны. Мы не будем здесь подробно писать о разрушении исторического облика Москвы (о ежегодном уничтожении многочисленных памятников архитектуры — от XVIII–XIX века до выдающихся сооружений советского модернизма — постоянно пишут в изданиях по архитектуре и краеведению), ухудшении экологической ситуации вследствие вырубки деревьев и транспортных пробок, проблемах безопасности, особенно для жилых домов в 30–50 и более этажей. Есть и немалые экономические издержки высокой концентрации населения в одной сверхкрупной городской агломерации.

Все рассуждения о мультипликативном эффекте ВСЖМ Москва — Санкт-Петербург для развития, например, отечественного производства, не выдерживают критики, поскольку речь о том, чтобы вообще не строить в России высокоскоростные магистрали, не идет. Однако куда целесообразнее связывать города Урало-Поволжья, где пока движение поездов соответствует уровню середины XX века.

РАЗВИТИЕ СОБСТВЕННОГО СОВРЕМЕННОГО ТРАНСПОРТА — ЕЩЕ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЫНКАХ

В завершение необходимо отметить, что, помимо развития национальной экономики, накопление опыта строительства современных магистралей позволит российским компаниям выходить на новые рынки инфраструктурных проектов и за рубежом. К сожалению, в 2000–2010-е гг. время было в основном безнадежно упущено. Например, в Африке, где в 2008 г. ОАО «РЖД» приступило к воссозданию железной дороги в Ливии (впоследствии проект стал жертвой гражданской войны), в последние примерно 15 лет резко усилилась экспансия Китая и свободных ниш почти не осталось, хотя еще совсем недавно для потенциальных инвесторов были открыты десятки стран [1, рис. 1]. Тем не менее опыт Турции и Франции показывает, что некоторые ниши еще остаются, но для этого надо уметь конкурировать с Китаем, предлагая иные подходы в части обучения кадров, найма персонала и др. Есть определенные возможности в Азии и других странах глобального Юга. К сожалению, пока большинство проектов ОАО «РЖД» в дружественных странах находятся на стадии согласования или оказались (как в случае, например, Ин-

донезии) провальными. Хотя есть, разумеется, и успешные примеры, в частности, в Сербии и Иране.

Отдельного внимания заслуживает международное сотрудничество по развитию транспортных проектов. На наш взгляд, как и в отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности, сотрудничество российских прямых инвесторов с зарубежными (особенно европейскими) партнерами по совместным проектам отчасти поможет преодолеть санкционные барьеры на пути доступа к технологиям. К сожалению, появление в 2022–2024 гг. в сфере НИОКР для России множества новых препятствий — очевидная реальность [7, с. 118–120].

Однако необходимо учесть, что не всегда успешная работа на внутреннем рынке способствует выходу отечественных компаний за рубеж — вопреки общей логике развития ТНК как раз российские строительные фирмы чувствуют себя комфортно на родине, очень редко реализуя инвестиционные проекты или даже простые контрактные работы за рубежом. Например, бум строительства метрополитена в Москве не привел к большой активизации АО «Мосметрострой» за рубежом, хотя рынки возведения подземных путей в крупнейших городах мира, равно как и горных туннелей на скоростных железных дорогах, огромны. Сейчас можно отметить лишь работу в Сербии (в начале 2010-х гг. был успешный проект в Израиле, за которым последовала неудача в индийском Ченнаи). Тем не менее на этом фоне еще хуже ситуация в сфере возведения автодорог — почти полное отсутствие в России производителей качественных автодорог наглядно отражается в отсутствии в стране строительных компаний с заказами по возведению автотрасс за рубежом (в отличие от китайских или европейских ТНК в этой отрасли).

Более активный выход на внешние рынки в сфере инфраструктурного строительства заставит российский бизнес и власти более тесно взаимодействовать в части страхования политических рисков, предоставления экспортных кредитов, обеспечения необходимой информационно-консультационной поддержки (в том числе путем привлечения специалистов из научной сферы). По определению более конкурентная в сравнении с возведением транспортной инфраструктуры среда нефтегазового сектора, металлургии и телекоммуникаций — основных российских прямых инвесторов в 2000–2010-е гг. — не позволила государству начать играть подобающую роль в поддержке экспансии конкурентоспособных отечественных компаний на зарубежных рынках.

Таким образом, как и в случае с ГОЭЛРО в прошлом веке, когда идея замены дров в быту и дефицитных углеводородов на производстве на торф на электростанциях, соединенных линиями электропередач, позволила «раскрутить клубок» для полной перестройки всех принципов экономического развития Советской России и начала кардинальной модернизации экономики, так и борьба с низкими скоростями на старых дорогах России может стать «национальной идеей», которая благодаря мультипликативным эффектам позволит достигнуть впечатляющего результата.

Библиографический список

1. Володина М.А. Развитие железнодорожных магистралей на Африканском континенте – фактор международного сотрудничества или соперничества? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 202–220.

2. Кржижановский Г. Основные задачи электрификации России. — Москва: Государственное издательство, 1920. — 51 с.
3. Мачерет Д.А. Транспорт и модернизация: теоретические аспекты взаимного влияния // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. — 2021. — № 3 (94). — С. 3–8.
4. Мачерет Д.А., Разуваев А.Д. Экономическое значение трендов скоростей в грузовом движении // Экономика железных дорог. — 2020. — № 2. — С. 16–27.
5. Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2018. — Т. 63. — Вып. 1. — С. 54–82.
6. Петушкова В.В. Урбанизация КНР: от мегаполисов к сверхгородам // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 89–109.
7. Положихина М.А., Коровникова Н.А. Российская наука под санкционным давлением: новые риски и возможности развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2023. — Т. 16. — № 5. — С. 113–128.
8. Широков А.А. и др. Россия 2035: новое качество национальной экономики // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 2. — С. 6–20.

References

1. Volodina M.A. Razvitie zheleznodorozhnyh magistralej na Afrikanskom kontinente — faktor mezhdunarodnogo sotrudnichestva ili sopernichestva? // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. — 2024. — Vol. 17. — № 3. — DOI: 10.31249/kgt/2024.03.11.
2. Krzhizhanovskij G. Osnovnye zadachi jelektifikacii Rossii. — Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1920. — 51 P.
3. Macheret D.A. Transport i modernizacija: teoreticheskie aspekty vzaimnogo vlijanija // Transport Rossijskoj Federacii. Zhurnal o nauke, praktike, jekonomike. — 2021. — № 3 (94). — P. 3–8.

4. Macheret D.A., Razuvaev A.D. Jekonomicheskoe znachenie trendov skorostej v gruzovom dvizhenii // Jekonomika zheleznih dorog. — 2020. — № 2. — P. 16–27.
5. Mironov B.N. Modernizacija imperskaja i sovetskaja // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. — 2018. — Vol. 63. — Issue. 1. — P. 54–82. — DOI: 10.21638/11701/spbu02.2018.104.
6. Petushkova V.V. Urbanizacija KNR: ot megapolisov k sverhgorodam // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. — 2024. — Vol. 17. — № 3. — P. 89–109. — DOI: 10.31249/kgt/2024.03.05.
7. Polozhihina M.A., Korovnikova N.A. Rossijskaja nauka pod sankcionnym davleniem: novye riski i vozmozhnosti razvitija // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. — 2023. — Vol. 16. — № 5. — P. 113–128. — DOI: 10.31249/kgt/2023.05.07.
8. Shirov A.A. et al. Russia 2035: The New Quality of the National Economy // Studies on Russian Economic Development. — 2024. — Vol. 35. — № 2. — P. 161–170. — DOI: 10.1134/S1075700724020151 (in English).

Контактная информация / Contact information

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

117418, Nakhimovsky Avenue 51/21, Moscow, Russian Federation

Кузнецов Алексей Владимирович / Alexey V. Kuznetsov

kuznetsov@inion.ru

АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ СПИКЕРОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПЛОЩАДОК VI МОСКОВСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФОРУМА (МАЭФ-2024) ЧАСТЬ 3

В рамках МАЭФ-2024 с 1 апреля по 14 мая работали 110 региональных площадок Форума в 61 субъекте Российской Федерации, на научно-практических мероприятиях региональных площадок МАЭФ-2024 выступили 985 специалистов.

В разделе представлена третья часть аналитических материалов научно-практических конференций и круглых столов, которые состоялись на региональных площадках МАЭФ-2024. Первая и вторая части — опубликованы в Научных трудах Вольного экономического общества России, Том № 3 (247) 2024, Том № 5 (249) 2024.

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-106-127

ЗНАЧЕНИЕ АГРОХОЛДИНГОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РЕГИОНА

THE IMPORTANCE OF AGRICULTURAL HOLDINGS IN THE PRODUCTION OF AGRICULTURAL PRODUCTS IN THE REGION

ВОРОБЬЕВ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ

Доцент кафедры экономики и эконометрики
Алтайского государственного университета, к.э.н.,
доцент

SERGEY P. VOROBYOV

Associate Professor of the Department of
Economics and Econometrics of Altai State
University, Candidate of Economics, Associate
Professor

**ВОРОБЬЕВА ВИКТОРИЯ
ВЛАДИМИРОВНА**

Доцент кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета, к.э.н., доцент

VICTORIA V. VOROBYOVA

Associate Professor of the Department of Finance and Credit of Altai State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

ЧЖАН ФАН

Аспирант кафедры экономики и эконометрики Алтайского государственного университета

FAN ZHANG

Postgraduate student of the Department of Economics and Econometrics of Altai State University

САВЧЕНКО АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА

Старший преподаватель кафедры экономики и финансов Алтайского филиала РАНХиГС

ALEXANDRA S. SAVCHENKO

Senior Lecturer at the Department of Economics and Finance of the Altai Branch of the RANEPА

АННОТАЦИЯ

Исследования проводились с целью определения структуры производства сельскохозяйственной продукции Алтайского края по различным

видам агрохолдингов (федеральный, межрегиональный, региональный, локальный), выявления проблем и перспектив развития сельского хозяйства региона. Было выявлено, что 26% сельскохозяйственных организаций региона находятся под управлением агрохолдингов (преимущественно локальных и межрегиональных), рентабельность производства в холдингах различного вида варьирует, что связано с особенностями крупнотоварного производства, специализацией.

ABSTRACT

The research was conducted in order to determine the structure of agricultural production in the Altai Territory by various types of agricultural holdings (federal, interregional, regional, local), identify problems and prospects for the development of agriculture in the region. It was revealed that 26% of agricultural organizations in the region are managed by agricultural holdings (mainly local and interregional), the profitability of production in holdings of various types varies, which is due to the peculiarities of large-scale production, specialization.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Агрохолдинги, концентрация собственности, экспортная модель развития, эффект масштаба, специализация производства.

KEYWORDS

Agricultural holdings, concentration of ownership, export development model, economies of scale, specialization of production.

ВВЕДЕНИЕ

Сельское хозяйство России в последнее десятилетие демонстрирует темпы роста добавленной стоимости, превышающие темпы роста большей части отраслей экономики России и средневзвешенные отраслевые значения роста ВВП. Россия вышла на мировые аграрные рынки и даже санкции ряда западных и прозападных стран, осуществляемые с 2014 г.,

а в усиленном режиме с 2022 г. не смогли воспрепятствовать тому, что Россия интегрировалась в мировые рынки сельскохозяйственной продукции и продовольствия, а затем переориентировалась на азиатские рынки аграрной продукции. В структуре несырьевого экспорта России продукция сельского хозяйства, рыболовства, пищевых производств и производства напитков является безусловным лидером. По сравнению с 1990-ми и 2000-ми годами в стране в целом повысился уровень потребления продуктов питания, в структуре питания населения наметились положительные тенденции.

Безусловно, наблюдаемые в АПК процессы явились следствием воздействия ряда институциональных факторов, которые нашли отражение в изменении структуры производства продукции по различным категориям сельскохозяйственных товаропроизводителей, структуре собственности на землю по категориям землепользователей, структуре организационно-правовых форм сельскохозяйственных организаций. Однако трендом последнего десятилетия стала ускоренная холдингизация агропромышленного производства, в том числе в сельском хозяйстве. Узун В.Я. и Шагайда Н.И. отмечают, что сельское хозяйство России остается отраслью экономики с высоким уровнем внутриотраслевой конкуренции, но наблюдаются негативные тенденции концентрации доходов, бюджетных средств и кредитов, выделяемых по системе льготного кредитования, собственности на землю и другие средства производства, произведенную продукцию в отдельных крупных корпорациях/холдингах и с учетом трансформируемой структуры собственности — у отдельных физических лиц — бенефициаров холдинговых формирований в АПК [1, с. 7–8].

В силу наблюдаемых тенденций меняется и значимость агрохолдингов в формировании продовольственных ресурсов России и ее регионов, что предполагает проведение ряда исследований.

Цель исследования

Цель исследования — на основе структуры сельскохозяйственного производства в различных видах холдингов, а также самостоятельно функционирующих организаций выявить основные направления повышения объемов производства регионального сельского хозяйства и обеспечения экспортно ориентированной модели развития АПК.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования развития организаций холдингового типа для АПК не являются новыми, однако акценты в последние годы сместились. Если в 1990-е и 2000-е гг. ученых-аграрников интересовало скорее обоснование механизма восстановления интеграционных связей между различными сферами АПК, в первую очередь между сельским хозяйством и переработкой сельскохозяйственной продукции, производством и логистикой продуктов питания [2, 3], оценкой эффективности функционирования интегрированных формирований в АПК, то в 2010-х гг. в условиях стабилизировавшейся аграрной структуры по категориям сельскохозяйственных товаропроизводителей исследования были направлены на повышение эффективности сложившихся институтов, развитие элементов кооперации малых форм хозяйствования, выявление преимуществ размещения и специализации производства, оценке положительных и негативных последствий концентрации

собственности на землю и другие средства производства, дифференциации товаропроизводителей по размерам производства, доступу к производственным и финансовым ресурсам [4, 5, 6]. Так, например, Маслова В.В. и Авдеев М.В. выявили, что государство в последние годы делает ставку на развитие инвестиционных мегапроектов, а доступ малых форм хозяйствования и организаций со средними размерами производства к инвестиционным, в том числе бюджетным средствам и средствам льготного кредитования, существенно усложняется [7], что при проявлении кризисных явлений в аграрной экономике является нежелательным и недопустимым процессом.

Статистика сельского хозяйства оперирует следующими категориями товаропроизводителей: сельскохозяйственные организации, крестьянские (фермерские) хозяйства и ИП, хозяйства населения. Однако исследования структуры сельскохозяйственного производства по обозначенным категориям, с нашей точки зрения, не дает полного представления о наблюдаемых в отрасли процессах, поскольку не позволяет выявить значимость холдинговых формирований (далее — холдинги) в АПК в целом и по отдельным товарным рынкам, в том числе на уровне отдельных регионов.

В ходе проведенного исследования под холдингами мы придерживались трактовки, предложенной Узуном В.Я., Шагайдой Н.И. и другими авторами, которые под холдингами понимали «...интегрированные группы организаций агропромышленного комплекса, принадлежащие и управляемые головной компанией или одним физическим лицом/одной группой физических лиц. Имущество и земля в агрохолдингах прямо или косвенно — через структу-

ру дочерних организаций — принадлежат или находятся в распоряжении головной компании/физического лица/одной группы лиц, а все занятые в сельском хозяйстве являются наемными работниками» [1]. При распределении холдингов по видам мы придерживались классификации, предложенной Носоновым А.М., который выделил по территориальному охвату (размещению производственных площадок) федеральный, межрегиональный, региональный и локальный их виды [8].

При проведении исследований были использованы следующие общие и специальные методы исследования: монографический (при описании наблюдаемых в сельском хозяйстве Алтайского края процессов и выявлении основных проблем/противоречий, перспектив развития), экономико-статистический (статистическая группировка сельскохозяйственных предприятий по критерию самостоятельности функционирования или функционирования в рамках различных видов холдингов; определение показателей динамики, в том числе средних значений, а также показателей структуры и координации). Информационной базой проведенных исследований стали сведения ЕМИСС Росстата (динамика в Алтайском крае валового сбора зерновых и зернобобовых культур, маличных культур по видам, молока), консалтинговой компании BEFL (сведения о землепользовании крупных землепользователей России, в том числе по отдельным компаниям) [9], сведения финансовой и производственной отчетности сельскохозяйственных предприятий региона, материалы исследований ученых-аграрников в области формирования и развития агрохолдингов, продовольственных рынков, инвестиционной активности в АПК, материалы собственных исследований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Развитие агрохолдингов в России исторически связано с особенностями размещения мощностей по переработке и логистике сельскохозяйственной продукции периода СССР, когда за отдельными элеваторами, мясокомбинатами, молочными заводами и другими подобными организациями «закреплялась» сырьевая база. В 1990-е гг. связь была «разорвана» несмотря на законодательно созданный механизм приватизации объектов АПК и возможности работников субъектов АПК и сельскохозяйственных предприятий участвовать в приобретении части собственности приватизируемых объектов.

Интегрированные формирования, в том числе с участием региональных органов власти, в современной России начали развиваться в период 1998–1999 гг., когда необходимо было остановить банкротство сельскохозяйственных организаций, вернуть перерабатывающим предприятиям «утраченные сырьевые зоны», но активно — в период с 2006–2007 гг., когда АПК был провозглашен как приоритетный проект для экономики и когда в сельское хозяйство вновь были направлены бюджетные средства, а рентабельность продукции стабилизировалась. Именно в этот период были созданы организации, впоследствии либо ставшие крупными агрохолдингами, либо обанкроченные с невосполнимыми потерями для сельских территорий присутствия финансово неустойчивых организаций.

Если рассматривать агрохолдинги с земельными активами свыше 100 тыс. га, то, согласно сведениям консалтинговой компании BEFL, таких компаний в России в 2015 г. было всего 40 ед., они занимали 2,33% земель сельскохозяйственного назначения страны (8998 тыс. га). К июню

2024 г. их количество увеличилось до 77 ед., или на 92,50%, а доля в занимаемых землях сельскохозяйственного назначения — до 4,88% (18 500 тыс. га). За анализируемый период 2015–2024 гг. холдинги, входящие в топ-5 крупнейших землевладельцев 2024 г. (Агрохолдинг «Мираторг», ООО «Продимекс», АО Фирма «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачева, ГК «Русагро», ГК ЭкоНива), увеличили земельный банк в своем ведении с 1842 тыс. га до 4568 тыс. га, или в 2,48 раза; наибольший прирост наблюдался по АО Фирма «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачева — в 5,63 раза, по ГК «ЭкоНива» и агрохолдингу «Мираторг» — в 3,22 раза и 3,20 раза соответственно. Если рассматривать удельные показатели землепользования, то в расчете на один холдинг площадь земель сельскохозяйственного значения увеличилась не существенно — с 225,0 тыс. га до 240,3 тыс. га, или на 6,81%, что свидетельствует о том, что в структуре холдингов с землепользованием свыше 100,0 тыс. га, увеличивается доля с более низкими удельными показателями землепользования (табл. 1). Данные процессы укрупнения агрохолдингов происходили как путем покупки земель финансово неустойчивых сельскохозяйственных организаций, так и путем сделок M&A [10]. В рейтинге холдингов с площадью свыше 100,0 тыс. га в 2015–2016 гг. присутствовала и компания с Алтайского края (АО «Мельник», 101,0 тыс. га), которая занималась переработкой и логистикой зерна, в 2021–2024 гг. — ООО «Алтайская продовольственная компания» (129,0 тыс. га), которое специализировалось на выращивании зерновых и масленых культур, переработке продукции их выращивания.

Алтайский край является одним из основных агропромышленных регионов России, специализирующемся

Таблица 1
Землепользование крупных холдингов, осуществляющих деятельность в сельском хозяйстве России

Показатели	2015 г.			2020 г.			2024 г.			
	всего	% к итогу	ранг	всего	% к итогу	ранг	всего	% к итогу	ранг	% к 2015 г.
Количество организаций, ед.*	40	x	x	61	x	x	77	x	x	192,50
Земельный банк организаций**, тыс. га – всего	8998	100	x	14200	x	x	18500	100	x	205,60
В т.ч. Агрохолдинг «Мираторг»	381	4,23	6	1047	6	1	1221	6,60	1	320,47
ООО «Продимекс»	570	6,33	1	865	1	3	900	4,86	3	157,89
АО Фирма «Агрокомплекс» им. Н.И. Ткачева	200	2,22	16	653	16	2	1126	6,09	2	563,00
ГК «Русагро»	495	5,50	4	643	4	4	689	3,72	4	139,19
ГК «ЭкоНива»	196	2,18	20	599	20	5	632	3,42	5	322,45
Удельное землепользование организаций**, тыс. га/ед.	225,0	x	x	232,8	x	x	240,3	x	x	106,81
Удельный вес земельного банка организаций от площади в целом по России**, %	2,33	x	x	3,72	x	x	4,88	x	x	x

* С площадью земель сельскохозяйственного назначения свыше 100 тыс. га.

** Земля сельскохозяйственного назначения.

Источник: составлено авторами по сведениям компании BEFL [9]

на выращивании зерновых культур (пшеница, гречиха, овес, ячмень и другие), масличных культур (подсолнечник, рапс, соя и другие), мяса скота и птицы, молока, меда. В силу существенных различий в рентабельности производства различных видов сельскохозяйственной продукции и сроках окупаемости инвестиционных проектов крупный бизнес, представленный агрохолдингами, специализируется на производстве мяса птицы, свиней, обеспечении собственных мощностей по производству растительных масел, молока и молочной продукции, продукции выращивания крупяных культур и переработки зерна.

Так, в агропромышленном производстве Алтайского края в 2024 г. осуществляли деятельность следующие крупнейшие холдинги федерального уровня: ГК «Черкизово» (животноводство и растениеводство, переработка, производство кормов), КДВ Групп (пищевая промышленность, животноводство, растениеводство, переработка, розничная торговля), ГК «Эконива» (молочное животноводство, растениеводство, семеноводство), Агропромышленная корпорация «АСТ» (производство и переработка, логистика зерна и круп), ГК «Благо» (производство растительных масел), АО «Макфа» (растениеводство, переработка зерна, производство макарон); АО «Вимм-билль-данн» / PepsiCo (производство молока и молочной продукции); ГК «Доминант» (выращивание сахарной свеклы, производство сахара); ООО «Румелко» (смешанное сельское хозяйство) и другие. Непосредственно в сельскохозяйственном производстве из обозначенных компаний были представлены лишь ГК «Черкизово», КДВ Групп, ГК «Эконива», ГК «Доминант», ООО «Румелко» (табл. 2).

Таблица 2

Холдинги, осуществляющие сельскохозяйственную деятельность на территории Алтайского края (фрагмент)

Территориальный охват	Наименование организации
Федеральный	ГК «Черкизово», КДВ Групп, ГК «ЭкоНива», ГК «Доминант», ООО «Румелко», ООО «Житница Алтай», ООО «Шемышейский производственный комбинат»
Межрегиональный	ГК «Столица молока»*, АО «Междуречье», ООО «Холод»*,
Региональный	ПКФ «Мария-Ра»*, АПГ «Алтайские закрома»*, ООО «ТД Аникс»*, ООО «АПК Грана Хабары»*
Локальный	ООО «Алтайская продовольственная компания»*, ООО «Алтайская буренка»*, ООО «Агропромышленное объединение «Казачья станица», ООО «Агрофирма «Птицефабрика «Енисейская»*, ГК «Союз»*, АО «Мельник»*, ООО «Агрофирма Гудвилл»*, ООО «Каменский элеватор»*, ООО «Брюкке»*, АО «Бийская льняная компания»*

* Регион регистрации – Алтайский край.

В структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции организации, находящиеся под управлением холдингов, занимали в 2022 г. достаточно высокие удельные веса в региональных показателях: по сахарной свекле – 92,69%, семенам рапса – 42,94%, соевым бобам – 39,69%, зерну – 37,46%, семенам подсолнечника – 38,27%, молоку – 26,00% (табл. 3). Практически весь объем производства сахарной свеклы в 2022 г. был сосредоточен в организациях, находящихся в федеральных холдингах (92,69%), в них был собран каждый 19-й центнер зерна и семян рапса, 26-й – семян подсолнечника. Таким образом, федеральные холдинги в аграр-

ной экономике представлены, но их доля в структуре производства сельскохозяйственной продукции невысока (кроме сахарной свеклы). С другой стороны, данные холдинги присутствуют в составе сельскохозяйственных товаропроизводителей Алтайского края относительно недавно (кроме ГК «Черкизово», ГК «Доминант»): КДВ Групп активно расширяло площади землепользования в регионе с 2020 г.; ГК «ЭкоНива» заявила инвестиционные планы по развитию молочного скотоводства в Алтайском крае в 2018 г., однако производство молока было начато лишь в 2023 г., на полную загрузку мощностей вышли в 2024 г.; ООО «Румелко» также начало производство молока в Заринском районе лишь в 2023 г. Таким образом, удельный вес сельскохозяйственных организаций в составе федеральных холдингов с 2023–2024 гг. существенно увеличится и составит, по нашим оценкам, только по ООО «Блиновское» (ООО «Румелко») и ООО «ЭкоНива Алтай» (ГК «ЭкоНива») около 8,00% регионального объема сырого молока и около 14,00% — в производстве молока сельскохозяйственных организаций.

Среди всех сельскохозяйственных предприятий Алтайского края самостоятельно осуществляли свою деятельность (не входили в состав холдингов) 71,68% предприятий, а 28,32% функционировали в составе холдингов различных видов: федеральных — 2,83%, межрегиональных — 4,92%, региональных — 2,82%, локальных — 17,73%. Очевидна дифференциация предприятий по масштабам деятельности: 28,32% предприятий в составе холдингов концентрировали 60,13–61,14% выручки и имущества сельскохозяйственных организаций региона, 52,77% — работников, получили доступ к 55,79% бюджетным средствам и 80,97% банковских

Таблица 3

Удельный вес различных видов холдингов в производстве сельскохозяйственной продукции Алтайского края (2022 г.), %

Предприятия	Молоко		Зерно		Семена подсолнечника	
	% в СХП	% в регионе	% в СХП	% в регионе	% в СХП	% в регионе
Предприятия в составе холдингов по их территориальному охвату	53,42	26,00	54,61	37,46	60,00	38,27
Федеральный	4,27	2,08	7,83	5,37	6,09	3,88
Межрегиональный	15,16	7,38	6,66	4,57	9,73	6,21
Региональный	10,46	5,09	8,11	5,56	9,29	5,93
Локальный	23,52	11,45	32,01	21,96	34,89	22,25
Самостоятельно функционирующие предприятия	46,58	22,67	45,39	31,13	40,00	25,51

кредитов, полученных по системе льготного кредитования. Среди них явно выделяются организации в составе холдингов федерального и регионального уровней (5,66% от общего количества организаций региона), которые совокупно концентрировали 20,10–21,11% выручки и активов соответственно, 18,84% — бюджетных средств и 33,09% — льготных кредитов (табл. 4).

Федеральные и региональные холдинги в расчете на одну сельскохозяйственную организацию в их составе в 2022 г. получили в 3,05–4,05 раза больше выручки, чем в среднем по всем организациям сельского хозяйства региона, и задействовали в своей деятельности в 2,78–3,03 раза

Таблица 4

Удельный вес различных видов холдингов в основных показателях сельскохозяйственных организаций Алтайского края (2022 г.), %

Предприятия	Удельный вес в				
	активах	выручке	работниках	бюджетных средствах	льготном кредитовании
Предприятия в составе холдингов по их территориальному охвату	61,14	60,13	52,77	55,79	80,97
Федеральный	12,48	11,46	7,86	11,61	21,70
Межрегиональный	8,40	8,79	11,79	7,55	9,19
Региональный	8,63	8,63	8,59	7,23	11,39
Локальный	31,63	31,25	24,53	29,41	38,69
Самостоятельно функционирующие предприятия	38,86	39,87	47,23	44,21	19,03

больше количества работников (138 чел. и 151 чел. соответственно), чем в среднем по всем организациям (50 чел.) (табл. 5).

Более высокая рентабельность предприятий в составе региональных и локальных агрохолдингов объясняется их специализацией и преобладанием в структуре продаж продукции выращивания зерновых (32,06–38,08% полученной выручки) и масличных культур (маслосемена подсолнечника – 14,56–16,99%, семена рапса – 6,17–12,2%, соевые бобы – 0,79–4,60%), обладающих более высокой маржинальностью относительно других видов сельскохозяйственной продукции (рис. 1).

Таблица 5

Относительные показатели сельскохозяйственных организаций Алтайского края по видам холдингов (2022 г.), %

Предприятия	Уровень рентабельности производства, %	В расчете на 1 организацию приходится		Удельный вес «льготных» кредитов в кредитах, %
		выручки, тыс. руб.	работников, чел.	
Предприятия в составе холдингов по их территориальному охвату	39,64	371 119	93	63,48
Федеральный	34,84	707 430	138	48,91
Межрегиональный	24,58	312 319	119	72,53
Региональный	53,19	532 806	151	69,76
Локальный	42,86	307 913	69	71,39
Самостоятельно функционирующие предприятия	36,57	971 94	33	49,10
В среднем	38,40	174 758	33	60,13

* Удельный вес кредитов, полученных по системе льготного кредитования, в общей величине кредитов, полученных в 2022 г., %.

Структура товарной продукции организаций в составе локальных холдингов и самостоятельно функционирующих организаций в 2022 г. была практически одинаковой, однако разница в рентабельности производства (6,29 п.п.) свидетельствует о более высоких удельных затратах организаций с малыми размерами производства, а также

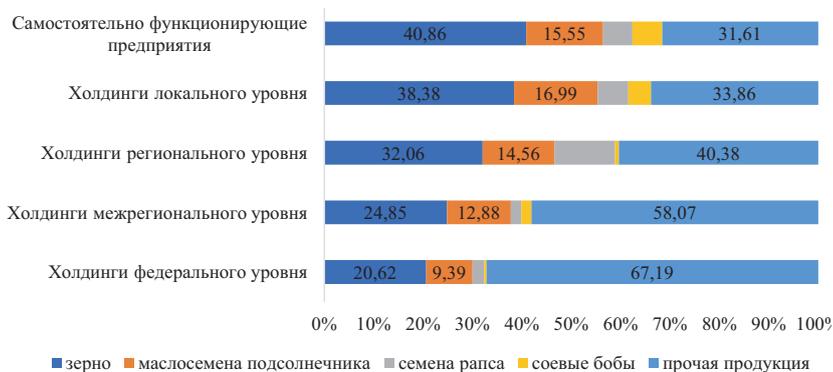

Рис. 1. Структура выручки сельскохозяйственных организаций Алтайского края, %

о реализации продукции по относительно более низким ценам.

Выводы

Если рассматривать структуру распределения организаций сельского хозяйства Алтайского края по размерам производства и специализации, то очевидно, что для достижения задач, поставленных перед АПК России, по увеличению к 2030 г. объемов производства на 25,0%, а экспорта на 50,0% в регионе необходимо создать условия для: стабилизации финансового состояния сельскохозяйственных товаропроизводителей, поскольку рост затрат на фоне снижения рентабельности производства снижает возможности повышения их инвестиционной активности; стабилизации объемов производства в хозяйствах населения и малых фермерских хозяйствах, роста объемов производства в средних и крупных организациях; разработки прозрачных и понятных для

экспортно ориентированных товаропроизводителей правил работы на аграрных рынках; развития мощностей по переработке и логистике сельскохозяйственной продукции и продовольственных ресурсов, обеспечивающих получение более высокой добавленной стоимости относительно продаж сырья; обеспечения воспроизводства кадров и средств производства. Если рассматривать концепцию развития экспорта АПК путем создания в стране «национальных чемпионов» (концепция разработана представителями консалтинговой организации «Яков и Партнеры») [11], которые активно работают на мировых рынках, контролируют всю цепочку производства от сырья до производства готовой продукции и ее логистики до конечных потребителей, осуществляют активную научно-исследовательскую деятельность, то очевидно, что в Алтайском крае создание таких «национальных чемпионов» нереально и нецелесообразно. Для Алтайского края участие в развитии таких сверхкрупных корпораций, развивающихся не столько за счет частных инвестиций и государственных средств, сколько за счет привлеченного капитала путем проведения IPO, возможно лишь через увеличение объемов производства в «дочерних» региональных организациях федеральных холдингов ГК «Черкизово» (производство мяса птицы), ГК «ЭкоНива» (производство сырого молока).

Многие организации как в составе холдингов любого вида, так и самостоятельно функционирующие организации, разумеется, будут участвовать в увеличении объемов производства на экспорт, однако говорить о существенном их влиянии на функционирование мировых рынков аграрной продукции (муки, зерна, семян масличных культур и растительного масла, молока и молочной продукции, мяса) в настоящее время не приходится.

Переориентация «национальных чемпионов» на мировые рынки аграрной продукции сгладит конкуренцию на локальных, региональных и федеральных рынках, с нашей точки зрения, создаст условия для развития малых форм хозяйствования, среднего бизнеса в сельском хозяйстве, действительно эффективного симбиоза разных форм хозяйствования нас селе, поскольку в настоящее время крупные агрохолдинги, к сожалению, не заинтересованы в развитии конкурентной среды в сельском хозяйстве, о чем свидетельствуют результаты исследований многих ученых России [12, 13]. Кроме того, развитие инструментов финансирования деятельности крупных корпораций за счет привлеченных средств (IPO) снизит давление на бюджеты всех уровней, позволит обеспечить доступность к бюджетным средствам и льготному кредитованию субъектам малого и среднего предпринимательства, а также повысить эффективность использования бюджетных средств.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20309.

Библиографический список

1. Узун В.Я., Шагайда Н.И., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А. Холдинги-зация агробизнеса России. Москва: Дело, 2022. 344 с.
2. Дибиров А.А., Кайшев В.Г. Роль интегрированных формирований в повышении эффективности АПК (на примере Ленинградской области) // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2017. № 10. С. 49–54.
3. Колобова А.И., Косинцева О.А. Реализация условий интенсивного ведения молочного скотоводства // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2007. № 5. — С. 62–66.

4. Гриценко Г.М., Лукьянов А.Н. Институциональная среда развития регионального АПК: теоретический аспект // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 1–4. С. 794–798.
5. Шевцов В.В. О перспективах развития крупных агрохолдингов в постпандемический период // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 224, № 4. — С. 182–197.
6. Минаев В.Н. Роль агрохолдингов в развитии экономик регионов России // *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2018. № 2. С. 74–81.
7. Маслова В.В., Авдеев М.В. Современные аспекты развития инвестиционного процесса в АПК России // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 224, № 4. — С. 132–151.
8. Носонов А.М. Агрохолдинги как форма организационно-управленческих инноваций в агропромышленном комплексе // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина*. 2019. № 4. С. 108–121.
9. Крупнейшие владельцы сельскохозяйственной земли в России на 2024 год. Режим доступа: <https://www.befl.ru/upload/iblock/db9/db992ab2dcfa0553b098d1deb4c542b6.pdf>. Дата обращения: 25.06.2024.
10. Клепча К., Огородников Е., Ремизов М. «Почвенники» и «западники» российского АПК // *Животноводство России*. 2023. № 1. С. 8–11.
11. Клецко А., Ветошкин С., Колтышев А. «Национальные чемпионы» АПК: размер имеет значение. Режим доступа: <https://yakov.partners/publications/national-champions-in-agriculture/> Дата обращения: 25.06.2024.
12. Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка влияния институциональных и структурных изменений на развитие аграрного сектора России // *Вопросы экономики*. 2019. № 4. С. 39–58.
13. Барсукова С.Ю. Дилемма «фермеры-агрохолдинги» в контексте импортозамещения // *Общественные науки и современность*. 2016. № 5. С. 63–74.

References

1. Uzun V.Ya., Shagajda N.I., Gataulina E.A., Shishkina E.A. Holdingizaciya agrobiznesa Rossii. Moskva: Delo, 2022. 344 s.
2. Dibirov A.A., Kajshev V.G. Rol' integrirovannyh formirovanij v povyshenii effektivnosti APK (na primere Leningradskoj oblasti) // Ekonomika sel'skohozyajstvennyh i pererabatyvayushchih predpriyatij. 2017. № 10. S. 49–54.
3. Kolobova A.I., Kosinceva O.A. Realizaciya uslovij intensivnogo vedeniya molochnogo skotovodstva // Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2007. № 5. — S. 62–66.
4. Gricenko G.M., Luk'yanov A.N. Institucional'naya sreda razvitiya regional'nogo APK: teoreticheskij aspekt // Fundamental'nye issledovaniya. 2014. № 12–4. S. 794–798.
5. Shevcov V.V. O perspektivah razvitiya krupnyh agroholdingov v postpandemicheskij period // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2020. T. 224, № 4. — S. 182–197.
6. Minaev V.N. Rol' agroholdingov v razvitii ekonomik regionov Rossii // Nauchnyj vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta. 2018. № 2. S. 74–81.
7. Maslova V.V., Avdeev M.V. Sovremennye aspekty razvitiya investicionnogo processa v APK Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. 2020. T. 224, № 4. — S. 132–151.
8. Nosonov A.M. Agroholdingi kak forma organizacionno-upravlencheskih innovacij v agropromyshlennom komplekse // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 2019. № 4. S. 108–121.
9. Krupnejšie vladel'cy sel'skohozyajstvennoj zemli v Rossii na 2024 god. Rezhim dostupa: <https://www.befl.ru/upload/iblock/db9/db992ab2dcfa0553b098d1deb4c542b6.pdf>. Data obrashcheniya: 25.06.2024.
10. Klepcha K., Ogorodnikov E., Remizov M. «Pochvenniki» i «zapadniki» rossijskogo APK // Zhivotnovodstvo Rossii. 2023. № 1. S. 8–11.

11. Klecko A., Vetoshkin S., Koltyshev A. «Nacional»nye chempiony» APK: razmer imeet znachenie. Rezhim dostupa: <https://yakov.partners/publications/national-champions-in-agriculture/> Data obrashcheniya: 25.06.2024.
12. Uzun V.Ya., Shagajda N.I. Ocenka vliyaniya institucional'nyh i strukturnyh izmenenij na razvitie agrarnogo sektora Rossii // Voprosy ekonomiki. 2019. № 4. S. 39–58.
13. Barsukova S.Yu. Dilemma «fermery-agroholdingi» v kontekste importozameshcheniya // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016. № 5. S. 63–74.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049, Барнаул, Ленина пр-т, 61

Altai State University, 61, Lenin Ave., Barnaul, 656049, Russia

Воробьев Сергей Петрович / Sergey P. Vorobyov

servsp@mail.ru

Воробьева Виктория Владимировна / Victoria V. Vorobyova

vvtoria@mail.ru

Чжан Фан / Fan Zhang

308663002@qq.com

Алтайский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

656008, Барнаул, Партизанская ул., 187

Altai Branch of the RANEPa, 187, Partizanskaya Str., Barnaul, 656008, Russia

Савченко Александра Сергеевна / Alexandra S. Savchenko

savchenko-as@ranepa.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-128-145

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

LEVEL OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY

МАНТАЕВА ЭЛЬЗА ИВАНОВНА

Проректор по экономике и финансам
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова», член
Правления ВЭО России, руководитель
Калмыцкой региональной организации
ВЭО России, д.э.н., профессор

ELZA I. MANTAIEVA

Doctor of Economics, Professor, Vice-rector for
Economics and finance, Kalmyk State University
named after B.B. Gorodovikov, Member of the
Board of the VEO of Russia, Head of the Kalmyk
regional organization of the VEO of Russia

САВЧЕНКО-БЕЛЬСКИЙ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Член Правления
ВЭО России, профессор кафедры менеджмента
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова», д.э.н.,
профессор

KIRILL A. SAVCHENKO-BELSKY

Member of the Board of the VEO of Russia,
Professor of the Management Department of the
Gorodovikov Kalmyk State University, Doctor of
Economics Sciences, Professor

СЛОБОДЧИКОВА ИННА ВАЛЕНТИНОВНА

Доцент кафедры государственного
и муниципального управления
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова», к.э.н.

INNA V. SLOBODCHIKOVA

Associate Professor of state and municipal
management Kalmyk State University named
after B.B. Gorodovikov

АННОТАЦИЯ

Инновационная деятельность в экономике страны приобретает особую роль. Россия столкнулась с большим количеством проблем: санкции, потеря европейского рынка сбыта, торговые ограничения. Именно инновации являются инструментом, позволяющим увеличить темп собственного производства продукции, уменьшить чрезмерный уровень импорта и усилить экспорт высококонкурентной и качественной продукции, способствующей получению дохода, а также достижения устойчивых позиций на мировой экономической арене. Таким образом, инновационная деятельность относится к приоритетному направлению государства.

ABSTRACT

Innovation activity in the country's economy is gaining a special role. Russia has faced a lot of problems: sanctions, loss of the European market, trade restrictions. It is innovation that is the tool to increase the rate of its own production of products, reduce the excessive level of imports and strengthen the export of highly competitive and high-quality products that contribute to income generation, as well as achieving sustainable positions in the global economic arena. Thus, innovation activity is a priority for the state.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационное развитие, региональная экономика, инновационная инфраструктура, потенциал, региональная инновационная система, инновационная активность, рейтинг инновационного развития.

KEYWORDS

Innovation development, regional economy, innovation infrastructure, capacity, regional innovation system, innovation activity, innovation development rating.

Инновации играют важнейшую роль в предпринимательстве, поскольку они способствуют созданию новых продуктов, услуг и бизнес-моделей, отвечающих потребностям и желаниям клиентов. Предприниматели, способные выявить возможности для инноваций и успешно их реализовать, могут получить конкурентное преимущество на рынке и создать ценность для себя и своих клиентов.

При разработке инновационной политики выбор ее инструментов должен осуществляться с учетом актуальных проблем, выявленных в инновационной системе. Инструменты инновационной политики должны быть отобраны, адаптированы к характеру решаемой проблемы

и сочетаться с дополнительными инструментами. В данном контексте на первый план выходит роль и значение инновационной стратегии. Инновационная стратегия — это четко определенный план структурированных шагов, которые необходимо выполнить для достижения целей роста и будущего устойчивого развития. Инновационная стратегия создает необходимый фокус для эффективного использования ресурсов. Это важно, поскольку инновации всегда связаны с большим риском, чем другие виды деятельности. Инновационная стратегия положительно влияет как на качество, так и на эффективность инноваций.

В современном мире расширение инновационной деятельности является приоритетной задачей на всех уровнях хозяйствования государства. Это обусловлено тем, что инновации и их внедрение способствует созданию нового продукта с высокой ценностной характеристикой, обеспечивающей увеличение качественных характеристик и технико-эксплуатационных свойств продукции, тем самым формируя его конкурентное преимущество среди других участников рынка, выпускающих аналогичную продукцию.

Инновационная деятельность в экономике страны приобретает особенную роль. Россия столкнулась с большим количеством проблем: санкции, потеря европейского рынка сбыта, торговые ограничения. Именно инновации являются инструментом, позволяющим увеличить темп собственного производства продукции, уменьшить чрезмерный уровень импорта и усилить экспорт высококонкурентной и качественной продукции, способствующей получению дохода, а также достижения устойчивых позиций на мировой экономической арене. Таким образом, инновационная

деятельность относится к приоритетному направлению государства [1].

Обоснование вмешательства политики государственного регулирования в инновационную деятельность восходит к неоклассической экономической теории, которая допускает вмешательство, когда эффективное функционирование рынков затруднено. Согласно этой традиции, провалы рынка возникают в ситуациях, когда рынок не обеспечивает адекватных стимулов для частных НИ-ОКР из-за неопределенности, присущей НИОКР, или перетока знаний к конкурентам.

При разработке инновационной политики выбор ее инструментов должен осуществляться с учетом актуальных проблем, выявленных в инновационной системе. Инструменты инновационной политики должны быть отобраны, адаптированы к характеру решаемой проблемы и сочетаться с дополнительными инструментами.

В целях обеспечения экономического развития России в новых условиях существования мира, а также формирования условий достижения инновационного пути развития экономики в 2014 г. Правительством РФ утверждена Государственная программа «Экономическое развитие и инновационная экономика», которая в свою очередь реализуется в рамках Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», ориентирована на достижение национальных целей развития РФ до 2030 г.: «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» и «Цифровая трансформация» и задачи увеличения численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индиви-

дуальных предпринимателей, повысить доход компаний в расчете на одного сотрудника, который должен превышать рост ВВП [2].

В начале 2024 г. Президентом РФ определены основные задачи и приоритеты научно-технологического развития государства, закрепленные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [3].

С целью анализа и сравнительной характеристики достижения уровня инновационного развития в разрезе регионов разработаны и проводятся рейтинги. Данные для анализа представлены государственной статистикой, проведением анкетирования, опросов, учитываются экспертные заключения. Разработчиками подобных рейтингов являются как рейтинговые агентства, научные учреждения, так и отдельные научные коллективы. В основе рейтингов — сбор, анализ и оценка определенного набора показателей, описывающих инновационное развитие субъекта с различных сторон. Аналитики используют различные критерии оценки, методики в зависимости от конкретных объектов исследования.

Информация, представленная государственной статистикой, легла в основу рейтинга регионов по научно-технологическому развитию, составляемому агентством РИА Рейтинг. Создание высокотехнологичных товаров, проведение научных исследований, внедрение передовых технологий в разной степени характерно для всех субъектов РФ, что отмечается значительной неравномерностью. Подавляющая часть регионов (порядка 72%) характеризуется низким уровнем научно-технологического развития, около 13% — крайне низким. Так, позиция Республики Калмыкия по итогам 2022 г. — это 81-е место.

По сравнению с данными предыдущего периода произошло изменение на 4 пункта в сторону понижения [4].

Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики» проводит исследования в различных областях, в том числе занимается изучением инновационного развития субъектов страны. На первых позициях в данном рейтинге по итогам 2021 г. традиционно Москва. Далее расположились Республика Татарстан и Нижегородская область.

Градация производится по четырем группам и зависит от величины отставания значений результата региона-лидера. В указанном аналитическом докладе Республике Калмыкия присвоена 76-я позиция (табл. 1) [5], что отражает рост за последние годы и позволило перейти из четвертой в третью группу [6].

Таблица 1

Республика Калмыкия в рейтинге инновационного развития субъектов Российской Федерации [6]

Показатели рейтинга	2017 г.	2019 г.	2021 г.
Совокупный уровень инновационного развития	80	75	76
Социально-экономические условия инновационной деятельности	75	53	73
Научно-технический потенциал	41	29	58
Инновационная деятельность	83	80	71
Экспортная деятельность	82	82	70

Помимо рассмотренных рейтингов, целесообразно обратиться к статистическим данным, размещенным на официальном сайте Федеральной службы государственной

статистики: <https://rosstat.gov.ru/>. В разделе «Наука, инновации и технологии» представлена следующая информация в разрезе субъектов страны: Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, Численность исследователей, Внутренние затраты на научные исследования и разработки.

Верхние строчки среди исследуемых регионов Юга России (ЮФО и СКФО) по показателю «Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками» (табл. 2) занимают Ростовская область, Краснодарский край, далее расположились Волгоградская область, Ставропольский край. В разрезе республик лидируют Крым, Дагестан, Кабардино-Балкария. Также высокий результат у г. Севастополь. Республики и Астраханская область примерно на одном уровне. Ингушетия и Калмыкия отстают в данной категории. Данный показатель связан с количеством населения, проживающего в регионе. Значительных колебаний в динамике за рассматриваемый период не наблюдается.

Исследование по категории «Внутренние затраты на научные исследования и разработки» в ЮФО и СКФО (табл. 3) повторяет анализ предыдущей таблицы, где определены лидеры, средние показатели и отстающие регионы. Данный показатель в первую очередь связан с уровнем социально-экономического развития региона, его финансовыми возможностями.

Высока роль инновационного предпринимательства в повышении уровня экономического развития. При этом интенсивность инновационных процессов в сфере малого бизнеса остается невысокой. При том, что доля малых предприятий в технологической сфере имеет динамику к повышению, дан-

Таблица 2

**Численность персонала, занятого научными исследованиями
и разработками по субъектам Российской Федерации, человек [7]**

	2019	2020	2021	2022	2023
Российская Федерация	682 464	679 333	662 702	669 870	670 614
Южный федеральный округ	26 713	26 716	26 152	26 376	26 453
Республика Адыгея	276	273	237	217	227
Республика Калмыкия	149	163	171	151	153
Республика Крым	2045	2217	2082	2130	2181
Краснодарский край	6752	6754	7043	6979	6908
Астраханская область	830	668	702	709	804
Волгоградская область	3582	3611	3609	3624	3698
Ростовская область	11 974	11 940	11 165	11 428	11 413
г. Севастополь	1105	1090	1143	1138	1069
Северо-Кавказский федеральный округ	6745	6816	6640	6461	6724
Республика Дагестан	1442	1491	1323	1289	1167
Республика Ингушетия	176	159	171	158	158
Кабардино-Балкарская Республика	1101	1113	1151	1013	1341
Карачаево-Черкесская Республика	623	631	625	618	618
Республика Северная Осетия – Алания	563	549	510	540	532
Чеченская Республика	349	364	349	352	372
Ставропольский край	2491	2509	2511	2491	2536

ный показатель остается на низком уровне (табл. 4). Регионы Юга России существенно отличаются по данному показателю. Лидеры превышают среднероссийский показатель, в то время как по ряду регионов, включая Республику Калмыкию, инфор-

Таблица 3

Внутренние затраты на научные исследования и разработки по субъектам Российской Федерации, млн руб. [7]

	2019	2020	2021	2022	2023
Российская Федерация	1134786,7	1174534,3	1301490,9	1435914,3	1649788
Южный федеральный округ	29163,0	29806,4	33898,1	33496,8	39560,9
Республика Адыгея	206,7	209,4	301,2	304,5	292,8
Республика Калмыкия	90,7	146,6	132,1	159,7	137,8
Республика Крым	1412,5	1583,5	1829,9	2446,2	2372,4
Краснодарский край	5772,4	7504,6	10345,7	9166,9	9058,4
Астраханская область	809,9	664,9	794,0	649,6	1541,3
Волгоградская область	3727,9	3904,0	4849,3	5397,8	6691,5
Ростовская область	15960,6	14614,3	14299,9	13899,9	17965,8
г. Севастополь	1182,4	1179,2	1346,0	1472,1	1500,8
Северо-Кавказский федеральный округ	5291,1	5786,9	6479,6	7174,1	8505
Республика Дагестан	1040,0	1250,4	1255,8	1200,1	1166,3
Республика Ингушетия	108,0	112,0	85,0	89,6	84,4
Кабардино-Балкарская Республика	867,0	792,3	871,9	908,6	1101,2
Карачаево-Черкесская Республика	515,3	550,1	612,4	723,2	861,5
Республика Северная Осетия – Алания	414,5	492,8	437,0	568,2	629,1
Чеченская Республика	350,1	361,4	548,7	504,7	445,5
Ставропольский край	1996,2	2227,8	2668,9	3179,9	4217,1

мация не представлена. По доле инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных ра-

Таблица 4

Удельный вес малых предприятий, осуществлявших технологические инновации, процентов [7]

	2015	2017	2019	2021	2023
Российская Федерация	4,5	5,2	5,9	7,1	7,5
Южный федеральный округ	3,5	4,4	5,5	6,6	7,3
Республика Адыгея	7,5	5,5	1,4	1,5	3,1
Республика Калмыкия	9,5	–	–	–	–
Республика Крым	2,8	7,2	9,4	8,9	7,5
Краснодарский край	1,6	5,0	6,0	5,2	5,0
Астраханская область	9,3	6,3	7,6	5,2	4,9
Волгоградская область	4,9	4,3	2,7	5,0	6,6
Ростовская область	3,3	2,5	5,4	9,1	11,1
г. Севастополь	5,8	6,7	4,1	–	6,0
Северо-Кавказский федеральный округ	1,1	2,9	2,8	4,9	6,0
Республика Дагестан	–	1,3	5,0	3,9	6,2
Республика Ингушетия	–	–	–	–	–
Кабардино-Балкарская Республика	0,7	10,2	6,4	4,2	3,8
Карачаево-Черкесская Республика	–	–	–	2,8	–
Республика Северная Осетия – Алания	1,8	3,3	1,8	7,3	13,0
Чеченская Республика	–	–	–	6,3	–
Ставропольский край	1,6	2,4	2,2	5,2	6,7

бот, услуг малых предприятий выделяется Ростовская область, чей показатель превышает средний по России. Среди республик стоит выделить Дагестан, от которого незначительно отстают Ставропольский край. По ряду регионов, включая Республику Калмыкию, информация также не представлена (табл. 5). Динамика также не равномерная, периоды спада сменяются подъемом и наоборот. Основная часть регионов находится примерно на одном уровне, чьи показатели менее 1 процента.

Таблица 5

Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий, по субъектам Российской Федерации, процентов [7]

	2015	2017	2019	2021	2023
Российская Федерация	1,64	1,59	2,36	2,80	3,14
Южный федеральный округ	2,67	1,11	5,27	0,87	3,41
Республика Адыгея	0,02	—	0,08	0,84	8,3
Республика Калмыкия	0,50	—	—	—	—
Республика Крым	0,12	0,11	0,19	0,48	0,78
Краснодарский край	2,46	0,58	5,73	0,67	0,98
Астраханская область	—	0,01	0,06	0,01	0,01
Волгоградская область	1,39	1,20	0,88	0,55	3,04
Ростовская область	4,30	2,22	8,11	3,07	7,45
г. Севастополь	2,98	—	—	—	1,06
Северо-Кавказский федеральный округ	0,08	0,22	0,97	0,87	1,54
Республика Дагестан	—	0,47	3,29	1,57	11,23
Республика Ингушетия	—	—	—	—	—
Кабардино-Балкарская Республика	0,06	0,09	0,84	—	—
Карачаево-Черкесская Республика	—	—	—	—	—
Республика Северная Осетия – Алания	—	—	—	0,35	2,18
Чеченская Республика	—	—	—	—	—
Ставропольский край	0,15	0,31	0,99	1,14	0,28

Низкая инновационная активность субъектов малого предпринимательства характерна практически для всех отраслей промышленного производства, исключение составляет высокотехнологичный сектор. Анализ показывает, что активно предпринимаемые государством меры по развитию институтов инновационной инфраструктуры не приводят к росту инновационной активности малого предпринимательства.

Становление инновационной экосистемы является важным звеном при реализации инновационных проектов и достижения целей становления инновационной экономики. Для того чтобы обеспечить становление инновационной экономики в рамках развития регионов, требуются особые условия, способствующие развитию инновационной деятельности и эффективности процессов, а именно расширению инновационной экосистемы на всех уровнях. В свою очередь, цель становления инновационной экономики пересекаются с одним из элементов концепции устойчивого развития, которая набирает все большую актуальность. Рассматривая этот факт, следует отметить, что устойчивое развитие подразумевает возможность оставить условия жизни для последующих поколений, учитывая три направления: экономические условия, социальные условия, экологические условия. Это обусловлено тем, что инновационная активность относится к числу 17 ключевых целей концепции устойчивого развития [1].

Инновации играют ключевую роль в успехе малых и средних предприятий, поскольку они позволяют укрепить свое положение на рынке и увеличить доходы путем разработки и предложения новых продуктов, используя передовые технологии. Это делает МСП более конкурентоспособными на рынке. Малые и средние предприятия находят источник

вдохновения в способности придумывать разные варианты для удовлетворения запросов своих клиентов и активном участии в обмене ресурсами и возможностями в сетях.

МСП с более высокими инновационными показателями демонстрируют более высокие показатели прибыльности, производительности и роста по сравнению со своими менее инновационными конкурентами. Более того, важность деятельности, связанной с НИОКР, по мнению владельцев бизнеса, положительно связана с их расходами на НИОКР. В условиях глобальных рынков выживание и успех компании зависят от правильного использования ее потенциала интернационализации и инноваций.

Субъекты инновационной деятельности, поддерживающие развитие предпринимательства и инноваций, такие как научные парки, инкубаторы, акселераторы, тестовые среды, сети, кластеры/места встреч и финансисты, являются ключевыми игроками в предоставлении людям возможности реализовать свои идеи и в создании культуры, способствующей инновациям в регионе.

Развитие инновационного потенциала может происходить медленно из-за нехватки ресурсов и подверженности повышенному риску. При этом государственная инфраструктура и политика, рыночная среда и конкуренция как внешние факторы влияют на принятие решений компаниями при планировании инновационных стратегий и процессов интернационализации. Предпринимательская ориентация МСП позволяет им преодолевать эти ограничения и повышать инновационный потенциал и интернационализацию. Аналогичным образом, гибкость признается как способность, которую МСП используют для преодоления недостатков и неопределенности

окружающей среды, улучшая при этом свой инновационный потенциал и процесс интернационализации.

В современных условиях интеграции экономических процессов регионы сталкиваются с необходимостью повышения своей конкурентоспособности и эффективности использования своих ресурсов. Для эффективного развития инновационно-инвестиционной направленности необходимо иметь теоретическую и методологическую основу, которая позволяет определить подходы к развитию инновационной региональной структуры, показатели и инструменты оценки и управления инновационно-инвестиционным потенциалом отраслей экономики региона. В научной литературе существует множество подходов к изучению инновационно-инвестиционной направленности регионального развития, однако они не всегда достаточно обоснованы, систематизированы и согласованы между собой. Кроме того, многие из них не учитывают динамику и нелинейность отраслевых инновационно-инвестиционных процессов, а также не отражают реальных условий и проблем регионального развития. Поэтому актуальной задачей является разработка комплексной теоретико-методологической основы инновационно-инвестиционной направленности развития потенциала региона в целях эффективности инновационно-инвестиционной политики [8].

Региональная инновационная стратегия должна способствовать увеличению мощности за счет укрепления взаимодействия и сотрудничества между большим количеством участников, которые вместе составляют инновационную экосистему региона. Не в последнюю очередь они способствуют повышению динамизма, привлекая в регион

новых людей. Компании и предприниматели играют ключевую роль в коммерциализации инноваций, в стимулировании переходного процесса, в создании и расширении инноваций. Университеты играют важную роль в генерировании и распространении новых знаний, обеспечении высокообразованной рабочей силы и создании поддержки инноваций.

Библиографический список

1. Кудряков Р.И. Инновационная экосистема как фактор устойчивого развития региональной экономики / Р.И. Кудряков, Г.В. Федотова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 1. С. 48–62.
2. Официальный сайт министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_obnovlennyy_nacproekt_budet_donastroen_pod_aktualnye_zaprosy_msp.html.
3. Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
4. Рейтинг регионов по научно-технологическому развитию — итоги 2022 г. — URL: <https://riarating.ru/infografika/20231023/630251402.html>.
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 8. 2023. // Статистические сборники ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2023>.
6. Статистические сборники ВШЭ. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/>.
7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

8. Кирильчук С.П. Теоретико-методологическая основа инновационно-инвестиционной направленности развития потенциала региона / С.П. Кирильчук, О.В. Колодяжная // Теоретическая экономика. 2023. № 11(107). С. 118–129.

References

1. Kudryakov R.I. Innovation ecosystem as a factor of sustainable development of regional economy / R.I. Kudryakov, G.V. Fedotova // Izvestia South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. 2024. T. 14, № 1. С. 48–62.
2. Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_obnovlennyy_nacproekt_budet_donastroen_pod_aktualnye_zaprosy_msp.html.
3. Decree of the President of the Russian Federation from 28.02.2024 № 145 «On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation» // JPS ConsultantPlus.
4. Rating of regions by scientific and technological development — results of 2022 — URL: <https://riarating.ru/infografika/20231023/630251402.html>.
5. Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 8. 2023. // Statistical collections of the Higher School of Economics. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/rir2023>
6. Statistical collections of the Higher School of Economics. — URL: <https://www.hse.ru/primarydata/>.
7. Official site of the Federal State Statistics Service. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>.
8. Kirilchuk S.P. Theoretical and methodological basis of innovation and investment orientation of the region's potential development / S.P. Kirilchuk, O.V. Kolodyazhnaya // Theoretical Economics. 2023. № 11(107). С. 118–129.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

358000, Republic Kalmykia, Elista, Pushkin street, 11

Мантаева Эльза Ивановна / Elza I. Mantaeva

mantaeva08@yandex.ru

Савченко-Бельский Кирилл Александрович / Kirill A. Savchenko-Belsky
irina.sbf@mail.ru

Слободчикова Инна Валентиновна / Inna V. Slobodchikova

slobodchikova-iv@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-146-167

**АНТИСАНКЦИОННАЯ
И САНКЦИОННАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА 2022–
2025: САНКЦИИ,
КОНТРСАНКЦИИ,
ПРОБЛЕМЫ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ**
**ANTI-SANCTIONS
AND SANCTIONS
ECONOMIC POLICY
2022–2025: SANCTIONS,
COUNTERSANCTIONS,
IMPORT SUBSTITUTION
PROBLEMS AND
PROSPECTS**

МАНУШИН ДМИТРИЙ ВИКТОРОВИЧ

Профессор кафедры финансового менеджмента Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова, д.э.н.

DMITRIY V. MANUSHIN

Professor of the department of financial management Kazan innovation university named after V.G. Timiryasov, Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждены основные антироссийские санкции, выявлены основные проблемы и преимущества российской санкционной экономики, раскрыты основные реализуемые антисанкционные действия, предложены меры по коррекции санкционной и антисанкционной политики в российской экономике.

ABSTRACT

Discusses the main anti-Russian sanctions, identifies the main problems and advantages of the Russian sanctions economy, reveals the main anti-sanctions actions being implemented, and proposes measures to correct sanctions and anti-sanctions policies in the Russian economy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Антисанкционная политика, санкционная политика, санкции, контрсанкции, антисанкции, политика импортозамещения.

KEYWORDS

Anti-sanctions policy, sanctions policy, sanctions, counter-sanctions, anti-sanctions, import substitution policy.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время российское руководство не занимается построением антисанкционной и санкционной экономической политики, отдавая предпочтение ситуационному

реагированию на вводимые антироссийские санкции. Так, в 2022 г. первый вице-премьер А. Белоусов отметил, что основным вариантом развития событий является сценарий ситуационного реагирования¹. В 2022–2024 гг. основное внимание уделялось симметричному ответу на введенные против России санкции. Отсутствие антисанкционной и санкционной политики в России является основной проблемой в области противодействия антироссийским санкциям.

Целью исследования является изучение санкций и антисанкций, структуры доходов госбюджета РФ, проблем российских организаций (в первую очередь в области импортозамещения), определение перспектив развития санкционной и антисанкционной политики в экономике Российской Федерации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве материалов использованы доклады и аналитика Минфина РФ, ЦБ РФ, РСПП РФ, выступления высокопоставленных госслужащих, позиции экспертов и ученых. В качестве основных методов исследования стоит назвать монографический, аналогия, анализ, синтез, сравнение, дедукция, индукция, формализация и др.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К настоящему моменту времени санкции наложены почти на все отрасли российской экономики (подробный состав антироссийских санкционных пакетов и перечень ответ-

¹ Белоусов назвал три сценария трансформации российской экономики. (2022, 16 июня). РБК. <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2022/62aa6dce9a794774e6844708?ysclid=lvbyn-41cu3625029032>.

ных санкций представлен в других исследованиях [1, 2]). Если прямые санкции на какую-либо российскую отрасль не наложены, то на нее действуют косвенные санкции. В то же время, как справедливо отмечено в других исследованиях, в 2022–2023 гг. почти все антироссийские санкции были демонстративными [1]. Так, санкции заблокировали движение только тех товаров (работ и услуг), которые удалось заменить более дешевыми аналогами [1, 2]. В то же время США действительно затрудняют работу российской экономики и взаимодействие с рынком ЕС и иных своих союзников и предпринимали неоднократные попытки ликвидировать российскую промышленность [1–3]. К позитивным последствиям санкций можно отнести то, что, по данным ЦБ РФ, к концу 2022 г. число предприятий, использующих российское сырье, материалы и комплектующие увеличилось в два раза².

В 2024 г. против России введены следующие основные «санкции»:

— физическое уничтожение российских нефтеперерабатывающих заводов (далее — НПЗ) (по данным Reuters, на конец марта 2024 г. около 14% мощностей НПЗ РФ выведены из строя)³. Ожидается, что в ближайшее время НПЗ будут прикрыты ПВО, но это является оборонительной стратегией. Защитно-атакующим решением является форсированное развитие станкостроения, чтобы уничтожение нефтеперерабатывающего оборудования не стало причиной остановки нефтяной промышленности. Пози-

² Российская обрабатывающая промышленность в условиях санкций: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2023, сентябрь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/154320/analytic_note_20230926_dip.pdf.

³ Нефтяные атаки. Насколько опасны для экономики России интенсивные удары украинских дронов по НПЗ? (2024, 3 апреля). NUR.KZ. <https://www.nur.kz/world/2078495-neftnyanye-ataki-naskolko-opasny-dlya-ekonomiki-rossii-intensivnye-udary-ukrainskih-dronov-po-npzh/>.

тивным фактом является увеличение в 2023 г. производства станков на 60%⁴, но в современных условиях скорость развития отечественного станкостроения слишком мала. Так, в 2023 г. при опросе 1 тыс. промышленных предприятий из 30 субъектов РФ обнаружено, что большая часть этих промышленных предприятий (78%) сильно зависит от иностранного оборудования. Так, сообщалось, что эта зависимость очень высока (вплоть до нахождения на критическом для компании уровне) в 8% случаев, высока — в 35% случаев, находится на среднем уровне — в 35% случаев; обнаружен низкий уровень этой зависимости в 22% случаев⁵;

— США в конце декабря 2023 г. ввели требование, предусматривающее наложение вторичных санкций на банки других стран, взаимодействующие с подсанкционными компаниями (в первую очередь российскими фирмами). В результате банки Китая и Турции, во-первых, стали тщательно проверять любые платежи из России, что заметно увеличило сроки прохождения денег через банк (от 7 до 30 дней). Во-вторых, повышены ставки за перевод денег (китайские банки в среднем берут 2,5–7%, а турецкие банки 5–15%). В-третьих, заблокирована возможность покупки подсанкционной продукции через банки этих стран (в первую очередь перекрыта покупка компонентов электроники). Эта блокировка сейчас обходится через банки других стран⁶, но закрытие этого пути лишь вопрос времени.

⁴ Ежегодный отчет Правительства в Государственной Думе. (2024, 3 апреля). Правительство России. <http://government.ru/news/51246/>.

⁵ Тенденции импортозамещения в промышленности в 2023–2024 гг. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 8 с.

⁶ На мирные цели: как оплачивать китайские товары в условиях санкций. (2024, 21 мая). TKS.RU. <https://www.tks.ru/reviews/2024/05/21/03/?ysclid=lwhhltrovsv51248558>.

Для раскрытия условий, в которых ведется борьба с санкциями 2022–2023 гг., важно изучить источники дохода государственного бюджета РФ (рис. 1).

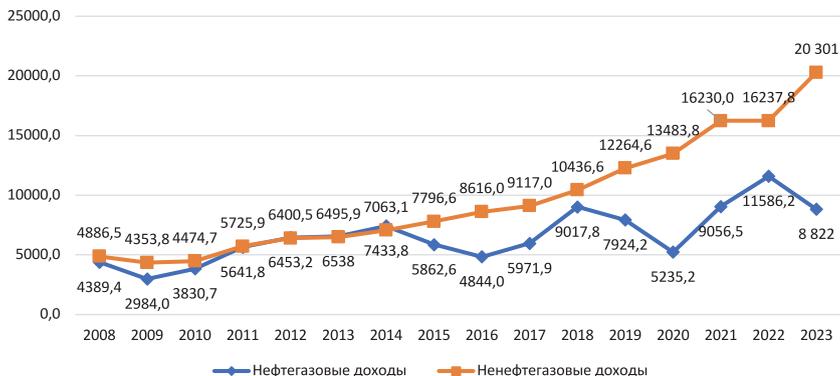

Рис. 1. Величина ненефтегазовых и нефтегазовых доходов в государственном бюджете Российской Федерации в 2008–2023 гг., млрд руб. [3]

Анализ структуры доходов российского государственного бюджета позволяет утверждать, что Россия с 2014 г. (после первой заметной волны антироссийских санкций) стала делать первые шаги в области перехода от сырьевой к индустриальной экономике. Так, в 2016–2017, 2019–2023 гг. ненефтегазовые доходы заметно превышали нефтегазовые доходы. При этом в 2020 г. они продолжали стабильно увеличиваться, невзирая на экономический кризис, возникший в период пандемии COVID-19. В дальнейшем темпы роста ненефтегазовых доходов стабильно превышали темпы роста нефтегазовых доходов (за исключением 2022 г.). В 2022 г. получена рекордная величина нефтегазовых доходов, но она

значительно ниже уровня нефтегазовых доходов в этот год. Величины нефтегазовых доходов в период с 2015 г. по 2023 г. стабильно, значительно и существенно превышали величины нефтегазовых доходов РФ (за исключением 2018 г., когда они несущественно превышали нефтегазовые доходы). В период с 2014 г. по 2023 г. нефтегазовые доходы России увеличились в 2,9 раза. Все это свидетельствует о почти полном успехе трансформации российской сырьевой экономики в индустриальную. Катализатором этого процесса стали антироссийские санкции, усиливающиеся с 2014 г. по 2023 г. Эти же факты свидетельствуют о наличии проблем в нефтегазовой промышленности. В 2024–2025 гг. ожидается еще большее падение нефтегазовых доходов, в том числе из-за уничтожения невосполнимого иностранного оборудования для нефте- и газопереработки.

В процессе борьбы с санкциями и реализации программ импортозамещения российские компании сталкивались с множеством проблем (рис. 2 и 3).

В процессе изучения проблем и ограничений, указанных на рис. 2 и 3, обнаружено, что в 2022–2023 гг. важнейшими проблемами являлись проблемы с логистикой, удорожанием сырья и комплектующих, необходимость замены иностранного сырья на российское, дефицит кадров⁷. Позитивным фактом является то, что к 2024 г. импортозамещение началось на 64% отечественных предприятий, которые в зависимости от отрасли смогли отказаться от 10–50% зарубежной продукции⁸. При этом важной неочевидной проблемой сле-

⁷ Ответы на вопрос (апрель–май 2023): «Как предприятие обеспечено кадрами?»: есть избыток трудовых ресурсов (1,6%), оптимально обеспечено персоналом (24,6%), по одним категориям есть избыток, по другим — недостаток кадров (23,8%), нехватка сотрудников (50%) [4].

⁸ Импортозамещение 2024. (2024, 2 апреля). CNEWS. https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_2023_itogi_i_plany.

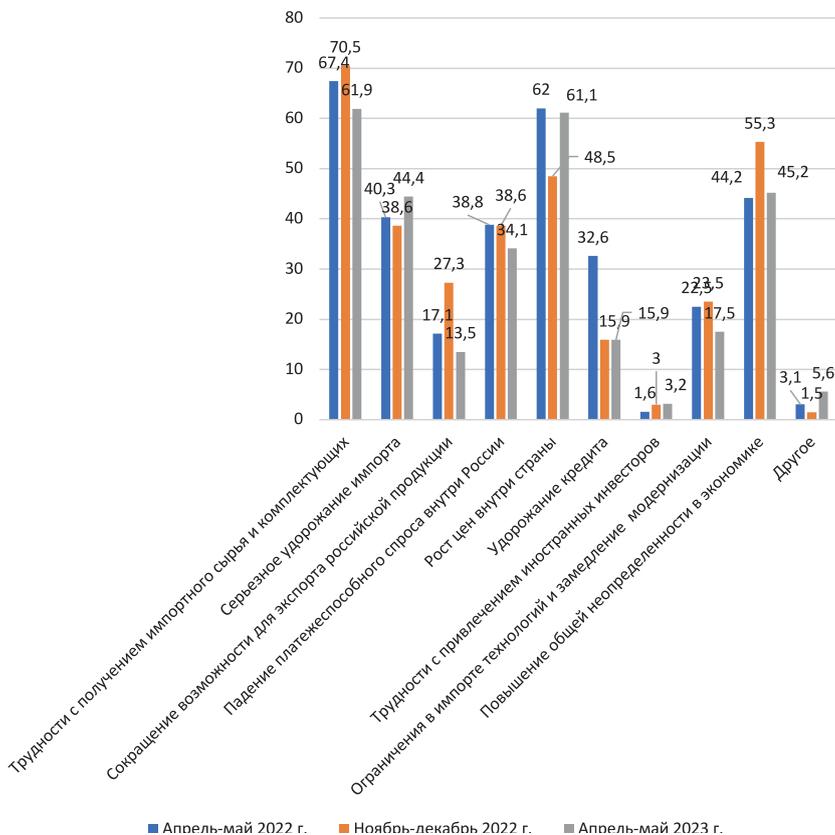

Рис. 2. Самые острые проблемы предприятий, возникшие из-за санкций США и их союзников в 2022–2023 гг., % (сумма ответов > 100%) [4] *

* В опросе участвовало 132 предприятия из разных отраслей.

дует признать неуверенность руководства многих российских компаний в будущем (из-за роста непредсказуемости в российской экономике) и неготовность действовать для выхода из кризиса. Так, аналитики ЦБ РФ обнаружили, что

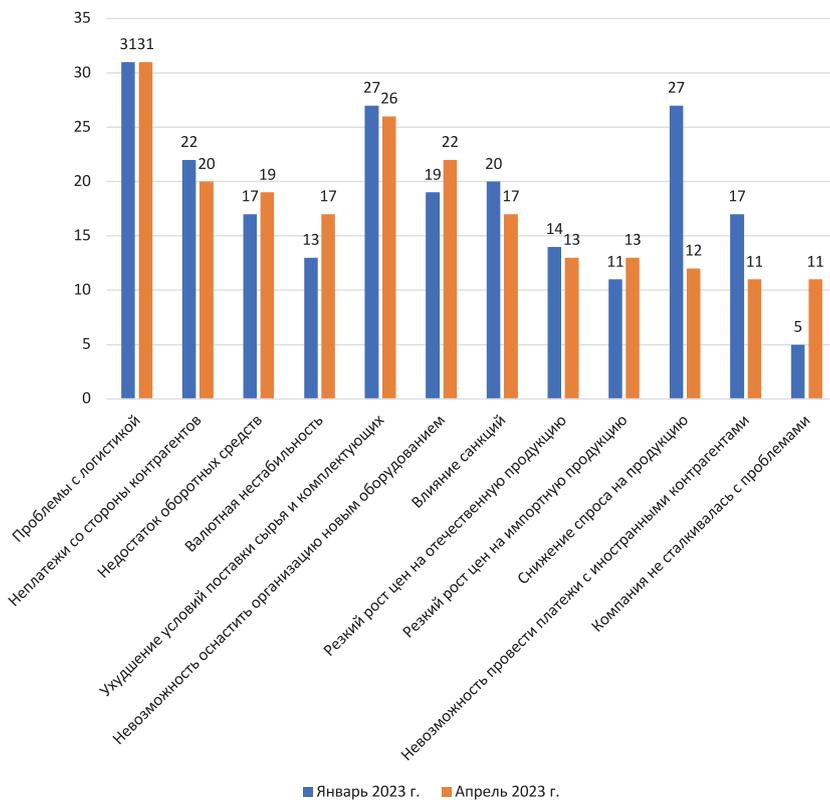

Рис. 3. Основные ограничения деятельности российских компаний в I квартале 2023 г., % (сумма ответов > 100%)⁹ *

* Порог отсеечения ответов > 10%.

⁹ Состояние российской экономики и деятельность компаний: результаты мониторинга РСПП в I квартале 2023 г. (2023, апрель). Российский союз промышленников и предпринимателей. <https://rspp.ru/activity/analytcs/sostoyanie-rossiyskoy-ekonomiki-i-deyatelnost-kompaniy-rezultaty-monitoringa-rspp-v-i-kvartale-2023-/?ysclid=luv7ziom9f218382216>.

около 20% компаний с максимальной загрузкой основных средств, отказались от инвестирования в оборудование для наращивания объемов выпуска своей продукции¹⁰. Многие респонденты указывают на проблемы, связанные с недостаточным внутренним спросом. Причинами этого являются высокие цены, неплатежи контрагентов, снижение у потребителей потребности в приобретении товаров. Следует отметить, что проблемы из-за ответных российских санкций не упоминаются опрошенными компаниями, то есть санкционная политика РФ не наносит ущерба российской экономике.

В результате изучения рис. 1–3 выявлено противоречие: с одной стороны, есть серьезные успехи в импортозамещении, а с другой — многие руководители компаний указывают на наличие существенных проблем в области импортозамещения. Эта ситуация связана с наличием или отсутствием «ядра»¹¹ импортозамещения в той или иной отрасли. При наличии этого «ядра» наращивание импортозамещения осуществляется относительно быстро и успешно. Это подтверждается заметными успехами импортозамещения в металлургии, строительстве, производстве удобрений, добыче нефти и газа. Перспективным и недооцененным направлением развития импортозамещения является производство напитков, одежды и простых в изготовлении ме-

¹⁰ Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: результаты опроса предприятий. Аналитическая записка. (2024, январь). Банк России. https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf.

¹¹ Доступен комплекс критически важных технологий для базового функционирования отрасли, обеспеченный компетентными специалистами; наличие внутреннего и/или внешнего спроса на базовую продукцию отрасли; есть возможность и время для внедрения инноваций или масштабирования производств отрасли для успешной конкуренции в сложившейся бизнес-среде (в области качества или цены); наличие ресурсов, комплектующих и услуг для текущей работы и развития отрасли; стимулирование государством развития отрасли и конкуренции в ней.

дицинских изделий. Перспективным эти направления делает высокий спрос на отечественную продукцию, уход с российских рынков части зарубежных производителей и относительная простота изготовления этих товаров. Производство пищевых продуктов по многим критериям тоже относится к этой группе, но оно к 2024 г. во многом исчерпало свой потенциал быстрого роста после существенного наращивания его объемов в период с 2014 по 2021 г. При отсутствии «ядра» импортозамещения замещение импорта осуществляется поверхностно и формально. Так, любые успехи в импортозамещении российского программного обеспечения и производстве электроники будут малополезны, если импорт чипов или их компонентов будет действительно заблокирован; в российской фарминдустрии есть критический недостаток отечественного сырья (фармсубстанций) и технологий изготовления лекарств; наблюдается недостаток технологий для формирования «ядра» импортозамещения в машиностроении; в деревообрабатывающей промышленности «ядро» импортозамещения не сформировалось из-за недостаточного внутреннего спроса на первичные продукты деревообработки (в том числе из-за слабой развитости отечественной мебельной промышленности).

Важно предостеречь от попытки повысить недостаточный внутренний спрос прямыми краткосрочными мерами (избыточная защита отечественной продукции, передача денег населению и т.п.), который даст временный позитивный эффект в период действия той или иной меры (в основном в форме «заморозки» проблемы) и длительный негативный результат (снижение конкурентоспособности товаров отрасли, находящейся под избыточной защитой государства, резкий рост инфляции и т.п.). В этой связи акцент должен быть

сделан на долгосрочных мерах в области повышения уровня востребованности и инновационности отечественной продукции. При необходимости получения быстрой отдачи от господдержки той или иной российской отрасли лучше поддержать только ограниченный спектр базовых товаров этой отрасли, от производства которых критически зависит население или крупные и системообразующие компании.

К основной проблеме импортозамещения в 2024 г. следует отнести очевидный крен в сторону замещения иностранных недружественных поставщиков нейтральными зарубежными поставщиками. Активизация отечественного производства позволила получить существенные результаты в отраслях с уже созданным «ядром» импортозамещения (во многом это обусловлено минимум десятилетними успехами по замещению импорта в этих сферах деятельности). В этой связи замещение одних иностранных поставщиков другими вполне оправдано в слабоагрессивной обстановке в течение 7–10 лет с начала процесса создания «ядра» импортозамещения в той или иной российской отрасли. В то же время, учитывая высокую агрессивность внешней бизнес-среды вокруг России, необходимо перейти к созданию «ядер» импортозамещения более высокими темпами. Для отраслей, развитие которых невозможно ускорить, важно выиграть время для формирования в них «ядра» импортозамещения, в том числе путем создания сети посреднических организаций, позволяющих партнерам России перейти от демонстративного несоблюдения антироссийских санкций к их обходу.

Для понимания общих затрат на антисанкционные меры предлагается изучить суммы фактического исполнения госбюджета РФ, динамику ФНБ и отчеты, подготовленные для Госдумы РФ (см. табл. 1).

Таблица 1

Факторы, влияющие на расходы Правительства РФ на антипандемийные и антисанкционные меры, трлн руб. [1, 2]

№	Наименование	Годы				
		2019	2020	2021	2022	2023
1.	Дефицит (профицит) госбюджета	+2,0	-4,1	+0,5	-3,3	-3,2
2.	Общий размер ФНБ РФ (на конец года)	7,8	13,5	13,6	10,4	12,0
3.	Ликвидная часть ФНБ РФ (на конец года)	6,1	8,7	8,5*	6,1	5
4.	Расходы Правительства РФ на антипандемийные или антисанкционные меры	—	7		12,5	н/д

* 21 мая 2021 г. к ликвидным активам ФНБ добавлено золото (до этого к ним относили лишь средства на счетах ЦБ РФ).

В результате изучения табл. 1 можно предположить, что внеплановое резкое сокращение ликвидной части ФНБ РФ (в 2022 г.) в будущем не повторится. Ориентация на темп падения ликвидной части ФНБ РФ в 2022–2023 гг. позволяет предположить, что ликвидной части ФНБ РФ хватит примерно на 4,5 лет.

Этот прогноз сделан без учета возможностей наращивания денежной массы РФ. Так, А.Р. Бахтизин отмечает, что монетизация российской экономики примерно в три раза ниже среднемирового уровня (несмотря на увеличение денежной массы РФ на 19,3 трлн руб. с 1 января 2022 г.) [5]. Следует согласиться с А.Р. Бахтизиным в том, что, если не раздавать дополнительно напечатанные деньги насе-

лению, а инвестировать их в инфраструктуру и основные средства, то это не повысит, а снизит инфляцию [5].

В 2022 и 2023 гг. потрачены весьма существенные средства на реализацию антисанкционной и санкционной экономической политики. Подобное увеличение расходов госбюджета стало возможным в результате значительного увеличения доходов федерального бюджета (в первую очередь нефтегазовых (см. рис. 1)). Многие предприятия указывают на недостаточность вложений государства в стимулирование внутреннего спроса и подтверждают, что потребность предприятий в стимулировании инвестирования в оборудовании в настоящее время относительно невелика. Это указывает на правильную и рациональную политику государства, направившего основные средства в поддержку инвестиционной активности предприятий, а не стимулирование спроса населения. Для повышения внутреннего спроса предлагается усилить вложения в поддержку выпуска инновационной отечественной продукции, которая будет стимулировать внутренний спрос в долгосрочной перспективе.

Состав основных антисанкционных мер представлен на рисунке 4. На нем отражены данные на 2022 г., но в связи продлением многих антисанкционных мер 2022 г. на 2023 г. и 2024 г. можно предположить, что в 2023 и 2024 гг. суммы на реализацию антисанкционного плана выделялись примерно в том же объеме.

Преимуществом внедренного состава мер является преобладание суммы, вложенной в косвенные меры господдержки, над прямыми. Основным недостатком является приоритет поддержки банков перед поддержкой промышленных предприятий. Так, на льготное кредитование крупных и средних фирм Правительство РФ потратило около

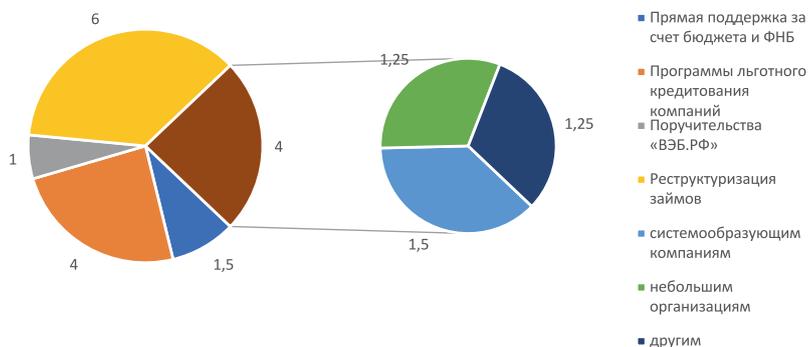

Рис. 4. Состав основных антисанкционных мер РФ в 2022 г., трлн руб. [2]

2,75 трлн руб. (исходя из предположения, что антисанкционные меры 2022 г. были продлены на 2023 г. без существенных изменений), а банки в 2023 г. передали этим предприятиям 2,2 трлн руб.¹², в процессе этого очень хорошо заработав (общая чистая прибыль банков в России в 2021 г. составляла 2,4 трлн руб., в 2022 г. — 0,2 трлн руб., а в 2023 г. — 3,3 трлн руб.)^{13, 14}. Очевидно, что 2,75 трлн руб. должны были пойти лишь на компенсацию части неполученных процентов за кредиты, а не на сами кредиты, поэтому реальный сектор должен был быть поддержан льготными кредитами на гораздо большую сумму, чем вышло по итогам 2023 г.

По итогам проведенного исследования можно спрогнозировать темп роста ВВП на 2024 г., который должен составить 3–6%. Этот прогноз превосходит результаты прогноза

¹² Гальчева А., Ткачев И., Сухорукова Е. (2024, 19 марта). Техники и электроника оторвались по вливаниям. Росстат назвал отрасли с наибольшим ростом инвестиций. РБК. <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/19/65f7fc949a7947798c0e4ad8?ysclid=lus9th2vrb368642123>.

¹³ Последствия санкций в цифрах. (2024, 9 апреля). News. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/310565519>.

¹⁴ Кошкина Ю. (2023, 27 января). Российские банки завершили кризисный год с худшей за семь лет прибылью. РБК. <https://www.rbc.ru/finances/27/01/2023/63d2c4e29a7947546341f03e>.

ВВП РФ на 2024 г. от ЦБ РФ (0,5–1,5%) [5], российских ученых и экспертов (1–2%) [6], Минэкономразвития РФ (2,3%) [5]. В то же время темп роста ВВП РФ в I квартале 2024 г. (5,4%)¹⁵ подтверждает данный прогноз.

ОБСУЖДЕНИЕ

В результате можно заключить, что российская антисанкционная политика реализуется в рамках стратегии перехода от сырьевой к индустриальной экономике с надстройкой в виде цифровой экономики. Ближайшими перспективами антисанкционной политики будет концентрация на стимулировании инвестиций российскими предприятиями. Во многом ее перспективы зависят от действий российских властей. Скорее всего, как в 2024 г., так и в 2025 г. еще больший упор будет сделан на укреплении состояния российской индустриальной экономики с акцентом на ее цифровизацию и роботизацию.

Российская санкционная политика реализуется в рамках стратегии «не навредить своей экономике», поэтому в ней преобладают адресные санкции, обычно имеющие политический характер. Одним из ее основных свойств является ярко выраженное преобладание симметричных ответных санкций и стремление не разжигать санкционную войну, чтобы не вызвать дополнительный вал антироссийских санкций. В то же время руководство России сообщает о недопустимости перехода «красных линий», так как это может спровоцировать активизацию российской санкционной политики. В связи с тем, что страны-провокаторы (напри-

¹⁴ ВВП России за 1 квартал 2024 г. вырос на 5,4%. (2024, 27 апреля). Финам. <https://www.finam.ru/publications/item/vvp-rossii-za-1-kvartal-2024-goda-vyros-na-54-20240427-1911/?ysclid=lvt5u19vyp350441710>.

мер, Эстония) активно пытаются как можно ближе подойти к российским «красным линиям»¹⁶ — однажды они будут перейдены и российская санкционная политика превратится из пассивной в активную.

РЕКОМЕНДАЦИИ

К основным возможностям развития антисанкционной экономической политики России в 2024–2025 гг. можно отнести:

1. Установление переходного периода после отмены антироссийских санкций, в течение которого постепенно прекратят действовать российские санкции и антисанкции. Это необходимо для создания у бизнеса уверенности, что государство даст возможность окупить вложения не только в среднесрочные проекты, но и в долгосрочные.

2. Переход от среднесрочных к долгосрочным мерам государственной поддержки импортозамещения. В первую очередь поддержать следует такие приоритетные отрасли, как станкостроение, нефтегазопереработка, транспортная инфраструктура.

3. Повышение открытости политики государства по стимулированию инвестиций в развитие российской промышленности. Например, ежеквартальное проведение форумов с выступлениями руководителей компаний, успешно воспользовавшихся господдержкой, раскрывающих процесс, особенности, преимущества и потенциальные проблемы взаимодействия с государством. Важна и обратная связь от чиновников. Полезно проведение стратегических сессий по развитию российских отраслей.

¹⁶ Например, делая заявления о возможности отправки солдат НАТО на Украину; принимая закон, позволяющий украсть у России заблокированные активы; осуществляя нападки на РПЦ.

4. Создание в других странах системы посреднических организаций, учитывающей постоянное попадание их части под антироссийские санкции.

5. Создание новых специальных прав заимствований для расчетов внутри стран БРИКС+. Так, переход на торговлю в национальных валютах не создает проблем лишь для стран с примерно равным взаимным объемом экспорта и импорта (Россия — Китай). А.Н. Клепач отмечает, что при торговле Россия — Индия в 2023 г. экспорт в Индию составил 72 млрд долл., а импорт 6 млрд долл., поэтому непонятно, что делать с торговым сальдо в 66 млрд долл., состоящим в основном из рупий [6].

6. Стимуляция самоинтеграции российских предприятий (для перераспределения выгоды с продавца итоговой продукции на все интегрированные предприятия, в первую очередь на производителей сырья). Мотивировать компании к самоинтегрированию предлагается путем предоставления льгот (налоговые вычеты, субсидирование кредитов, привилегии в госзакупках и т.п.) вертикально-интегрированным объединениям и компаниям, занимающимся полноцикловым производством в РФ.

7. Снижение ключевой ставки ЦБ РФ сначала до 8%, а потом до 5%.

8. Предложение российским станкостроительным организациям условия налогообложения особых экономических зон для новых или существенно модернизированных технологических линий.

9. Популяризация новых технологий и инноваций путем организации мероприятий с их использованием (например, в форматах разнообразных «игр будущего»).

10. Воспользоваться массовым сбросом Китаем гособлигаций США и будущим их обрушением путем активизации продажи российского золота и заблаговременного построения схем его продажи нейтральным странам в обход антироссийских санкций.

Все это позволит создать антисанкционную экономическую политику России с такими основными характеристиками, как индустриализм, инновационность, долгосрочность, открытость, превентивность, протекционизм.

К основным возможностям развития санкционной экономической политики России в 2024–2025 гг. можно отнести:

1. Уточнить указ Президента РФ об ответном изъятии имущества США или граждан США, находящихся в России¹⁷. Во-первых, дополнить потенциальные объекты изъятия, включив в его состав часть ежегодной прибыли предприятий США. Во-вторых, ограничить возможную компенсацию требованием о сохранении критически важных для РФ предприятий США, ограничив изъятие имуществом или иными активами, которое не приведет к их банкротству. Эти изменения, с одной стороны, снизят потенциальные волнения в российской бизнес-среде, исключив предположение о будущем банкротстве всех американских предприятий, находящихся в России. С другой стороны, они позволят обложить американские предприятия дополнительным «налогом», повысив конкурентоспособность российских организаций, работающих в том же сегменте с предприятиями, попавшими под действие указа об ответном изъятии имущества США.

¹⁶ Загребельная М. (2024, 23 мая). Путин подписал указ о компенсации ущерба России и Центробанку от действий США. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/05/23/1039070-putin-podpisal>.

2. Предлагается поддержать Иран и иные страны, недовольные политикой США, путем продажи им по сниженным ценам современного российского вооружения. Если США попросят Россию прекратить продавать оружие, уничтожающее их авианосцы и другие военные цели, то можно сообщить об отказе от подобной поддержки только в случае отказа западных стран поставлять вооружение и боеприпасы Украине.

Все это позволит перейти к санкционной экономической политике России с такими основными характеристиками, как неочевидность, рациональность, защитно-атакующий характер и протекционизм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате предложенные меры позволят России самостоятельно определять ход санкционной войны и завладеть на ней инициативой, заставив недружественные страны перейти к обороне и занять ведомые позиции в мировой санкционной экономике.

Библиографический список

1. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17. № 4. С. 775–799.
2. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 3: анализ антикризисных мер, управление российскими санкциями и антисанкциями // *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. Т. 18. № 2. С. 332–368.
3. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 2: последствия войны санкций,

управление изменениями, уточнение понятий исследования // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 36–69.

4. Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А. и др. Российские предприятия весной 2023 г.: преодоление санкционного кризиса и усиление инвестиционной активности // Проблемы прогнозирования. 2024. № 1. С. 217–232.
5. Бахтизин А.Р. Сложившиеся тенденции денежно-кредитной политики и точки роста экономики России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 244. № 6. С. 175–192.
6. Клепач А.Н. Среднесрочный прогноз развития российской экономики: оценки 2023 года и перспективы 2024–2026 годов // Научные труды Вольного экономического общества России. 2023. Т. 244. № 6. С. 158–174.

References

1. Manushin D.V. Antisankcionnaja i sankcionnaja jekonomicheskaja politika Rossii 2022–2025. Chast' 1: analiz i prognoz upravlenija antirossijskimi sankcijami // Russian Journal of Economics and Law. 2023. Т. 17. № 4. С. 775–799.
2. Manushin D. V. Antisankcionnaja i sankcionnaja jekonomicheskaja politika Rossii 2022–2025. Chast' 2: posledstvija vojny sankcij, upravlenie izmenenijami, utochnenie ponjatij issledovanija // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 36–69.
3. Manushin D. V. Antisankcionnaja i sankcionnaja jekonomicheskaja politika Rossii 2022–2025. Chast' 3: analiz antikrizisnyh mer, upravlenie rossijskimi sankcijami i antisankcijami // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 2.
4. Kovalin D.B., Zinchenko Ju.V., Lavrinenko P.A. i dr. Rossijskie predprijatija vesnoj 2023 g.: preodolenie sankcionnogo krizisa i usilenie investicionnoj aktivnosti // Problemy prognozirovanija. 2024. № 1. С. 217–232.

5. Bahtizin A.R. Slozhivshiesja tendencii denezhno-kreditnoj politiki i toчки rosta jekonomiki Rossii // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2023. T. 244. № 6. S. 175–192.
6. Klepach A.N. Srednesrochnyj prognoz razvitija rossijskoj jekonomiki: ocenki 2023 goda i perspektivy 2024–2026 godov // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2023. T. 244. № 6. S. 158–174.

Контактная информация / Contact information

Кафедра финансового менеджмента, Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

420108, г. Казань, ул. Зайцева, д. 15

Department of financial management

Kazan innovation university named after V. G. Timiryasov

15, st. Zaitseva, Kazan, 420108, Russia

Манушин Дмитрий Викторович / Dmitriy V. Manushin

predmet22@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-168-192

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ПОЛИТИКА
В УСЛОВИЯХ
ТУРБУЛЕНТНОСТИ
И ОГРАНИЧЕНИЙ**
**ECONOMIC POLICY
IN CONDITIONS OF
TURBULENCE AND
RESTRICTIONS**

БОЛЬШАКОВ СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Руководитель Ленинградского областного
регионального отделения ВЭО России, д.э.н.,
профессор

SERGEY N. BOLSHAKOV

Head of the Leningrad Regional Branch of the
VEO of Russia, Doctor of Economics, Professor

ТКАЧЕВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

Руководитель Коми региональной общественной организации ВЭО России, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления (ГОУ ВО КРАГСИУ), к.э.н., доцент

SERGEY A. TKACHEV

Head of the Komi regional public organization of the VEO of Russia, Head of the Department of State and Municipal Administration of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management, PhD in Economics, Associate Professor

БОЛЬШАКОВА ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА

Профессор ГОУ ВО КРАГСИУ, доктор философии (Phd), к.п.н., профессор

YULIA M. BOLSHAKOVA

Professor of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management, PhD in Philosophy, Candidate of Political Sciences, Professor

КВАШНЕВА АЛЕНА ЕГОРОВНА

И.о. ректора ГОУ ВО КРАГСИУ, к.ю.н.

ALENA E. KVASHNEVA

Acting Rector of the Komi Republican Academy of Public Administration and Management, Candidate of Law

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются оценки и перспективы функционирования немецкой и российской экономик, интерпретируются результаты социологического исследования европейского и немецкого бизнеса, констатируется высокий уровень адаптируемости российского бизнеса к условиям санкций и турбулентности. Анализ позволяет говорить о высоком уровне негативных ожиданий немецкого бизнеса, снижении доверия государству, пессимистическим оценкам развития экономики промышленных отраслей, как ФРГ, так и ЕС в целом.

ABSTRACT

The article reveals assessments and prospects for the functioning of the German and Russian economies, interprets the results of a sociological study of European and German business, and states the high level of adaptability of Russian business to the conditions of sanctions and turbulence. The analysis allows us to speak of a high level of negative expectations of German business, a decrease in trust in the state, and pessimistic assessments of the economic development of industrial sectors, both in Germany and the EU as a whole.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экономика, промышленность, корпоративный менеджмент, экономическая политика.

KEYWORDS

Economics, industry, corporate management, economic policy.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

До конца 1980-х гг. европейская промышленная политика формировалась в фарватере политической стратегии «общего рынка» и была направлена на развитие и конкурентоспособность кризисных отраслей, поддержку отсталых регионов с помощью протекционистских мер по отношению к внеш-

ним рынкам (таможенный союз, внутренний рынок) через внедрение инструментов поддержки структурных фондов. Маастрихтский договор (1992 г.) предоставил ЕС дополнительные полномочия в области промышленной политики. В статье 3 Договора о ЕС прямо указано, что целью Договора является «укрепление конкурентоспособности промышленности Сообщества», а в статье 173 Договора о функционировании Европейского союза, вступившего в силу в 2009 г., описаны цели, задачи и инструменты Договора [3].

Цели обеспечения конкурентоспособности ЕС состоят в том, чтобы способствовать адаптации промышленности к структурным изменениям, дальнейшему развитию малых и средних предприятий, в частности, сотрудничеству между компаниями и более эффективному использованию потенциала инноваций, исследований и технологического развития.

Другими стратегическими основаниями при разработке экономической политики последних лет стали: Белая книга Европейской комиссии «Рост, конкурентоспособность, занятость» (1993 г.), доклад Бангемана «Европа и глобальное информационное общество» (1994 г.), Лиссабонская стратегия (2000 г.) — целью которой являлось превращение ЕС в наиболее конкурентоспособную и динамичную экономическую зону в мире к 2010 г. В этом отношении европейскую экономическую политику теперь можно понимать как политику, ориентированную на технический прогресс и модернизацию экономики. В 2017 г. Комиссия ЕС представила новую стратегию — «Инвестиции в умную, инновационную и устойчивую отрасль» [3].

Термин «промышленная политика» относится к использованию широкого спектра инструментов, используемых

институтами управления ЕС — от правил субсидирования до налоговых льгот — для поддержки общего экономического роста или для содействия экономической динамики в конкретных отраслях.

Промышленная политика сталкивается с серьезной проблемой выбора направлений и приоритетов стратегий развития. Ни органы государственной власти, ни частный бизнес не могут четко определить, какие технологии, отрасли и компании имеют перспективы развития. Исследователи отмечают сложность выявления не только перспективных рынков, но и направлений эффективных инвестиций в инновационные технологии в условиях экономической рецессии, санкций [4]. Как отмечает ряд авторов, есть признаки того, что частные компании обладают меньшими компетенциями в части определения перспективных направлений развития, чем государственные органы [5]. Бизнес при выборе направлений инвестиций в инновации базируется на опыте совершенствования производственных процессов, изменении потребительских предпочтений, более эффективных формах организации новых рынков. С другой стороны, государственный аппарат управления или государственные предприятия работают в условиях использования государственного финансирования, далекого от рыночных конкурентных условий. Поскольку они используют общественные ресурсы, государственные источники финансирования, деньги налогоплательщиков, то «чиновники» делают ставку на традиционные инструменты планирования и сравнительно «мягкие» бюджетные ограничения. Все это мешает процессу созидательного преобразования экономики. Политики часто поддаются искушению перенаправить государственные инвестиции на международные рынки

в ущерб отечественным производителям [10]. Большая часть перераспределения ресурсов проводится за счет государственных субсидий и протекционистских инструментов регулирования. Зачастую речь идет вовсе не о национальных интересах. Обслуживается специфическая клиентура международных финансовых рынков.

В данной статье авторы предприняли попытку провести сравнительный анализ состояния экономики промышленных отраслей и экономики как ФРГ, так и России, используя социологический инструментарий опросов представителей корпоративного сектора экономики. Данный анализ позволяет не только оценить сложившуюся ситуацию в экономике, но и попытаться спроецировать сложившиеся ограничения и риски на перспективу.

Согласно результатам социологического опроса в ФРГ об экономическом положении страны, осенью 2023 г. только три процента респондентов оценили положение немецкой экономики как «очень хорошее» и 41% респондентов охарактеризовали экономическое положение как «хорошее» [1]. При этом 46% респондентов пришли к выводу, что нынешнее положение экономики ФРГ можно оценить как достаточно плохое. Семь процентов опрошенных считают, что ситуация в немецкой экономике даже «очень плохая» (см. табл. 1).

Результаты опроса респондентов ФРГ в части оценки ситуации немецкой экономики позволяет отметить негативные общественные оценки и ожидания (на август 2023 г.). Негативных оценок развития экономики и тенденций развития будущей экономической ситуации придерживаются 46% опрошенных, которые ожидают, что в 2024 г. экономическая ситуация в Германии ухудшится.

Таблица 1

Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в экономике Германии?
N = 1527, от 18 лет, в % [1]

Индикатор оценки	2019	2020	2021	2022	2023
Очень хорошо	18	4	5	3	3
Довольно хорошо	65	48	59	51	41
Довольно плохо	14	38	30	37	46
Очень плохо	1	8	4	7	7
Я не знаю	2	2	2	2	3

Данные негативные оценки поддерживаются результатами статистики ФРГ, так, цены на энергоносители являются доминирующей проблемной темой во всех отраслях немецкой экономики, 68% всех компаний считают это самым большим риском для бизнеса. По сравнению с результатами аналогичного опроса, проведенного в 2022 г., данный показатель оценки риска для бизнеса снизился на 11%, но опасения бизнеса по поводу безопасного и доступного энергоснабжения остаются на первом месте, опережая проблему дефицита квалифицированных работников, которая, согласно опросам немецкого бизнеса, занимает второе место среди выделяемых рисков для бизнеса — 60% (рост на 4 п.п. по сравнению с опросом в 2022) [1].

Следующим фактором риска для немецкого бизнеса, по мнению респондентов, является рост цен на сырьевые товары с 53% в 2023 г. (по сравнению с 63% снижение на 10 п.п. по сравнению с данными опроса 2022 г.). Конфликт в Украине занимает четвертое место в рейтинге рисков 51%, (снижение на 12 п.п. по сравнению с 2022 г.), следующим фактором пессимистической оценки состояния экономики

являются снижение покупательской способности домохозяйств, динамики продаж на внутреннем рынке ФРГ составил 48% в 2023 г. (снижение на 5 п.п. по сравнению с опросом в 2022 г.) [1].

На фоне пессимистических оценок бизнесом состояния немецкой экономики и перспектив ее развития, российские экономисты придерживаются более позитивных оценок состояния российской экономики в условиях введенных санкций и ограничений. Проанализируем результаты исследования А. Яковлева из ГУ-ВШЭ, проведенного на основе 27 глубинных интервью, в том числе серии интервью с директорами крупных промышленных компаний России весной 2022 г. и с руководителями ИТ-компаний и сервисных компаний, представителями бизнес-ассоциаций и отраслевыми экспертами [9]. Проанализировав позиции респондентов, можно обобщить набор факторов, способствовавших устойчивости российской экономики в 2022 г.:

- предыдущий опыт (действия санкций с 2014 г. и тот факт, что у компаний выработалась «готовность к плохим временам»;
- объективность влияния сложившегося рыночного поведения большинства фирм (включая государственные предприятия);
- формирование различных каналов коммуникации бизнеса с государством, принципиальное обновление механизмов государственной поддержки;
- личное, индивидуальное восприятие санкций и давления на Россию как «профессионального вызова».

По мнению ряда авторов многочисленные экономические вызовы последних 15 лет (включая глобальные кризисы 2008–2009 гг., 2020 г., а также кризис 2014–2015 гг. из-за вве-

денных санкций против российского бизнеса из-за присоединения Крыма, эмбарго на экспорт зерна в 2010–2011 гг., торговую блокаду с Турцией в 2015–2016 гг.) создали особый психологический настрой российского бизнеса. Постоянно сталкиваясь с внезапно возникающими институциональными проблемами, которые не были вызваны собственной хозяйственной деятельностью, предприниматели стали жить в постоянном ожидании «*черных лебедей*» (по определению Нассима Талеба). В результате постоянно возникающие «лебедеи» оказывают меньшее дезориентирующее и демотивирующее воздействие, но это не только психологический фактор. В хозяйственной практике ожидание бизнесом негативных сценариев развития экономической ситуации выразилось в увеличении материальных запасов (в том числе запасов сырья и комплектующих), снижении задолженности перед банками и поставщиками, более «гибких» моделях экономического поведения по отношению к сотрудникам компаний.

В результате данные факторы воздействия на состояние экономики России в 2020 г. позволили респондентам отметить тот факт, что экономика продемонстрировала гораздо большую устойчивость перед фактом нарушенных цепочек поставок. Уроки пандемии коронавируса дали возможность бизнесу осознать обоснованность выбранных управленческих подходов. А их сохранение на практике помогло смягчить влияние внешних шоков в 2022 г.

Кризис 2014–2015 гг., когда в данном периоде государство не оказывало существенной помощи компаниям, спровоцировал «очистку» экономики от неэффективного бизнеса. Так было в отраслях, где преобладали частные компании. Но и стратегия поведения крупных государственных

предприятий стала более рыночной, поскольку повысились требования к топ-менеджерам и правительство ужесточило контроль за результатами их деятельности.

Одним из рыночных аспектов поведения российских компаний является изменение отношения к сотрудникам, когда многие предприниматели стремились сохранить квалифицированные кадры в условиях пандемии 2020 г. В 2022 г. оптимизация цепей поставок была одной из стратегий адаптации бизнеса к новой экономической реальности. Также была проведена большая работа по поиску новых поставщиков, гибкой ценовой политике и инвестициям в закупку технологий.

В 2022 г. экономическому блоку правительства удалось оперативно и эффективно реализовать антикризисные меры и сохранить диалог с бизнесом в условиях стресса. Нет сомнений в том, что, по сравнению с вызовами 2008 г., в этом направлении был достигнут существенный прогресс. Министерства, отвечающие за экономику, а также органы власти и Центральный Банк извлекли уроки из каждого нового кризиса, и их реакция была более адекватной каждому новому кризису. Наиболее значимым является опыт пандемии коронавируса, когда правительство РФ впервые запустило широкий спектр мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (например, льготные кредиты и субсидии для поддержки занятости в сфере МСП).

В условиях масштабных санкций 2022 г., например, ИТ-менеджеры крупных бизнес-организаций были озабочены скоординированными усилиями по сохранению ранее разработанных ИТ-систем. При этом предстояло обеспечить переход на российское программное обеспечение, органи-

зовать закупку техники и сохранить кадры. Необходимость оперативного решения всех этих задач воспринималась бизнесом как «профессиональный вызов», обеспечивающий дополнительную мотивацию для преодоления последствий кризиса. Один из респондентов также подчеркнул, что сильный стресс 2022 г. создал стимулы для перехода ИТ-отрасли на новые бизнес-модели.

Во многих отраслях экономики РФ крупные компании закрыли 2022 г. с высокой прибылью не только благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, но и потому, что иностранные компании ушли с российского рынка, освободив ниши для российских производителей на внутреннем рынке. Эта дополнительная прибыль стала возможной еще и благодаря тому, что цены в этот период выросли, в то время как затраты на компании (особенно затраты на рабочую силу) практически не изменились.

Данные оценки перспектив состояния российской экономики позволяют отметить готовность перестроить стратегию работы на рынке в сложнейших условиях внешних вызовов, торговых и финансовых санкций с необходимой поддержкой государства. Данный контекст позволяет с определенной долей осторожности говорить о возможностях роста российской экономики в 2024 г. в пределах 2% ВВП, при этом в периоде 2025–2026 гг. рост ВВП запланирован в диапазоне 2,6–2,8%. В соответствии с прогнозом Минэкономразвития РФ в 2024 г. основным фактором роста экономики будет потребление домохозяйств благодаря росту заработных плат, которые в 2023 г. выросли на 6,2% и в 2024 г. данный показатель вырастет на 2,5%. Также прогнозируется увеличение оборота розничной торговли на 5,8% в 2023 г. и 3,6% в 2024 г.

Результаты исследования Кельнского института немецкой экономики указывают на негативные перспективы немецкой экономики в 2024 г. по результатам анализа экспертных оценок 47 отраслевых бизнес-ассоциаций ФРГ. Негативное развитие мировой экономики в результате геополитических вызовов, ужесточения денежно-кредитной политики, высокой инфляции и низкой экономической активности среди компаний и домохозяйств оказывает влияние на неопределенность бюджетной политики в ФРГ и существенно снижает перспективы 2024 г. 23 ассоциации немецкого бизнеса констатируют возможность дальнейшего спада производства. На фоне общего снижения производственных и деловых ожиданий в общем настрое немецкого бизнеса преобладают уже не ассоциации со стабильными инвестиционными перспективами, а ассоциации с пессимистическими прогнозами развития экономической ситуации.

Руководитель аналитической группы макроэкономики профессор М. Гремлинг из Немецкого экономического института (IW) прогнозирует, что реальный валовой внутренний продукт (ВВП) ФРГ в 2023 г. снизится почти на 0,5 п.п. [5]. Это означает, что общее экономическое производство остается на уровне показателей 2019 г. В сочетании с высокими темпами инфляции во всем мире инвестиционный и потребительский спрос приобретает в ФРГ отрицательную динамику. По его мнению, экономика ФРГ испытывает давление глобальных экономических спадов из-за ее высокой ориентации на глобальный рынок, широты охвата внешнеэкономических связей немецкой промышленности.

В результате замедления мировой экономики экспорт товаров ФРГ с корректировкой цен за первые три кварта-

ла 2023 г. был в общей сложности на 2,2% ниже соответствующего уровня предыдущего года. С другой стороны, рост цен и **инфляция существенно** повлияли на развитие экономики, вначале из-за дефицита сырья и материалов, впоследствии из-за высоких цен на импортные энергоносители, когда производственные и потребительские цены выросли до исторического уровня. В начале 2023 г. цены производителей в Германии были почти на 50% выше уровня начала 2020 г., что сразу же сказалось на рекордной для ФРГ динамике потребительских цен (+8,5%). Подобный рост цен и уровень инфляции привел к **ужесточению денежно-кредитной политики** с резким повышением процентных ставок. Это делает заимствования, связанные с потреблением и инвестициями, более дорогими, что оказывает существенное влияние на снижение общего экономического спроса.

Исследователь Шведского института Европейской политики (г. Стокгольм) Й. Хеттне отмечает, что сфера услуг и обрабатывающая промышленность в странах Европы, на которые вместе приходилось почти 90% экономической добавленной стоимости за последние три года, стоят на месте [4]. После спада, вызванного волнами пандемии и постпандемийной ситуацией, стоимостные последствия ценовых шоков на энергоносители и потери покупательной способности из-за инфляции существенно замедлили деловую активность в секторе **услуг** с 2022 г. Отрасли услуг и обрабатывающей промышленности находятся в стагнации уже три года с момента восстановления после спада, вызванного коронавирусом весной 2020 г., а кризис в экономике ФРГ, вызванный реакцией ЕС на СВО РФ, привел к резкому спаду в энергоемких промышленных секторах.

В октябре 2023 г. иностранные заказы промышленности ФРГ с учетом роста цен были на 20% ниже уровня начала 2022 г. В таких отраслях экономики, как внутреннее энерго- и водоснабжение, горнодобывающая промышленность, в III квартале 2023 г. реальная валовая добавленная стоимость оказалась на 18% ниже уровня I квартала 2022 г. В 2023 г. ввиду высокой стоимости финансирования наблюдается снижение в экономике строительных отраслей на 6,5% (в сравнении с данным показателем 2019 г.) [5].

Надо учитывать, что еще в 2022 г. в немецкой экономике не было положительного настроя и оптимистических оценок, как пишет Гремлинг М. [2], надвигалась опасность дефицита газа, высоких цен на энергоносители и сырье, а также негативные ожидания высокой инфляции для потребителей.

Все это в значительной степени выразилось в негативном настрое и оценках немецкого общества, так, половина респондентов — 46% — считают, что экономическая ситуация в 2024 г. будет хуже, чем в 2023 г., и только 13% респондентов считают, что ситуация в экономике будет лучше.

Таблица 2

«Как Вы думаете, какой будет экономическая ситуация в ФРГ через год?», N = 1310, от 18 лет [1]

Индикатор оценки	В % от опрошенных
Лучше, чем сегодня	13
Примерно так же	38
Хуже, чем сегодня (август 2023)	46

По рискам для экономического развития дефицит квалифицированных рабочих кадров занимает по степени влияния второе место после оценки немецким бизнесом

фактора роста цен на энергоносители. Чтобы поддержать усилия бизнеса, учеников образовательных организаций, родителей и школы конкретными целевыми предложениями, Торгово-промышленные палаты земель (например, Рейнланд-Пфальц) запустили в 2023 г. «План действий для подготовки квалифицированных работников на 2023 год», что включает в себя профессиональные консультации, налаживание связей, проекты для совместной работы школ и субъектов экономики, а также конкретизация требований к органам власти различного уровня для усиления внимания к проблеме дефицита квалифицированных работников.

Таблица 3

«Как Вы оцениваете нынешнее состояние европейской экономики?»
N = 1527, от 18 лет, в % [8]

Индикатор оценки	2019	2020	2021	2022	2023
Очень хорошо	2	1	1	1	2
Довольно хорошо	53	30	47	42	38
Довольно плохо	33	53	38	44	46
Очень плохо	3	9	5	6	6
Я не знаю	9	7	9	7	8

Промышленность ФРГ также негативно оценивает перспективы 2024 г., особенно в таких крупных отраслях, как автомобилестроение, машиностроение, электротехническая промышленность, металлургия и производство бумаги — нынешняя ситуация оценивается как худшая, чем в 2022 г. Индустрия розничной торговли и гостеприимства подает сигналы об ухудшении ситуации с поставщиками услуг. Это касается и транспортно-экспедиторского

и логистического сектора экономики, и всей строительной отрасли.

Что касается внешних рынков и цепочек поставок, то рынок США играет решающую роль для экспортно-ориентированной экономики как ФРГ, так и стран ЕС. В 2023 г. динамика внешнего спроса существенно снизилась на фоне слабого глобального экономического развития. В промышленности ФРГ произошло существенное падение производства на 1,8%. Инфляция в III квартале 2023 г. составила 6,1% (в июле +6,2%), базовая инфляция осталась на уровне 5,5%. Цены на продовольственные товары выросли непропорционально (+9,0%) по сравнению с аналогичным периодом 2022 г. Растущие темпы инфляции означают потерю покупательной способности для домохозяйств. В 2022 г. заработная плата в соответствии с коллективными переговорами, заключенными немецким бизнесом и профсоюзами работников, выросла непропорционально росту инфляции. Заработная плата в рамках коллективных переговоров увеличилась в среднем на 2,7%, в то же время более высокий рост потребительских цен привел к снижению реальной заработной платы на 4,7%.

Высокие цены на энергоносители остаются серьезной проблемой для более чем половины компаний ФРГ, несмотря на смягчение по сравнению с концом прошлого года. 40% компаний заявляют, что намерены сократить свои инвестиции как в 2022, так и в 2023 г., при этом большинство субъектов немецкого бизнеса планируют увеличить свои инвестиции за рубежом.

Низкие темпы роста рынка и сложная деловая ситуация в ФРГ и Европе в настоящее время являются наиболее серьезными препятствиями для инвестиций. Об этом говорят почти

55% компаний. Однако почти для половины из них наиболее важными барьерами для инвестиций являются принимаемые проекты регулирования общего рынка ЕС, некомфортный политический климат, высокие затраты. Например, фактор роста затрат на энергию, сырье, налоги и пошлины, а также на материалы и рабочую силу является одним из наиболее важных препятствий для примерно 40% компаний.

45% компаний ФРГ уже имеют производственные площадки за рубежом. Отвечая на вопрос о планах на ближайшие годы, 27% компаний ответили, что у них есть инвестиционные планы для развития производства в США. В Европе, в частности, Франция, Нидерланды и Польша привлекают инвестиции благодаря благоприятным условиям расположения.

Немецкий совет экономических экспертов ожидает, что валовой внутренний продукт (ВВП) Германии снизится на 0,2% в 2023 г. В основном это связано со снижением внутреннего спроса, во многом из-за резкого снижения государственных расходов на конечное потребление в 2023 г.

Развитие мировой экономики и инфляция определяют экономические условия функционирования бизнеса. Перспективы мировой экономики на 2024 г. остаются неопределенными вследствие ограничительной денежно-кредитной политики и волатильных цен на энергоносители. В мировой торговле товарами можно ожидать лишь слабое восстановление. Это оказывает влияние на производственные перспективы бизнеса, но, прежде всего, на инвестиционные решения компаний и, следовательно, на их инвестиционные планы.

Ожидания ряда промышленных отраслей экономики ФРГ отличаются более оптимистическими ожиданиями, опрос руководителей отраслевых ассоциаций только трех из 47 позволяет выделить оптимизм фармацевтической

промышленности, отрасли точной механики и оптики, автомобильной промышленности. Данный положительный настрой этих отраслей основывается на ожиданиях роста продаж в 2024 г. за рубежом, улучшения условий производства в автомобильной промышленности.

Негативно оценивают экономическую ситуацию, сложившуюся к 2024 г. такие отрасли немецкой экономики, как сфера транспортно-экспедиторских услуг и логистики, а также информационно-технологическая индустрия. Хотя бизнес представляющей последнюю указывает на движущие силы роста в направлении программного обеспечения и рынков, связанных с облачными вычислениями, искусственным интеллектом и блокчейном.

По итогам социологического исследования, проведенного Кельнским институтом экономических исследований в 2023 г., 23 из 47 ассоциаций сообщают о прогнозируемом снижении **производства и спаде деловой активности бизнеса в 2024 г.** Шесть ассоциаций даже предполагают значительное снижение производства в отраслях, которые они представляют. В промышленном секторе к ним в первую очередь относятся сферы экономики, в которых затраты на электроэнергию играют значительную роль: литейное производство, горно-рудная промышленность, химическая промышленность и производство пластмасс и кожевенная промышленность.

Непосредственное влияние на оценку экономической ситуации в ФРГ оказывает влияние партийно-политический фактор, так, сторонники правящей коалиционной группы партии «зеленых» в целом оценивают сложившуюся в экономике ситуацию как «хорошую» и «очень хорошую» — 54% респондентов (см. таблица 4).

Таблица 4

«Как Вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в Германии в целом?» (в августе 2023 г.; по партийным предпочтениям), N = 1310, от 18 лет [10]

	В %, очень хорошо/ хорошо	В %, не очень хорошо/ плохо
Сторонники партии зеленых	54	45
Сторонники СДПГ (Социал-Демократической партии)	41	58
Сторонники СвДП (Свободной Демократической партии)	29	71
Сторонники ХДС (Христианско-демократического Союза)	25	73
Сторонники «Альтернатива для Германии»	5	95
В среднем по выборке	25	73

В рамках опроса «DeutschlandTrend» в августе 2023 г. большинство сторонников партии «Зеленых» охарактеризовали экономическую ситуацию как «хорошую», среди остальных респондентов большинство опрошенных иных партийных предпочтений охарактеризовали экономическую ситуацию как «менее хорошую» или «плохую», среди них респонденты — сторонники партии «Альтернатива для Германии» — 95%. Сторонники ХДС (Христианско-демократического Союза) — 73 и 71% респондентов сторонников «Свободной

Демократической партии» негативно оценивают экономическую ситуацию ФРГ в перспективе на 2024 г.

Таблица 5

**«Вы знакомы с работой политиков? Доволен или не доволен?»
(в январе 2024 г.), N = 1321, от 18 лет [1]**

ФИО, партийная принадлежность	Очень доволен/ доволен	Менее удовлетворен/ не удовлетворен вообще
Борис Писториус (СДПП)	29	71
Анналена Бербок (Зеленые)	65	31
Фридрих Мерц (ХДС)	60	30
Карл Лаутербах (СДПП)	70	27
Роберт Хабек (Зеленые)	68	24
Кристиан Линднер (СвДП)	71	23
Олаф Шольц (СДПП)	79	19
Тина Хруллала (АдГ)	48	14
Марко Бушман (СвДП)	34	12

Как демонстрируют результаты опроса «Deutschland Trend», проведенного в начале января 2024 г., 19% респондентов заявили, что «довольны» или «очень довольны» деятельностью канцлера Олафа Шольца. Таким образом, он оказался на седьмом месте в рейтинге нынешних топ-политиков. Относительно мнений респондентов деятельности министра обороны Бориса Писториуса, 51% опрошенных заявили, что они очень довольны или удовлетворены, в то время как 31% были (очень) довольны министром иностранных дел Анналеной Бербок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение следует отметить преобладание негативных оценок и сложившихся ожиданий среди ведущих отраслей не-

мецкой промышленности. При этом нельзя не отметить, что немецкая экономика в большей степени пострадала от санкций, введенных Европейской комиссией. Ожидания и прогноз экономической ситуации в отраслях немецкой промышленности отрицательны (23 ведущих ассоциации отраслевого бизнеса из 47). В то же время Немецкий совет экономических экспертов констатирует о возможных направлениях экономического роста, таких как инвестиции в новые сквозные технологии, искусственный интеллект, которые могут способствовать устойчивому экономическому росту. Ряд экспертов подчеркивает необходимость диверсификации глобальных производственно-сбытовых цепочек, что также может повысить их устойчивость. Отмечается, что рынки капитала в ЕС фрагментированы и недостаточно развиты, активно прорабатывается вопрос об укреплении институтов рынка капитала и гармонизации институциональных рамок ЕС. В ФРГ корпоративный бизнес сильно зависит от банковских кредитов и остро ощущается нехватка венчурного капитала.

Экономическими властями ФРГ выделяется направление государственного софинансирования крупных проектов, которые должны быть выстроены таким образом, чтобы мобилизовать частные инвестиции.

В результате общих пессимистических производственных и деловых ожиданий бизнес-ассоциаций на 2024 г., оценки инвестиций и занятости в соответствующих отраслях экономики также пессимистичны. В 2024 г. 22 ассоциации немецкого бизнеса ожидают снижения инвестиций, тогда как в 2023 г. таких было 17 ассоциаций. В целом это относится к большинству отраслей немецкой промышленности. Прежде всего, ухудшение инвестиционной базы и потеря ценовой конкурентоспособности в ведущих отраслях промышленности ФРГ оказывает

долгосрочное негативное влияние на склонность к инвестированию (строительный бизнес, металлургическая и химическая промышленность и др.). Потребление природного газа ФРГ в 2022 г. сократилось на 14% по сравнению с показателями потребления за период 2018–2021 гг. благодаря экономии в секторе частных домохозяйств и промышленности. Этому способствовали сравнительно положительные зимние температуры в 2022 и 2023 гг. В энергоемких отраслях экономики наблюдалось снижение производства на 12,8% в 2023 г. по сравнению с 2022 г.

Из-за дефицита трудовых ресурсов в корпоративном секторе экономики сохраняется высокий уровень занятости, несмотря на спад производства. Это подкрепляется имеющимся опытом пандемии коронавируса, когда снижаются возможности бизнеса заместить квалифицированные трудовые ресурсы вследствие низких темпов восстановления экономики. Результаты исследования показывают, что в 2023 и 2024 гг. эффективная заработная плата вырастет на 5,9% и 4,5% соответственно. Ожидается, что рост затрат на рабочую силу, вероятно, приведет к росту потребительских цен, в том числе на услуги.

Эксперты придерживаются мнения, что в настоящее время на ЕС надвигается стагфляция. Конфликт в Украине и введенные в связи с этим санкции против России оказывают влияние на экономическую активность немецкого и европейского бизнеса и в то же время приводят к росту цен на сырье и энергетику. Стагфляция создает порочный круг в экономике. Рост цен снижает спрос, компании снижают темпы производства и, следовательно, вынуждены сокращать рабочие места, в целях снижения расходов на заработную плату сотрудников, в том числе и потому, что последние предъявляют требования в части повышения заработной

платы из-за высокого уровня инфляции и цен. Растет уровень безработицы, а с этим падает и спрос.

В краткосрочной перспективе **снижение покупательской способности из-за инфляции** является основным фактором, снижающим экономическое развитие ФРГ, как, впрочем, и для остальных государств ЕС. К 2021 г. экономический эффект, вызванный снятием ограничений, введенных национальными государствами из-за коронавируса, привел к некоторому росту потребления, но в 2022–2023 гг. данный эффект догоняющего развития сошел на нет.

Библиографический список

1. Beurteilung der wirtschaftlichen Lage Deutschlands 2023 | Statista [дата посещения 21.12.2023].
2. Grömling, Michael Signal für Rezession. Ergebnisse der IW-Verbandsfrage 2022, Köln. IW-Report. № 69. S. 18.
3. Große Hüttmann / Wehling, Das Europalexikon (3rd edition). Verlag J. H. W. Dietz Nachf. Bonn. 2020. P. 7–17.
4. Hettne J. European industrial policy and state aid — a competence mismatch? // European Policy Analysis, Stockholm 2020 www.sieps.se [дата посещения 21.12.2023].
5. IW-Kooperationscluster Makroökonomie und Konjunktur. Hausgemachte Probleme verschärfen kon-junkturrelle Schwäche. / ed. Prof. Dr. Michael Grömling / IW-Konjunkturprognose Köln. IW-Report. Winter 2023. № 65. P. 21.
6. Machnig Mathias, Holtemöller Oliver Ist die aktuelle Industriepolitik zukunftsträchtig? // Pro & Contra Ist die aktuelle Industriepolitik zukunftsträchtig? Mathias Machnig contra Oliver Holtemöller — Wirtschaftliche Freiheit [дата посещения 07.01.2024].
7. Russische wirtschaftliche Anomalie 2022: Ein Blick aus Unternehmensperspektive. Länder-Analysen. www.laender-analysen.de.

8. Umfrage in Deutschland zur Beurteilung der wirtschaftlichen Lage Europas 2023 | Statista.
9. Yakovlev A. Russische wirtschaftliche Anomalie 2022: Ein Blick aus Unternehmensperspektive. Russland analysen. Ausgabe № 435. 27.03.2023.
10. Zufriedenheit mit der Arbeit verschiedener Politiker 2024 | Statista [дата посещения 09.01.2024].
11. Бодрунов С.Д., Глазьев С.Ю. Закономерности формирования основ ноономики как грядущего общественного устройства: знать и действовать. Монография. Санкт-Петербург — Москва. 2023. С. 338.
12. Головнин М.Ю., Ратникова М.А. Мировая финансовая система: новая реальность. Том 11 «Беседы об экономике». ВЭО России. Москва. 2022. С. 98–107.

References

1. Assessment of Germany's economic situation in 2023 | Statista [date posted December 21, 2023].
2. Grömling, Michael Signal for recession. Results of the IW association survey 2022, Cologne. IW report. № 69. P. 18.
3. Große Hüttmann / Wehling, The European Lexicon (3rd edition). Publisher J. H. W. Dietz Nachf. Bonn. 2020. P. 7–17.
4. Hettne J.: European industrial policy and state aid — a competence mismatch? // European Policy Analysis, Stockholm 2020 www.sieps.se [дата посещения 12/21/2023].
5. IW Cooperation Cluster Macroeconomics and Business Cycle. Homemade problems exacerbate economic weakness — IW economic forecast winter 2023, Cologne. IW report. № 65. P. 21.
6. Machnig Mathias, Holtemöller Oliver Is the current industrial policy promising for the future? // Pro & ContraIs the current industrial policy promising for the future? Mathias Machnig versus Oliver Holtemöller — Economic Freedom [дата посещения 07.01.2024].

7. Russian Economic Anomaly 2022: A View from a Business Perspective. Country analyses. www.laender-analyse.de.
8. Survey in Germany to assess the economic situation in Europe in 2023 | Statista.
9. Yakovlev A. Russian economic anomaly 2022: A look from a business perspective. Russia analyses. Assignment № 435. March 27, 2023.
10. Satisfaction with the work of various politicians 2024 | Statista [date published 09.01.2024].
11. Bodrunov S.D., Glazyev S.Yu. Regularities of formation of the foundations of noonomics as a future social order: know and act. Monograph. Saint Petersburg — Moscow. 2023. P. 338.
12. Golovnin M.Yu., Ratnikova M.A. Global financial system: a new reality. Volume 11 «Conversations on Economics». VEO of Russia. Moscow. 2022. Pp. 98–107.

Контактная информация / Contact information

Коми республиканская академия государственной службы и управления

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 11

Komi Republican Academy of Public Administration and Management

11 Kommunisticheskaya St., 167982, Komi Republic, Syktyvkar, Russia

Большаков Сергей Николаевич / Sergey N. Bolshakov

snbolshakov@gmail.com

Ткачев Сергей Алексеевич / Sergey A. Tkachev

stkachev1@yandex.ru

Большакова Юлия Михайловна / Yulia M. Bolshakova

academy.prof.com@mail.ru

Квашнева Алена Егоровна / Alena E. Kvashneva

rektorat@krag.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-193-215

**РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ
МНОГОМЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ
КЛЮЧЕВЫХ ПАРАМЕТРОВ
РЕГИОНА**

**SOLVING TERRITORIAL
DEVELOPMENT
PROBLEMS BASED ON
MULTIDIMENSIONAL
MODELS OF KEY REGIONAL
PARAMETERS**

АКМАРОВ ПЕТР БОРИСОВИЧ

Президент Союза экономистов Удмуртской
Республики, к.э.н., профессор

PETR B. AKMAROV

President of the Union of economists of the
Udmurt Republic, Cand. Sc. Econ., Professor

ОСИПОВ АНАТОЛИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Заведующий кафедрой Удмуртского государственного аграрного университета, д.э.н., профессор

ANATOLY K. OSIPOV

Head of Department, Udmurt State Agrarian University, Doctor of Economics, Professor

КНЯЗЕВА ОЛЬГА ПЕТРОВНА

Доцент Удмуртского государственного аграрного университета, к.э.н.

OLGA P. KNIAZEVA

Associate Professor of the Udmurt State Agrarian University, Cand. Sc. Econ.

АННОТАЦИЯ

В статье показаны основные тенденции социально-экономического развития регионов России. Предложена информационно-аналитическая система описания территории, построенная на многомерной модели с ключевыми параметрами территориального развития. На этой основе разработан алгоритм формирования оптимальных управленческих решений для развития территорий. Предложен комплексный подход изучения потенциала региона, с выделением перспективных направлений для его развития. Показана роль инновационного технологического развития отраслей в социально-экономическом развитии региона в целом.

ABSTRACT

The article shows the main trends in the socio-economic development of the regions of Russia. An information and analytical system for describing the territory is proposed, built on a multidimensional model with key parameters of territorial development. On this basis, an algorithm for forming optimal management decisions for the development of territories is developed. A comprehensive approach to studying the potential of the region is proposed, with the allocation of promising areas for its development. The role of innovative technological development of industries on the socio-economic development of the region as a whole is shown.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социально-экономическое развитие, территориальная дифференциация, уровень жизни, ключевые параметры развития, потенциал территории, информационно-аналитическая система, корреляционный анализ.

KEYWORDS

Socio-economic development, territorial differentiation, standard of living, key development parameters, territorial potential, information and analytical system, correlation analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое развитие регионов России происходит в сложных условиях, где пересекается множество объективных и субъективных факторов, среди которых производственные играют решающую роль [1]. В связи с этим возникают проблемы, требующие научно обоснованных подходов к исследованию региональных особенностей технологического развития и связанных с этими особенностями социально-экономических процессов.

Наиболее актуальными проблемами являются такие, как усиливающаяся неравномерность экономического развития регионов, которая приводит к социальной дифференциации населения по территориям страны. Отдельные показатели неравномерности территориального развития приведены в таблице 1. Так, по объему валового регионального продукта (ВРП) и денежным доходам на душу населения в лидерах Москва и регионы Сибири, где сконцентрированы добывающие производства. В то же время самая высокая рождаемость в депрессивных регионах — в Республиках Тыва, Алтай и Ингушетия, где показатели доходов самые низкие в целом по стране. Корреляционный анализ подтверждает отмеченную закономерность — коэффициент корреляции между ВРП и среднедушевыми доходами превышает 0,8 при том, что наблюдается слабая отрицательная корреляция этих показателей с рождаемостью (коэффициент корреляции $-0,2$).

Внутри самих территорий возникают проблемы городского и сельского расселения в сочетании с демографическими проблемами. Речь идет, прежде всего, о концентрации населения в городских агломерациях и наоборот — депопуляции сельского населения и исчезновении сельских населенных пунктов. Отмеченные проблемы взаимосвязаны между собой и, как правило, являются результатом недостаточно эффективной финансово-экономической политики государства.

Указанные проблемы имеют тенденцию к нарастанию, уровень жизни и привлекательность регионов сильно отличаются, увеличивается межрегиональная миграция, вследствие чего снижается эффективность использования потенциала территориального развития не только в отдельных регионах, но и в целом по стране.

Таблица 1

Дифференциация территориального развития регионов России (2023 г.)

Регион	ВРП на душу населения, руб.	Среднедушевые доходы, руб./мес.	Коэффициент рождаемости
г. Москва	2 182 863	115 843	1,42
Республика Ингушетия	159 604	24 367	1,81
Республика Мордовия	441 297	30 612	1,05
Саратовская область	493 792	32 979	1,10
Тюменская область	3 637 117	68 855	1,72
Республика Алтай	434 628	34 244	2,03
Республика Тыва	320 059	28 920	2,44
Магаданская область	2 338 219	110 218	1,34
Сахалинская область	3 303 417	87 016	1,74
Чукотский автономный округ	2 946 172	138 245	1,68
Ленинградская область	822 794	44 494	0,88

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики

Сегодня основой территориального развития является производственная сфера, от эффективности которой зави-

сит весь многогранный комплекс региона [2]. С другой стороны, существенное влияние на хозяйственную деятельность оказывает социально-демографическая ситуация и естественные природно-экономические условия [3]. Для изучения этого сложного, взаимосвязанного и взаимовлияющего набора факторов необходимо разработать и использовать многомерные динамические модели, встроенные в современные информационные системы. Полученные модели могут применяться для разработки эффективных управленческих решений в задачах территориального развития.

Цель исследования

Выявить закономерности и территориальные особенности развития регионов и построить на этой основе информационно-аналитическую систему с моделью многомерного пространства для решения задач территориального развития.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе с целью изучения и описания особенностей территориального развития регионов России использовался монографический метод. Для выявления тенденций и закономерностей применялись статистические и экономико-математические методы и модели.

Исследование проведено по материалам официальных органов государственной статистики, отчетных документов производственных предприятий (выборочно), опубликованных материалов региональных органов власти. В работе также использованы результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, а также научных учреждений России.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Под территориальным развитием понимается комплексный процесс освоения территории, характеризующийся динамическим взаимодействием всех элементов и факторов производительных сил, который направлен на совершенствование производства товаров и услуг и в конечном итоге — на улучшение условий и уровня жизни населения [4].

Территориальное развитие, с нашей точки зрения, представляет собой сложный процесс взаимосвязанного развития элементов (факторов) естественных и общественных производительных сил, локализованных на определенной территории. Данные элементы (факторы) в процессе хозяйственной деятельности взаимодействуют друг с другом и образуют сложные сочетания и комбинации производительных сил и формируют разнообразные территориальные системы. Формы, характер структуры и механизмы функционирования данных систем определяются системой социально-экономических и политических отношений, сложившихся в обществе на данный момент времени [5].

Анализ динамики социально-экономического развития регионов в постсоветском пространстве позволяет выделить возникновение и накопление следующих проблем территориального развития:

- возрастающая неравномерность регионального экономического развития;
- усиление социальной дифференциации населения как по регионам, так и внутри регионов;
- проблема урбанизации, которая проявляется в виде сверхконцентрации населения в городских агломерациях и депопуляции населения сельских территорий, вплоть до исчезновения сельских населенных пунктов;

— снижение рождаемости и увеличении смертности населения, при отсутствии достаточных стимулов к деторождению в большинстве регионов.

Накопление проблем развития регионов иллюстрирует рисунок 1. Так, с 2011 г. разрыв по величине ВРП на душу населения между регионами увеличился почти в четыре раза, а по денежным доходам населения в три раза. При этом во всех регионах снижается рождаемость, а разрыв между регионами по этому показателю сокращается. С 2011 г. средний коэффициент рождаемости в целом по России сократился с 1,7 до 1,4.

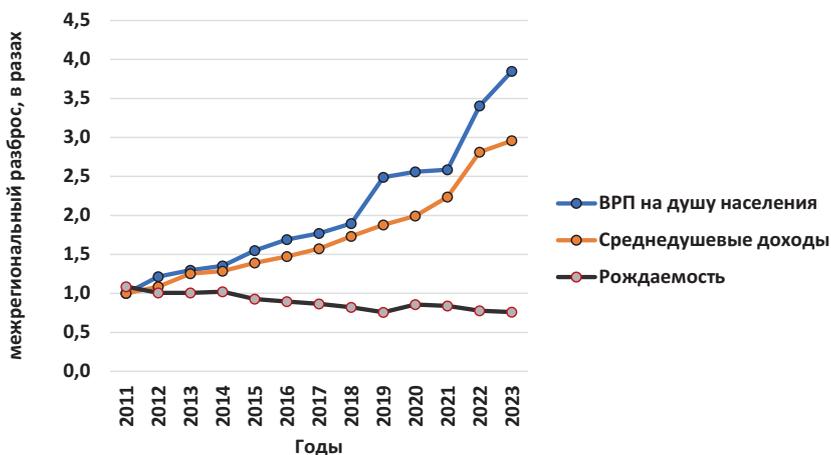

Рис. 1. Изменение межрегионального разрыва в развитии территорий. Составлен авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики

Указанные проблемы отчасти являются результатом воздействия объективных особенностей территории. Ака-

демик Анчишкин А.И., рассматривая общеисторические закономерности развития производительных сил, выделил особенности взаимодействия естественных и общественных производительных сил в аспекте хозяйственного освоения территории [6]. При этом он отметил, что значительную роль в системе естественных производительных сил региона играют природные условия, под которыми следует понимать совокупность природных факторов или свойств географической среды, существенно влияющих на жизнь человека. Если конкретизировать, то это среда обитания человека, в частности: микроклимат, рельеф, благоприятные и неблагоприятные явления природы, уровень загрязнения и другое, к чему должен приспосабливаться человек.

При оценке природных ресурсов и условий существенное значение имеют масштабы и возможности (условия) их освоения, доступность и качество, местоположение, возможности самовосстановления и воспроизводства [7]. Немаловажное значение имеют их сочетания на той или иной территории.

Составными элементами общественных производительных сил являются следующие:

- население, его трудоспособная часть, особенности воспроизводства;
- накопленные средства производства;
- знания и опыт;
- формы организации производства;
- окружающая обстановка, то есть социокультурные факторы развития человека;
- политические и социально-экономические факторы.

Таким образом, решение проблемы территориального развития сопряжено с развитием целого ряда территориальных систем в пространстве и во времени с учетом их динамики и скоординированности (пропорциональности) внутренних и внешних процессов [8].

В формализованном виде территория представляется нами как многомерное пространство, которое в каждой своей точке имеет размерность N . В наиболее важных случаях это означает, что каждая точка обладает окрестностью, гомеоморфной открытому шару N -мерного евклидова пространства. Исходя из данного определения, на территории любой объект или явление можно описать через параметры евклидова пространства: широта (φ), долгота (λ), высота (h). Четвертым измерением будет являться время (T), характеризующее исторический процесс освоения территории. В то же время в многомерном пространстве территории могут выделяться и другие измерения, свойственные отдельным частям территории.

Основными структурными частями, характеризующими многомерность территории, являются:

- геолого-минералогические структуры и физико-географические системы (GFG);
- биологические и экологические системы (BE);
- производственно-технологические системы (комплексы) (PT);
- инновационные и инвестиционные системы (I I);
- инфраструктурные и логистические системы (IL);
- этно-демографические системы (D);
- социально-культурные и духовные системы (S);
- общественно-политические и экономические системы (PE) и другие.

С целью изучения многомерности территориального развития для хозяйственных целей можно предложить следующий алгоритм:

1) осуществить комплексную характеристику каждой из выделенных систем по ключевым параметрам развития (СР) в пределах определенных отрезков (срезов) времени (Т). Отбор ключевых параметров может осуществляться экспертным методом;

2) сформировать информационную аналитическую систему (ИАС) для каждой из представленных систем по изучаемой территории:

$$\text{ИАС} = \{\text{GFG, BE, PT, I I, IL, D, S, PE}\};$$

3) на основании ИАС создать базу данных (В) по каждой системе и по изучаемой территории в целом в виде системы ключевых параметров развития (SCP). В качестве СР могут выступать кадастры недвижимости, месторождений и проявлений полезных ископаемых, водных ресурсов, лесных ресурсов, особо охраняемых природных территорий, животного мира, а также комплекс социально-экономических параметров.

При этом часть параметров остается неизменным на протяжении длительного периода времени (естественные природные ресурсы, географическое расположение, рельеф), другая часть подвержена медленным изменениям (дорожная сеть, социальная инфраструктура, газовые магистрали и др.). Однако большинство ключевых параметров требует регулярного пересмотра, так как они являются результатом активной деятельности человека (доходы граждан, объем производства той или иной продукции, уровень образован-

ности людей, доступ граждан к коммуникационным технологиям и многое другое).

Поэтому база данных в этой информационной системе должна постоянно обновляться. К тому же она должна быть привязана к ИАС других территорий, так как территориальное развитие происходит не изолированно, а во взаимодействии с ключевыми параметрами других территорий [9].

Пример построения матрицы базы данных представлен в таблице 2.

Таблица 2

Матрица базы данных по изучаемой территории

T	GFG	BE	PT	II	IL	D	S	PE
1	g1	b1	p1	i1	l1	d1	s1	p1
2	g2	b2	p2	i2	l2	d2	s2	p2
3	g3	b3	p3	i3	l3	d3	s3	p3
4	g4	b4	p4	i4	l4	d4	s4	p4
5	g5	b5	p5	i5	l5	d5	s5	p5
6	g6	b6	p6	i6	l6	d6	s6	p6
7	g7	b7	p7	i7	l7	d7	s7	p7
8	g8	b8	p8	i8	l8	d8	s8	p8

В таблице приняты следующие условные обозначения:

T — временной параметр (годы);

g, b, p, i, l, d, s, p — ключевые параметры.

Очевидно, что эта большая работа может быть выполнена только с использованием современных информационных технологий, предназначенных для обработки больших данных (Big Data) и с применением элементов искусственного интеллекта [10];

4) исследовать уровень и тесноту связей (R) между системами на текущий момент времени с целью выявления закономерностей их влияния и воздействия на экономические и другие процессы;

5) использовать полученные данные для принятия эффективных управленческих решений (УР) в разных областях хозяйственной деятельности:

$$УР = Асп \rightarrow Пвр (В1, В2, В3, В4) \rightarrow Ов \rightarrow Р,$$

где: Асп — анализ сложившейся ситуации и проблем;

Пвр — подбор вариантов УР;

В1, В2, В3, В4 — варианты УР;

Ов — оценка вариантов УР;

Р — окончательный выбор УР.

Каждая территория выступает как сложная комбинация природных и материальных ресурсов, населения, социальных и других объектов, обладает своей «мощностью» (потенциалом) выделенных систем, причем, каждая территория имеет свой уникальный набор элементов рассматриваемых систем. На основании предложенного выше алгоритма можно количественно рассчитать суммарную мощность (потенциал) территории и возможности его использования в хозяйственной деятельности. Однако потребность в этом возникает только в процессе хозяйственного освоения территории. Именно в процессе хозяйственного освоения территории рассматриваемые факторы вовлекаются в производственные и другие процессы и, таким образом, проявляется их потребительная стоимость и они трансформируются в материальные, финансовые и другие активы [11].

В качестве интегрального показателя эффективности использования потенциала территории можно применять отношение валового регионального продукта к суммарному потенциалу территории:

$$\text{Кип} = \text{ВРП} / \text{Пт}$$

где Кип — коэффициент эффективности использования потенциала территории;

ВРП — валовый региональный продукт;

Пт — суммарный потенциал территории.

В предложенной формуле сложной при расчете коэффициента является оценка суммарного потенциала территории. Общепризнанной методики на этот счет не существует. Для его расчета можно использовать, например, методические подходы, предлагаемые учеными Института экономики Уральского отделения РАН [12].

Для практических целей, например реализации определенных территориальных проектов, можно использовать и другие показатели и алгоритмы их расчетов.

Рассмотрим возможности применения представленного подхода для оценки потенциала и полюсов роста Удмуртии. Эта республика по показателям социально-экономического развития занимает среднее положение — по объему ВРП на душу населения она занимает 38-е место, по среднедушевым доходам — 58-е и по коэффициенту рождаемости — 40-е место среди субъектов страны.

За последние годы в динамике структуры валового регионального продукта произошли некоторые сдвиги, которые представлены в таблице 3. Стабильную положительную динамику развития показали сельское хозяйство, обраба-

тывающие производства, информатика и связь, а также финансовые услуги, в которых размер валовой добавленной стоимости (ВДС) за шесть лет вырос более чем на 10%. Эти направления можно определить как точки роста экономики региона. В то же время, учитывая значительный спад в сфере строительства и общественного питания, можно предположить, что в ближайшие годы эти сферы деятельности не будут оказывать существенного влияния на развитие Республики.

Чтобы оценить потенциал отраслей, формирующих региональные точки роста, необходимо выявить факторы их развития. При этом необходимо учесть особенности конкретного направления деятельности. Например, в сельском хозяйстве, по исследованиям ученых, примерно 12% результативности производственной деятельности зависит от погодных условий [13], а в обрабатывающих производствах значительную роль играют объемы государственных заказов и спрос на продукцию отрасли. Свои особенности имеются и в других сферах, для учета которых мы предлагаем провести статистический анализ, например корреляционный для количественных параметров или дисперсионный для качественных, на основании которых выявить наиболее значимые факторы развития отрасли.

Подобный анализ, проведенный нами по некоторым развивающимся отраслям Удмуртии, позволил выделить группу факторов формирования потенциала отрасли, которые показаны в таблице 4.

Во всех отраслях наиболее значимую роль играют инвестиции, направленные, в первую очередь на технологические инновации. Значительную роль играют также и трудовые ресурсы, но анализ показывает, что регион может полностью себя обеспечить этим видом

Таблица 3

**Индекс физического объема ВРП и ВДС по отраслям экономики
Удмуртии**

Отрасль	Годы						Рост, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
ВРП по Республике	99,6	102,0	100,4	96,0	102,6	101,4	2,0
Сельское хозяйство	104,7	100,8	100,8	106,2	100,3	101,8	14,6
Добыча полезных ископаемых	97,1	98,3	103,6	91,8	104,5	102,4	-2,3
Обрабатывающие производства	100,7	103,7	103,2	92,7	104,4	108,7	13,4
Энергетика	96,6	109,0	100,2	95,1	101,6	94,0	-3,5
Строительство	81,7	109,9	110,0	95,8	95,6	89,7	-17,3
Торговля	96,9	103,9	99,1	94,4	101,3	100,1	-4,3
Общественное питание	96,5	101,7	103,1	74,9	105,6	107,4	-10,8
Информатика и связь	109,7	101,7	99,3	105,7	125,8	100,6	42,8
Финансы	87,3	106,5	94,7	136,4	101,9	91,7	18,5

Источник: составлено авторами на основе данных Удмуртстата

ресурса. Что касается погодных условий и объемов госзаказа, эти факторы можно отнести к труднорегулируемым и не поддающимся управлению. Поэтому основным направлением регионального экономического развития является привлечение инвестиций в перспективные отрасли Республики.

По исследованиям ученых, применение данного подхода к оценке потенциала роста сельского хозяйства Удмуртии позволило выявить резервы роста отрасли почти в три

Таблица 4

Коэффициенты корреляции факторов с объемами ВДС отраслей

Факторы	Отрасли		
	Сельское хозяйство	Обрабатывающие производства	Информатика и связь
Погодные условия	0,23	0,07	0,01
Объем госзаказа и спроса	0,03	0,57	0,31
Трудовые ресурсы	0,36	0,21	0,11
Объем инвестиций	0,54	0,39	0,67

Источник: составлено авторами

раза [14]. Аналогичным образом можно определить и потенциальные возможности других отраслей, суммарная величина которых и будет являться суммарным потенциалом территории Пт.

Инновационное технологическое развитие отраслей является лишь базой для комплексного развития территории. С развитием производительных сил и формированием межотраслевых связей начнет расширяться производственная инфраструктура в виде дорожного строительства, жилищно-коммунального хозяйства, энергоснабжения и др.

Устойчивое развитие производственной сферы территории неизбежно приведет к увеличению спроса на социальную инфраструктуру региона, к развитию сферы образования, здравоохранения и досуга. Таким образом, будет сформирована многовекторная модель территориального развития, которая с помощью инструментов государственного регулирования выведет регион на более высокий уровень, позволит улучшить уровень жизни насе-

ления и делает территорию привлекательной для бизнеса и проживания людей.

Выводы и рекомендации

На основе проведенного исследования можно сделать следующие теоретические выводы:

— территориальное развитие региона происходит под влиянием объективных и субъективных факторов, среди которых существенную роль играют на начальном этапе естественные природные условия, которые определяют специфику производственной деятельности на территории региона. В последующем с определенной закономерностью и последовательностью развиваются смежные отрасли. Далее, в силу благоприятных природных и социально-экономических условий в определенных местах («узлах») территории формируются точки и полюса роста;

— производительные силы выступают как ведущий актор развития территории и представляют собой систему факторов (или элементов) общественного производства (субъективных, объективных, естественных, общественных и др.), в результате сочетания и комбинации которых формируются территориальные образования (системы) разной степени сложности;

— с развитием производительных сил экономическое пространство становится все более емким, оно насыщается все новыми видами деятельности. Как подчеркивал Карл Маркс, каждой известной ступени развития производительной силы всегда требуется и определенное пространство [15]. Формирование цепочек производств повышает эффективность функционирования экономики региона и соот-

ветственно оказывает положительное влияние на уровень жизни населения;

— на степень связности территории большое влияние оказывает развитие отраслей производственной инфраструктуры, в частности транспорт и дорожное строительство, жилищное строительство и энергоснабжение. Одновременно в развитии территорий начинает возрастать роль отраслей сферы обслуживания населения, таких как жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, сфера образования, здравоохранения, науки и культуры. Эти и другие процессы вызывают формирование сложных территориальных (пространственных) систем производительных сил, специфических для каждой конкретной территории. Например, при благоприятных условиях формируются городские агломерации, олицетворяющие на сегодняшний день высший уровень развития территории.

В связи с этим важнейшая задача исследования состоит в том, чтобы из множества комбинаций факторов и элементов производительных сил выбрать наиболее удачные, обеспечивающие в конкретных условиях получение максимального экономического и социального эффекта.

С целью практической реализации указанных положений рекомендуется в каждом регионе страны, в первую очередь в отстающих по уровню социально-экономического развития регионах, разработать долгосрочную комплексную программу, основанную на потенциальных возможностях территории. При этом решение проблемы выравнивания территориального развития необходимо начать с выявления полюсов роста в производственно-технологической системе и усилить государственную поддержку в направлении расширения и роста этих полюсов.

Библиографический список

1. Артемова О.В. Развитие индустриальных регионов в условиях новой реальности: социальные приоритеты и качество жизни населения / О.В. Артемова, А.Н. Савченко // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 243, № 5. — С. 138–154.
2. Неудахина Ю.Г. Основные направления исследования проблем устойчивого развития региона / Ю. Г. Неудахина // Инженерный вестник Дона. — 2011. — № 1(15). — С. 450–453.
3. Минаков А.В. Проблемы сбалансированного социально-экономического развития регионов России / А.В. Минаков // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2024. — № 3–3. — С. 420–427.
4. Месхи Б.Б. Социально-инвестиционная модель регионального управления в российском обществе: концептуальные установки и перспективы социологического изучения / Б.Б. Месхи // Социология. — 2022. — № 3. — С. 208–213.
5. Петрова И.В. Политика стратегического развития Российской Федерации: территориальные аспекты / И.В. Петрова // Вестник Чувашского университета. — 2010. — № 1. — С. 459–464.
6. Анчишкин А.И. Прогнозирование темпов и факторов экономического роста / А.И. Анчишкин. — Москва : ООО «МАКС Пресс», 2003. — 300 с.
7. Юрпалов С.Ю. Конкурентоспособность территориальной системы: сущность и методы оценки / С.Ю. Юрпалов // Интеграция: власть, наука, производство. 2003. № 1. С. 33–37.
8. Арапов С.В. Управление территориями и территориальные ресурсы / С.В. Арапов // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки», том 2, № 14, 2017, С. 618–629.
9. Клепиков М.О. Оценка состояния территорий субъекта РФ и возможности их развития / М.О. Клепиков // Управление строительством. — 2018. — № 3(12). — С. 91–95.

10. Прокопчина С.В. Когнитивные байесовские сети для стратегического планирования и управления развитием территорий / С.В. Прокопчина // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 1, № 8. — С. 53–57.
11. Майкл Е.П. Конкурентная стратегия. Методы анализа отраслей и конкурентов. М.: Наука. 2014. — 143 с.
12. Социально-экономический потенциал региона: проблемы оценки, использования и управления / Е.Д. Игнатьева, О.Н. Нестеренко, К.И. Новосельский [и др.]; отв. ред. А.И. Татаркин. — Екатеринбург: Институт Экономики УрО РАН, 1997. — 379 с.
13. Akmarov P.B. About the Role of Digitalization of Agriculture in Reducing the Impact of Climate on the Technological Development of Crop Production / P.B. Akmarov, I.I. Rysin, O.P. Knyazeva // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Virtual, Online, 10–12 января 2022 года. — Virtual, Online, 2022. — P. 042012.
14. Акмаров П.Б. Социально-экономический эффект инновационного развития регионального сельского хозяйства / П.Б. Акмаров, Е.А. Гайнутдинова, О.П. Князева // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2023. — Т. 242, № 4. — С. 119–137.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 11, с. 342.

References

1. Artemova O.V. Razvitie industrial'nyh regionov v uslovijah novej real'nosti: social'nye prioritety i kachestvo zhizni naselenija / O.V. Artemova, A.N. Savchenko // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. — 2023. — Т. 243, № 5. — С. 138–154.
2. Neudahina, Ju. G. Osnovnye napravlenija issledovanija problem ustojchivogo razvitija regiona / Ju. G. Neudahina // Inzhenernyj vestnik Dona. — 2011. — № 1(15). — С. 450–453.

3. Minakov A.V. Problemy sbalansirovannogo social'no-jekonomicheskogo razvitija regionov Rossii / A.V. Minakov // Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava. — 2024. — № 3–3. — S. 420–427.
4. Meshi B.B. Social'no-investicionnaja model' regional'nogo upravljenja v rossijskom obshhestve: konceptual'nye ustanovki i perspektivy sociologicheskogo izuchenija / B.B. Meshi // Sociologija. — 2022. — № 3. — S. 208–213.
5. Petrova I.V. Politika strategicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii: territorial'nye aspekty / I.V. Petrova // Vestnik Chuvashskogo universiteta. — 2010. — № 1. — S. 459–464.
6. Anchishkin A.I. Prognozirovanie tempov i faktorov jekonomicheskogo rosta / A.I. Anchishkin. — Moskva: OOO «MAKS Press», 2003. — 300 s.
7. Jurpalov S.Ju. Konkurentosposobnost' territorial'noj sistemy: sushhnost' i metody ocenki / S.Ju. Jurpalov // Integracija: vlast', nauka, proizvodstvo. 2003. № 1. S. 33–37.
8. Arapov S.V. Upravlenie territorijami i territorial'nye resursy / S.V. Arapov // Nauchno-prakticheskij jelektronnyj zhurnal «Alleja Nauki», tom 2, № 14, 2017, S. 618–629.
9. Klepikov M.O. Ocenka sostojanija territorij sub#ekta RF i vozmozhnosti ih razvitija / M.O. Klepikov // Upravlenie stroitel'stvom. — 2018. — № 3(12). — S. 91–95.
10. Prokopchina S.V. Kognitivnye bajesovskie seti dlja strategicheskogo planirovanija i upravljenja razvitiem territorij / S.V. Prokopchina // Jekonomika i upravlenie: problemy, reshenija. — 2018. — T. 1, № 8. — S. 53–57.
11. Majkl E.P. Konkurentnaja strategija. Metody analiza otraslej i konkurentov. M.: Nauka. 2014. — 143 s.
12. Social'no-jekonomicheskij potencial regiona : problemy ocenki, ispol'zovanija i upravljenja / E.D. Ignat'eva, O.N. Nesterenko, K.I. Novosel'skij [i dr.] ; otv. red. A.I. Tatarkin. — Ekaterinburg : Institut Jekonomiki UrO RAN, 1997. — 379 s.

13. Akmarov P.B. About the Role of Digitalization of Agriculture in Reducing the Impact of Climate on the Technological Development of Crop Production / P.B. Akmarov, I.I. Rysin, O.P. Knyazeva // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Virtual, Online, 2022. — P. 042012.
14. Akmarov P.B. Social'no-jekonomicheskij jeffekt innovacionnogo razvitija regional'nogo sel'skogo hozjajstva / P.B. Akmarov, E.A. Gajnutdinova, O.P. Knjazeva // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. — 2023. — Т. 242, № 4. — S. 119–137.
15. Marks K., Jengel's F. Soch., t. 25, ch. 11, s. 342.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет»
426069, Россия, ПФО, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Студен-
ческая, 11

Federal state budget education institution for higher education «Udmurt
state agricultural university»

426069, Russia, Volga Federal District, Udmurt Republic, Izhevsk,
Studencheskaya st., 11

Акмаров Петр Борисович / Akmarov Petr Borisovich

Izgsha_ur@mail.ru

Осипов Анатолий Константинович / Osipov Anatoly Konstantinovich

menedzhment.kafedra@mail.ru

Князева Ольга Петровна / Knjazeva Olga Petrovna

knyazevaop@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-216-233

**ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИННОВАЦИОННО-
ОРИЕНТИРОВАННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА В ОВОЩЕВОДСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ ЧЕСНОКА)
PROBLEMS OF ENSURING
INNOVATION-ORIENTED
ECONOMIC GROWTH
IN VEGETABLE GROWING
(USING THE EXAMPLE
OF GARLIC)**

ЖУКОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА

Доцент кафедры экономики и менеджмента
ФГБОУ ВО Вятский ГАТУ, к.э.н.

YULIA S. ZHUKOVA

Associate Professor of the Department of
Economics and Management, Vyatka State
Agrotechnological University, candidate of
economic Sciences

МАРИНИНА АНАСТАСИЯ ЮРЬЕВНА

Старший преподаватель кафедры экономики
и менеджмента ФГБОУ ВО Вятский ГАТУ

ANASTASIA Y. MARININA

Senior lecturer of the Department of
Economics and Management, Vyatka State
Agrotechnological University

АННОТАЦИЯ

Одним из условий поступательного экономического развития России является обеспечение инновационно-ориентированного экономического роста. Проблемы его обеспечения имеются во всех отраслях и сферах деятельности, в том числе в одной из отраслей сельского хозяйства, а именно в овощеводстве. В данной статье рассмотрены проблемы обеспечения инновационно-ориентированного экономического роста на примере выращивания чеснока, рассмотрен пример одной из технологических инноваций, проведено маркетинговое исследование, доказывающее возможность внедрения инновационных продуктов переработки чеснока.

ABSTRACT

One of the conditions for the progressive economic development of Russia is to ensure innovation-oriented economic growth. Problems of its provision exist in all sectors and spheres of activity, including in one of the branches of agriculture, namely vegetable growing.

This article examines the problems of ensuring innovation-oriented economic growth using the example of garlic cultivation, considers an example of one of the technological innovations, and conducts a marketing study proving the possibility of introducing innovative garlic processing products.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационно-ориентированный экономический рост, овощеводство, чеснок, технологические инновации, маркетинговое исследование.

KEYWORDS

Innovation-oriented economic growth, vegetable growing, garlic, technological innovations, marketing research.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из приоритетных задач государства в плане экономического развития является обеспечение инновационно-ориентированного роста, что обозначено в Постановлении Правительства РФ от 20.05.2023 «Об утверждении технологического развития на период до 2030 г.» [1].

Инновационно-ориентированный экономический рост определяется как тип социально-экономического развития, который направлен на технологические инновации, которые в свою очередь предоставляют возможность получения добавленной стоимости для предприятий.

Овощеводство как отрасль сельского хозяйства в последние годы активно развивается, по ряду видов овощей

наблюдается положительная тенденция, тем не менее дальнейшее развитие овощеводства, как и любой другой отрасли сельского хозяйства, должно быть направлено не просто на повышение темпов экономического роста, а на обеспечение именно инновационно-ориентированного роста.

Выращивание чеснока — одна из отраслей овощеводства, которая имеет ряд сложностей в развитии, поскольку имеются проблемы как технологического, так и сбытового характера, в связи с чем обеспечение инновационно-ориентированного роста в этой сфере представляется наиболее интересным на современном этапе.

Также важным вопросом является обеспечение оптимального уровня инвестиционной безопасности в отрасли чесноководства, поскольку развитие данной отрасли требует достаточно больших инвестиционных вложений при одновременном наличии высокого инвестиционного риска [2, 3].

Цель

В качестве цели проведенной работы можно отметить поиск оптимального решения по обеспечению внедрения технологических инноваций в выращивании чеснока на примере Кировской области, где происходит развитие данной отрасли на уровне фермерства. Разработка и внедрение технологических инноваций требует не только поиска технологических решений по созданию нового продукта, но и по обеспечению коммерциализации разработок, то есть эффективного внедрения нового продукта на потребительский рынок.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве основных материалов для исследования использовались данные Кировского комитета статистики, Министерства сельского хозяйства и продовольствия Кировской области, ряд аналитических материалов, полученных в ходе проведенного исследования. Методами исследования выступили информационно-аналитический, статистический и метод наблюдения.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для изучения возможностей обеспечения инновационно-ориентированного роста в такой отрасли, как чесноководство, был проведен анализ данной отрасли как в целом по России, так и на примере отдельного региона, а именно на примере Кировской области.

В Российской Федерации под производство чеснока занята площадь — 93,5 тыс. га. Вся получаемая продукция остается на внутреннем рынке для удовлетворения потребности населения и не идет на экспорт [4].

Около 95% посевных площадей под чесноком — это хозяйства населения, остальная часть приходится на сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Если говорить о валовом сборе промышленного чеснока, без учета хозяйств населения, то в 2022 г. он составил (по данным Росстата) 7,1 тыс. тонн, по сравнению с 2021 г. он вырос на 0,8 тыс. тонн, а по сравнению с 2018 г. на 2,5 тыс. тонн.

В Кировской области, к сожалению, нет отдельных данных статистики по выращиванию чеснока, но, как показали оценочные данные на основе информации, полученной непосредственно от фермеров, в последние годы появи-

лись отдельные производители чеснока, одним из крупнейших и стабильно работающих является чесночная ферма «Чеснок Вятки».

Предприятие выращивает чеснок с 2017 г. на площади 3 га, еще 3 га имеющейся площади находится под паром. Объемы выращиваемого чеснока составляют около 2,5–3 тонн в год. При этом необходимо отметить, что практически весь выращиваемый чеснок — это сорта Кировской селекции.

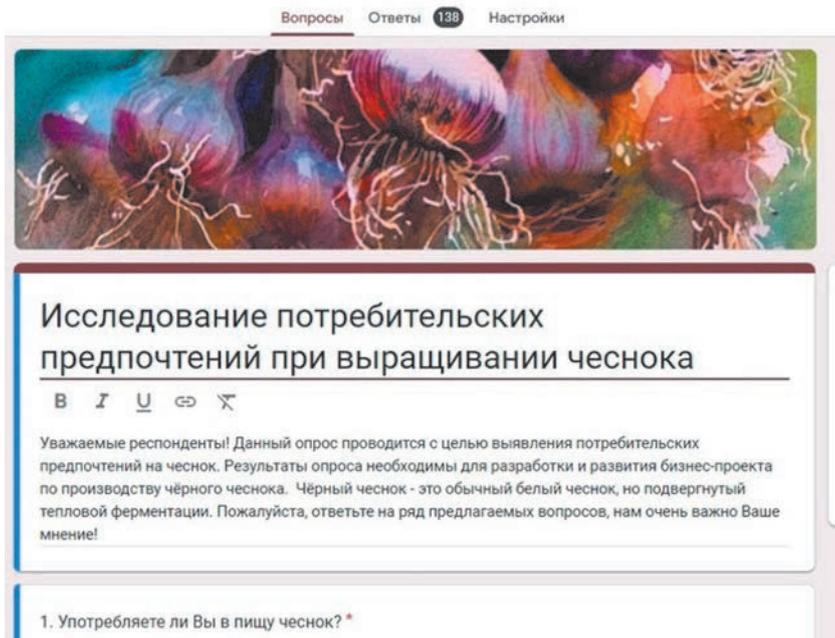
Предприятие в настоящее время активно осваивает такой вид технологической инновации, как производство так называемого черного чеснока, по сути — это продукт переработки чеснока, который имеет высокую добавленную стоимость по сравнению с продажей свежего непереработанного чеснока (разновидность выдержанного чеснока, потемнение которого связано с реакцией Майяра).

Поскольку в перспективе данным предприятием планируется наращивание как площади под чесноком, так и, следовательно, объемов его выращивания, для выявления потенциала технологической инновации «Производство черного чеснока» было проведено маркетинговое исследование среди жителей Кировской области.

Метод исследования — анкетирование потребителей с последующей обработкой результатов [5, 6, 7].

На предварительном этапе была разработана анкета, отвечающая цели исследования, и проведен расчет численности выборки с помощью процентных величин. Определена желательная численность респондентов в количестве 96 чел. (при этом вероятность ошибки принимается $\pm 10\%$, надежность 95%). Вопросы анкеты

были загружены в специальный сервис от Google и предложены потенциальным потребителям для заполнения (рис. 1).

Вопросы Ответы **138** Настройки

Исследование потребительских предпочтений при выращивании чеснока

В I U ↻ ✕

Уважаемые респонденты! Данный опрос проводится с целью выявления потребительских предпочтений на чеснок. Результаты опроса необходимы для разработки и развития бизнес-проекта по производству чёрного чеснока. Чёрный чеснок - это обычный белый чеснок, но подвергнутый тепловой ферментации. Пожалуйста, ответьте на ряд предлагаемых вопросов, нам очень важно Ваше мнение!

1. Употребляете ли Вы в пищу чеснок? *

Рис. 1. Анкетирование с помощью сервиса Google Forms

Таким образом, на этапе сбора исходной информации были получены ответы от 138 потребителей, что означает, что их надежность выше ожидаемой (ввиду большого количества анкет). Основная масса участников опроса (80%) — это лица в возрасте от 26 лет до 50 лет. Среди участников опроса 46% — женщины, 54% — мужчины.

Результаты исследования показали, что 98,6% опрошенных употребляют чеснок в пищу (рис. 2).

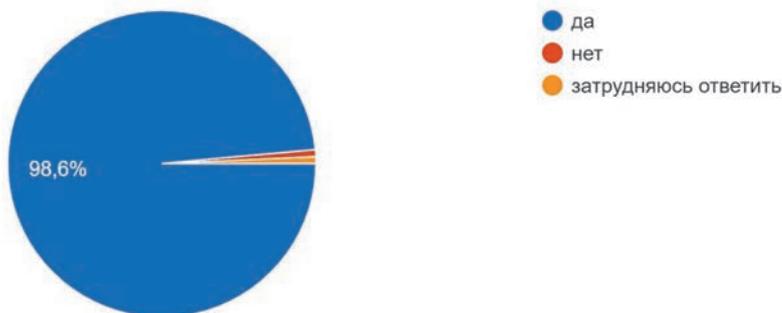

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Употребляете ли Вы в пищу чеснок?»

При анализе мест покупки самым популярным ответом оказался «не покупаю, выращиваю сам» (72,5%), на втором месте находится ответ «продовольственный магазин» (его указали 20,3% опрошенных), у знакомых и других частных лиц чеснок приобретают лишь около 6% респондентов, в фермерских магазинах покупают чеснок только пять человек (3,6%) из числа опрошенных (рис. 3).

Результаты ответов в целом сопоставимы с тем, что практически 90% чеснока, по данным статистики, выращивается в хозяйствах населения, необходимость в покупке в данном случае возникает в тот момент, когда заканчиваются запасы выращенного чеснока. В связи с этим повышается актуальность поиска технологических инноваций в сфере переработки чеснока, что еще раз под-

2. Где Вы чаще всего покупаете чеснок?

138 ответов

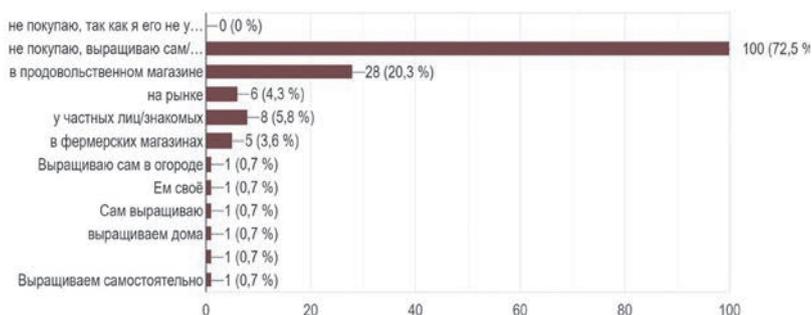

Рис. 3. Места покупки чеснока

черкивает актуальность проводимого маркетингового исследования.

Далее респонденты отвечали на вопрос «Имеет ли для Вас значение, как и где выращен чеснок?». При этом 69,6% опрошенных ответили положительно (рис. 4).

Респондентам предлагалось, если они ответили «да» в предыдущем вопросе, пояснить, на что именно они обращают внимание, что ценят при выборе чеснока. В основном полученные ответы сводились к следующим вариантам: «качество и экологическая чистота чеснока», «репутация производителя», «отечественное производство», «внешний вид, вкус, аромат».

На вопрос «Знали ли Вы о таком продукте, как черный чеснок до сегодняшнего дня?» 67,4% респондентов ответили утвердительно (рис. 5).

На вопрос «Знаете ли о полезных свойствах черного чеснока?» 46,4% респондентов ответили, что не знают, еще 7,2% затруднились ответить (рис. 6).

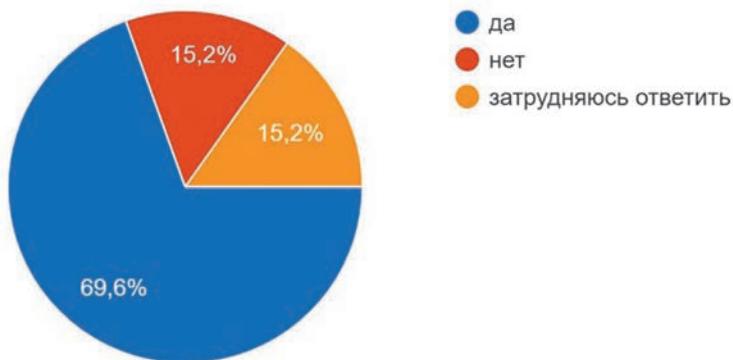

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Имеет ли для Вас значение, как и где выращен чеснок?»

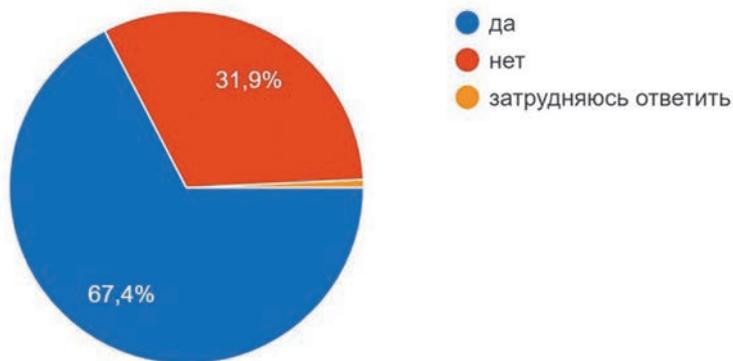

Рис. 5. Распространенность знания о черном чесноке среди респондентов

Один из вопросов в анкете звучал так «Хотели бы Вы узнать (если ответили „нет“ в предыдущем вопросе) о полезных свойствах черного чеснока?». Было выявлено, что большинство участников опроса (66,7%) хотят получить

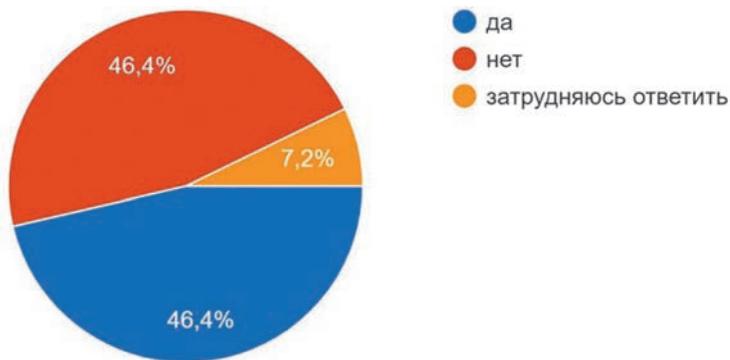

Рис. 6. Степень известности полезных свойств черного чеснока

больше информации о полезных свойствах такого продукта, как черный чеснок (рис. 7).

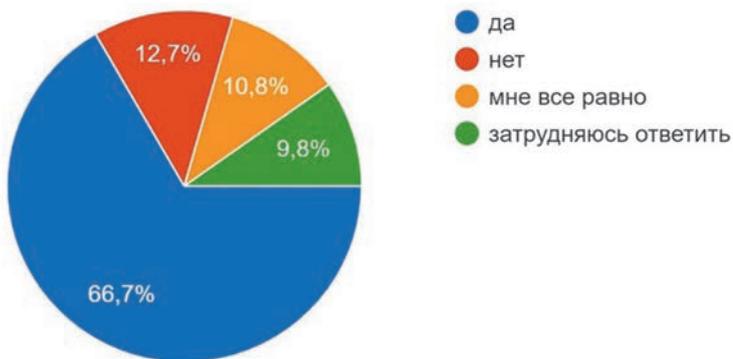

Рис. 7. Мнение потребителей о возможности получения дополнительной информации о полезных свойствах черного чеснока

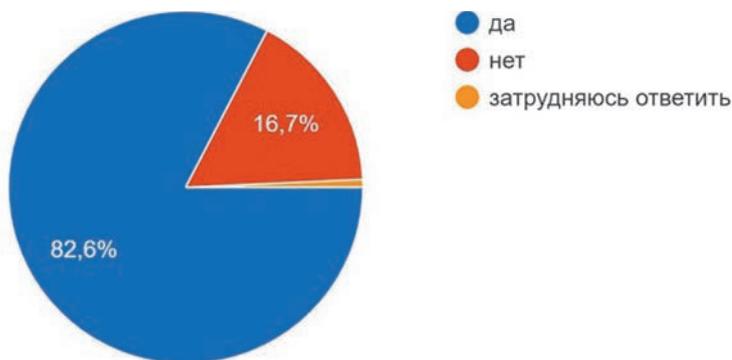

Рис. 8. Известность чесночной фермы среди респондентов

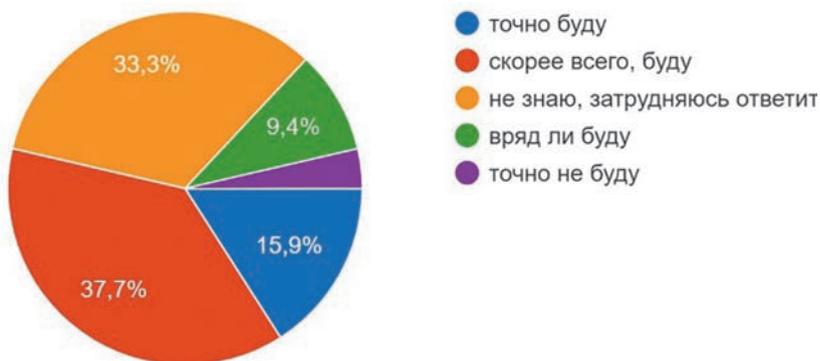

Рис. 9. Готовность приобрести черный чеснок

Почти 83% опрошенных знают о существовании чесночной фермы «Чеснок Вятки» (рис. 8). Но такая высокая информированность может быть недостоверна в масштабах региона, а проблема популяризации черного чеснока требует дополнительного внимания. Высокий процент известности чесночной фермы обусловлен, скорее всего,

распространением соответствующей анкеты в тематических группах и чатах.

Далее нами была оценена готовность потенциальных потребителей приобретать черный чеснок, если они бу-

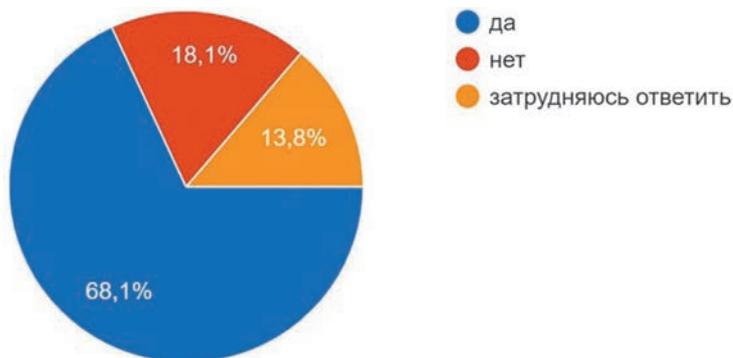

Рис. 10. Готовность посетить с экскурсией чесночную ферму

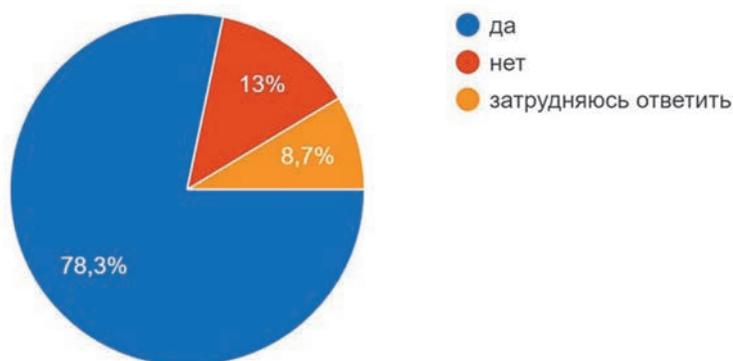

Рис. 11. Готовность посетить дегустации черного чеснока

дуют знать о его вкусе и пользе. Около половины респондентов ответили на вопрос утвердительно (варианты «точно буду» и «скорее всего, буду»), 33,3% затруднились ответить (рис. 9), это означает, что идея производства и сбыта черного чеснока является целесообразной и перспективной.

Также было выяснено, что большинство опрошенных, а именно 68% из числа опрошенных, хотели бы побывать на экскурсии на чесночную ферму (рис. 10). Значит, этому вопросу при разработке концепции функционирования чесночной фермы нужно уделить дополнительное внимание.

Кроме того, было определено, что большая часть лиц, участвующих в анкетировании (78%) хотели бы побывать на дегустациях черного чеснока (рис.11).

Выводы

Проведенное маркетинговое исследование показало, что потенциал сбыта продукции переработки чеснока, а именно черного чеснока как технологической инновации в целом достаточно высокий. Тем не менее необходимо отметить, что анкетирование проводилось в том числе среди участников дегустации черного чеснока во время проведения научно-стратегической сессии «Здоровое питание — здоровая нация», которая проводилась в мае 2024 г. в ФГБОУ ВО Вятский ГАТУ.

Участники мероприятия познакомились с данной продукцией, продегустировали, провели общение с фермером (чесночная ферма «Вятский чеснок»), в результате чего вырос уровень информированности о данной продукции, ее пользе и т.д.

Подобные мероприятия в целом позволяют познакомиться потенциальных потребителей с технологическими инновациями в сельском хозяйстве, тем самым помогают сельскохозяйственным товаропроизводителям обеспечивать продвижение инновационной продукции.

В целом по итогам проведенного исследования необходимо отметить, что проблемы обеспечения инновационно-ориентированного роста в сельском хозяйстве в целом и в овощеводстве, в частности, имеются, но в то же время есть и направления решения данных проблем, которые обеспечиваются не только технологическими возможностями производителей, но и решением вопросов сбытового характера. Имеется обоснованная необходимость в обеспечении оптимальной работы по продвижению технологических инноваций от производителя к потребителю, данные вопросы необходимо решать во взаимосвязи, в том числе и с учебными заведениями сельскохозяйственной направленности, которые могут оказать помощь и поддержку в трансфере инноваций от производителя к потребителю [8, 9, 10].

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 20.05.2023 «Об утверждении технологического развития на период до 2030 г.».
2. Жукова Ю.С., Шиврина Т.Б. Современное состояние и проблемы обеспечения инвестиционной безопасности сельского хозяйства Кировской области // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. т. 230. № 4. С. 363–371.
3. Жукова Ю.С., Шиврина Т.Б. Разработка методического подхода к определению комплексного показателя инвестиционной безопасности сельскохозяйственных предприятий // Научные

- труды Вольного экономического общества России. 2023. т. 243. 5. С. 310–327.
4. Якимова О.В., Лазько В.Э., Благородова Е.Н. Экономическая эффективность производства товарного чеснока на примере одного из хозяйств Краснодарского края // Рисоводство. 2020. № 4. С. 68–73.
 5. Маринина А.Ю. Аграрный маркетинг и его актуальность для российских агропредприятий / А.Ю. Маринина // Развитие отраслей АПК на основе формирования эффективного механизма хозяйствования: материалы Международной научно-практической конференции. — Киров: [б. и.], 2019. — С. 369–371.
 6. Шиврина Т.Б. Маркетинговая стратегия как условие эффективной деятельности современного сельскохозяйственного предприятия / Т.Б. Шиврина // Международный журнал экспериментального образования. — 2016. — № 5-2. — С. 192–193.
 7. Никонова Н.В., Фокина О.В. Методология маркетингового анализа // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2012. № 1 (26). С. 68–71.
 8. Ваганов В.Э., Козлова Л.А. Роль инноваций в развитии АПК в России // Развитие аграрного сектора экономики России в условиях санкций: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Киров, 2016. — С. 17–20.
 9. Ларинина Т.И., Жукова Ю.С. Организационное обеспечение трансфера инноваций в сельском хозяйстве // Вектор экономики. 2020. № 9. с. 14.
 10. Шулятьева Г.М. Инновационный потенциал развития сельских территорий / Г.М. Шулятьева // Инновационная деятельность науки и образования в агропромышленном производстве: материалы Международной научно-практической конференции. — Курск: Курская ГСХА, 2019. — С. 229–234.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 20.05.2023 «Ob utverzhdenii tehnologicheskogo razvitija na period do 2030 g.».
2. Zhukova Ju.S., Shivrina T.B. Sovremennoe sostojanie i problemy obespechenija investicionnoj bezopasnosti sel'skogo hozjajstva Kirovskoj oblasti // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2021. t. 230. № 4. S. 363–371.
3. Zhukova Ju.S., Shivrina T.B. Razrabotka metodicheskogo podhoda k opredeleniju kompleksnogo pokazatelja investicionnoj bezopasnosti sel'skohozjajstvennyh predpriyatij // Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii. 2023. t. 243. 5. S. 310–327.
4. Jakimova O.V., Laz'ko V.Je., Blagorodova E.N. Jekonomicheskaja jeffektivnost' proizvodstva tovarnogo chesnoka na primere odnogo iz hozjajstv Krasnodarskogo kraja // Risovodstvo. 2020. № 4. S.68–73.
5. Marinina A.Ju. Agrarnyj marketing i ego aktual'nost' dlja rossijskih agropredpriyatij / A.Ju. Marinina // Razvitie otraslej APK na osnove formirovanija jeffektivnogo mehanizma hozjajstvovanija: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — Kirov: [b. i.], 2019. — S. 369–371.
6. Shivrina T.B. Marketingovaja strategija kak uslovie jeffektivnoj dejatel'nosti sovremennogo sel'skohozjajstvennogo predpriyatija / T.B. Shivrina // Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija. — 2016. — № 5–2. — S. 192–193.
7. Nikonova N.V., Fokina O.V. Metodologija marketingovogo analiza // Agrarnaja nauka Evro-Severo-Vostoka. 2012. № 1 (26). S. 68–71.
8. Vaganov V.Je., Kozlova L.A. Rol' innovacij v razvitii APK v Rossii // Razvitie agrarnogo sektora jekonomiki Rossii v uslovijah sankcij: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. — Kirov, 2016. — S. 17–20.

9. Larinina T.I., Zhukova Ju.S. Organizacionnoe obespechenie transfera innovacij v sel'skom hozjajstve // Vektor jekonomiki. 2020. № 9. с. 14.
10. Shuljat'eva G.M. Innovacionnyj potencial razvitija sel'skih territorij / G.M. Shuljat'eva // Innovacionnaja dejatel'nost' nauki i obrazovanija v agropromyshlennom proizvodstve: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii. – Kursk: Kurskaja GSHA, 2019. – S. 229–234.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Вятский государственный агротехнологический университет»

610017, Киров, Октябрьский проспект, 133

Vyatka State Agrotechnological University, 133, Oktyabrsky Prospekt, Kirov, 610017, Russia

Жукова Юлия Сергеевна / Yulia S. Zhukova

zhukova0879@yandex.ru

Маринина Анастасия Юрьевна / Anastasia Y. Marinina

asyu.pch@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-234-252

НЕОКЛАССИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

NEOCLASSICAL FACTORS OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

ТИМОФЕЕВА РИММА АЛЕКСЕЕВНА
Профессор Новгородского государственного
университета имени Ярослава Мудрого, д.э.н.

RIMMA A. TIMOFEEVA
Professor of Yaroslav the Wise Novgorod State
University, Doctor of Economics

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является идентификация факторов развития региональной экономики, что осуществлено на примере региональной системы здравоохранения. Выделены две группы факторов – классические факторы-условия и неоклассические факторы-источники. Неоклассические факторы-источники – это лидерство и цифровизация. Информационное поле исследования находилось в Новгородской об-

ласти и было представлено показателями демографии, характеристикой здравоохранения, анализом состояния воздуха и воды, качеством продуктов питания. Поставлена важная научная задача по поиску и разработке инструментария, позволяющего провести достоверную оценку корреляции классических факторов-условий и неоклассических факторов-источников.

ABSTRACT

The purpose of the study is to identify the factors of regional economic development, which is carried out on the example of the regional health care system. Two groups of factors are identified – classical factors-conditions and neoclassical factors-sources. Neoclassical factors-sources are leadership and digitalization. The information field of the research was located in the Novgorod region and was represented by demographic indicators, health care characteristics, analysis of air and water conditions, food quality. An important scientific task was set to search for and develop a toolkit that would allow for a reliable assessment of the correlation between classical factor-conditions and neoclassical factor-sources.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Региональная экономика, лидерство, цифровизация, здравоохранение.

KEYWORDS

Regional economy, leadership, digitalization, health care.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестными являются экономические, социальные, экологические, институциональные, технические и технологические факторы развития региональной экономики, они изучались, изучаются и будут изучаться, то есть данные факторы стали классикой в исследовательских работах. Безусловно, и далее их влияние неоспоримо, но содержание человеческой цивилизации претерпевает радикаль-

ные изменения, обусловленные приходом цифры на смену аналогу, что генерирует необходимость и трансформации в сфере управления организациями. Рассмотрим сложившуюся ситуацию на примере одной из субподсистем системы управления регионом, системы здравоохранения, ибо все с ней контактируют, и ее работа более понятна не только специалистам, но и начинающим ученым.

Система здравоохранения в регионах России включает три субподсистемы — государственную, муниципальную и частную, из них наименьшую долю составляет муниципальная, а частная имеет устойчивую тенденцию расширения. Руководство данной системой осуществляет департамент, комитет или министерство, которые входят в состав администрации (правительства) субъекта Федерации, и, независимо от наименования, указанную структуру курирует один из заместителей губернатора, который также курирует участие учреждения в национальных проектах; в частности, Минздрав Новгородской области задействован в двух проектах — «Здравоохранение» и «Демография». Проекты реализуются и, будем надеяться, что они будут эффективными и рациональными с точки зрения достижения поставленных целей, хотя запланированные показатели не учитывают возможные изменения внутренней и внешней среды, то есть они абсолютно трендовые. Значительную массу, именно массу, а не количество, различного рода регламентов, приказов, правил, требований и т.п. невозможно усвоить одному медицинскому работнику, пациенту эта масса априори пользы не приносит, а приводит к потере времени и непониманию работы системы здравоохранения, так как пациент желает быть относительно здоровым человеком,

не тратящим свою энергию на доказывание медперсоналу прав и обязанностей обеих сотрудничающих сторон. В советской системе здравоохранения эта масса не страдала ожирением, можно предположить, что из-за отсутствия компьютера и связанных с ним технологий. И пятьдесят, и восемьдесят лет назад люди болели, а система здравоохранения трансформировалась в сторону повышения качества и своевременности оказания медицинских услуг населению, что, безусловно, сдерживалось отсутствием техники и технологий, которые используются сегодня. Однако унифицированные показатели, характеризующие систему здравоохранения, выглядели более оптимистично в сравнении с XXI веком. Технически и технологически система здравоохранения развивается, а население не становится более здоровым. Данное противоречие видится весьма актуальным.

Цель исследования заключается в идентификации факторов развития региональных систем здравоохранения, которые мало изучаются или не изучаются вообще, влияют на оказание медицинских услуг медленно, но результат обеспечивают очень значимый, и для достижения поставленной цели будут выполняться задачи по рассмотрению и анализу разнообразных источников информационного поля исследования.

Методы

В работе используются формально-логические и общенаучные методы исследования, включая методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, обобщения и умозаключения. Применялся и экспертный метод, в качестве экспертов выступали магистранты заочной формы обучения по направ-

лению «Государственное и муниципальное управление», работающие в органах власти Новгородской области и иных бюджетных организациях.

В качестве методологической базы использовались научные труды А.Г. Аганбегяна [1, 2], В.А. Медика [2], Г.Э. Улумбековой [2], Бодрунова С.Д. [3], М.Я. Гохберга [4], Стырина Е.М. [5], Дмитриевой Н.Е. [5], Шляхто Е.В. [6], отражающие не только общие аспекты развития регионов, но системы здравоохранения и процессы цифровизации в данных системах.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Системы здравоохранения развиваются по определенным моделям: например, Дудник В.Ю. постулирует немалый перечень классификаций моделей, включая разработку Всемирной организации здравоохранения, обозначающей систему Бевериджа, систему Бисмарка и частное (рыночное) здравоохранение [7], но все модели строятся на использовании факторов развития: Гайфуллин А.Н. сосредотачивается на внутренних и внешних факторах, отдельно выделяя социально-экономический [8]; Чубарова Т.В. концентрирует внимание на социальных детерминантах и финансовом обеспечении [9]; Бизин С.В. отдает предпочтение влиянию фактора кадрового обеспечения [10]; Онищенко К.Н. и Верна В.В. рассматривают кадровую политику как определяющий фактор системы здравоохранения государства в целом [11]; Курносова Е.А. и Кислинских Ю.В. увязывают кадровое обеспечение с медико-демографическими и климато-географическими условиями [12]. Однако все факторы развития региональных систем здравоохранения, изучаемые выше названными учеными, а также другими исследователями, являются классическими или стандартными (если

учитывать, что редкая научная работа не предусматривает в поисковом поле факторы, причины, обстоятельства какого-либо явления, события или процесса).

Рассмотрим состояние региональной системы здравоохранения на примере Новгородской области, и начнем с демографической ситуации, которая характеризуется связностью с системой здравоохранения, ибо в современных реалиях при отсутствии природных катаклизмов, техногенных катастроф и военных действий численность населения зависит от деятельности системы здравоохранения. Численность населения в Новгородской области за 43 года (1967–2010) уменьшилась на 12,84%, а за 12 лет (2022–2010) на 9% (табл. 1), при этом в Пестово, Боровичах и Старой Руссе снижение произошло менее, нежели в Окуловке и Малой Вишере; областной центр традиционно стянул на себя население районов области, чему способствовало строительство химического комбината (в настоящее время — АО «Акрон») и расширение других промышленных предприятий. Расчеты показывают, что Новгородская область с 1967 по 2010 г. теряла в среднем 2167 человек в год, а с 2010 по 2022 г. темпы ускорились и потери составили 4724 человека в год.

Таблица 1

Численность населения (тыс. человек)

Территории	01.01.1967	01.01.2010	01.01.2022
Новгородская область	726,0	632,8	575,9
Великий Новгород	27,2	107,4	224,9
Боровичи	54,5	...	48,3
Малая Вишера	15,4	...	9,9
Окуловка	19,5	...	9,1
Пестово	16,0	...	14,6
Старая Русса	32,0	...	27,0

Подобные значения показателей численности населения коррелируются со значениями показателей рождаемости и смертности (табл. 2); как видно, в послевоенные годы наблюдался естественный прирост, в 60-е годы область по значениям коэффициентов естественного движения населения не уступала некоторым европейским странам, сознательно не представлены пандемийные годы, но 2023 г. свидетельствует о вымирании столицы русской государственности, такую ситуацию Д.С. Львов называл «крест над Россией».

Таблица 2

**Рождаемость, смертность (на 1000 человек населения)
в Новгородской области**

Годы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост
1940	23,2	20,5	2,7
1950	23,1	10,8	12,3
1958	21,0	9,3	11,8
1960	19,2	8,8	10,4
1963	14,1	9,7	4,4
1966	12,5	10,0	2,5
2018	9,7	16,7	-7,0
2023	7,0	16,0	-9,0

В поисках ответа на вопрос «Почему продолжается столь печальная тенденция?» обычно отвечают, что не хотят женщины рожать, а врачи плохо работают, да к тому же больницы «оптимизировали». Не останавливаясь на проблемах, связанных с нежеланием рожать, нельзя не упомянуть о младенческой смертности, по показателю которой Россия входит в пятьдесят стран мира с наименьшими значениями [13], и это неплохая величина — 4,36 смертельных случаев

на 1000 родившихся живыми, что опровергает негативную фразу о врачах. Получается, как в русской пословице, начал за здоровье, а кончил за упокой.

Во-первых, человек состоит в основном из воды, в разном возрасте величина разная, варьируется от 90 до 60%, поэтому состояние воды определяет наличие или отсутствие многих самых распространенных заболеваний. Сохранилась загрязненность реки Волхов соединениями марганца и нитритным азотом, ухудшилось состояние притоков Волхова — рек Большая Вишера, Кереть, Питьба; например, среднегодовые концентрации соединений железа, меди, марганца, составляли: 1,45–2,66 и 63,5–80,0 мг/л, 5–8, 1–8, 2–23 ПДК [14]. Наиболее высокие концентрации органических веществ (128 мг/л), соединений железа (16 ПДК) наблюдали в воде реки Черная; марганца (49 ПДК) — реки Питьба Кереть [14]. Что касается озера Ильмень, где берет исток река Волхов, из которого идет водозабор для Великого Новгорода, то вода на всех вертикалях озера характеризуется как загрязненная, а по отдельным вертикалям концентрации вредных веществ имеют значительное превышение: органических веществ в четыре раза, соединений железа в 3–6 раз, меди в 2–3 раза и марганца в 7–11 раз [14]. Содержание марганца возросло в среднем по году в реках Мста и Перетна до 5–14 раз. Реки Ловать, Полисть, Шелонь, впадающие в озеро Ильмень, также превысили по многим веществам, особенно по кадмию и нитритному азоту, предельно допустимые концентрации по сравнению с предыдущими годами. Конечно, поступающую в краны граждан воду очищают, но в основном физико-химическими методами, да к тому же состояние трубопроводной системы

крайне неблагоприятное для сохранения качества очищенной воды. Жители Скандинавии пьют воду из-под крана, а если кипятят, то ржавчины в чайниках не встретишь. Вода получается не из дешевых, но лучше потратить деньги на чистую воду, чем потом годами страдать морально, физически и материально от приобретенных заболеваний, на лечение которых государство использует немалую часть бюджета. Подобная стратегия приведет к закрытию ряда производств по выпуску фильтров, очищающих систем и т.п., но здоровый человек придумает новый бизнес, а больной будет стремиться только выжить. Происходящая замена трубопроводной системы на пластик противоречит рекомендациям врачей, исследования которых фиксирует наличие пластика в сосудах человека, что приводит к росту инсультов и инфарктов. Получается, что врачи лечат следствие, а причины и их ликвидация зависят не от них.

Во-вторых, воздух, без которого человек может прожить три минуты. Воспользуемся верифицированной методикой КБ «Стрелка» для расчета качества воздуха для любой территории (TAQI), согласно которой Великий Новгород относится к городам с низким уровнем загрязнения, где преобладают формальдегид и диоксид серы [15]. Индекс TAQI учитывает меньшее число загрязняющих веществ, нежели другой индекс, а именно индекс загрязнения атмосферы (ИЗА), в котором, например, учитывается бензопирен. По индексу ИЗА в Новгородской области в 2022 г. не было городов со значением данного индекса более семи, то есть городов с высоким содержанием загрязняющих веществ. В соответствии с Руководством по контролю загрязнения атмосферы (РД 52.04.667-2005) качество

атмосферного воздуха разделено на четыре категории (низкий, повышенный, высокий и очень высокий уровень загрязнения), и Великий Новгород и по этой методике также относится к городам с низким уровнем загрязнения воздуха.

В-третьих, продукты питания. Согласно ГОСТ Р 52196-2011 [16] «Изделия колбасные вареные» колбасе предписаны процентные содержания белка, жира, хлористого натрия, нитрита натрия. В предыдущем ГОСТ 23670-79 [17] четко прописано, сколько должно быть говядины и свинины в 1 кг на 100 кг продукции. И в подобном аспекте были трансформированы практически все нормативные документы по содержанию продуктов питания. Старшее поколение, не утратившее память о советских продуктах, без энтузиазма покупает современные продукты, более молодым и сравнить не с чем.

Таким образом, без улучшения, причем кардинального улучшения характеристик воздуха, воды и продуктов питания, смертность населения не уменьшится. При этом, даже при повышении рождаемости, ситуация останется неблагоприятной, ибо больное население здоровое не производит, поэтому государству придется все больше финансовых средств отправлять в систему здравоохранения: доращивать детей и дотягивать взрослое население до пенсионного возраста. К сожалению, ни одно государство не сможет в кратчайшие сроки (3–5 лет) изменить ситуацию негативного влияния трех указанных факторов на здоровье человека. Возникает, как всегда, вопрос: что делать? Целесообразно обратиться к рассмотрению, изучению и рациональному и эффективному использованию неоклассических факторов развития региональной экономики — лидерству и цифровизации.

В региональных системах здравоохранения лидеров, за редким исключением, нет. Большинство главных врачей больниц и поликлиник — это хорошие врачи или хорошие врачи с умением выстраивать конструктивные взаимоотношения с вышестоящим руководством, то есть они менеджеры, причем не всегда эффективные, ибо руководят объектами по своему разумению, которое нередко противоречит законам и принципам управления. В сфере техники и технологий имеются и главный конструктор, и главный технолог, и генеральный директор. Практика подтвердила, что крайне редко эффективный главный конструктор может быть эффективным директором, эффективный директор эффективным главным технологом, да и директор театра не является ни балетмейстером, ни дирижером. И чем сложнее задачи, чем выше степень неопределенности, тем ярче находит выражение данная несовместимость. Десятилетиями вновь назначенный главный врач занимается изменением организационной структуры, усиливает контроль за работой медперсонала, и, как правило, получает определенные средства для косметического ремонта, что помогает ему сохранить статус-кво вверенного объекта и свой статус в краткосрочном периоде, но развития объект не получает, потому что нет новаций в сфере организационных условий, а именно они порождают и технические, и технологические ошибки. Главный врач не задается вопросом почему, он задается вопросом как, что свидетельствует о необъективности целеполагания, которое есть основа стратегического развития. По прошествии двух-пяти лет назначается новый главный врач, или второй вариант, при условии выполнения основных показателей деятельности объекта или их незначительного отклонения от плана, сохраняется прежний

главный врач. Показатели системы здравоохранения, характеризующие численность врачей и медицинских сестер и их соотношение (табл. 3) как раз и являются свидетельством отсутствия знания о системах управления или неумения их применения.

Таблица 3

Система здравоохранения Новгородской области

Показатели	1914	1941	1946	1961	1967	2010	2021
Число больничных учреждений	45	94	89	110	99	46	32
Число больничных мест	1465	4921	3222	6470	7580	6241	4697
Число учреждений фельдшерско-амбулаторной помощи	30	335	385	598	597	123	137
Численность врачей всех специальностей (человек)	146	404	362	1 49	1236	2612	2531
Численность среднего медицинского персонала	...	2438	2128	5 75	5859	7251	5672
Количество медсестер на одного врача	...	6,0	5,9	4,8	4,7	2,8	2,2

Квалификация среднего медицинского персонала и его численность — это годами, даже десятилетиями нерешаемые проблемы. При этом возникает проблема отсутствия ответ-

ственности за пациента, то есть кардиолог лечит сердце, ортопед — суставы, офтальмолог — глаза, а человека — никто. Получается как в миниатюре знаменитого Аркадия Райкина «Кто сшил костюм? К пуговицам претензий нет. Сидят крепко». Обозначенные две проблемы не относятся к медицине, они являются проблемами менеджмента, и, учитывая исторически сложившуюся моноцентричность власти, прежде всего, лидерства, и никакие экономические, социальные, технические или технологические факторы их не решат.

Цифровизация в здравоохранении развивается более высокими темпами в Москве, остальная Россия в этом мало преуспела. Электронная карта пациента отсутствует в большинстве российских регионов, в лучшем случае можно записаться к врачу на прием, но эту запись приходится подтверждать телефонным звонком, потому что реально формат записи не изменился, хотя в отчетах декларируют внедрение электронной записи. Электронная медицинская карта вбирает в себя всю информацию о пациентах за все годы жизни, включая данные анализов и анамнез. Пациенту назначают МРТ или КТ, или обычную кардиограмму, но динамики нет, если пациент не догадался сохранить результаты ранее сделанных исследований. Электронная медицинская карта не только выполняет роль хранилища информации, но, используя имеющиеся в ней данные и соответствующие программные комплексы, можно прогнозировать состояние пациента через 5–10 лет и осуществлять профилактическое лечение, а не постфактум. Новая техника и новые технологии — это замечательно, но их использование не коррелируется с результатами лечения пациентов, слишком не эффективно и не рационально. К сожалению, увеличение числа инновационной исследовательской аппа-

ратуры приводит к росту числа частных клиник, но не лечению больных. Оцифровка данных не везде осуществлена, какая уж тут цифровизация. В 2020 г. обществу представили экспертный обзор об опыте цифровизации в здравоохранении Эстонии, Сингапура, Дании и других стран мира [18], за прошедшие четыре года ситуация в российских регионах остается на прежнем уровне. Наличие электронной медицинской карты — это первый шаг на пути к персонализированной медицине, использованию искусственного интеллекта.

При этом возникает естественный вопрос о корреляции классических и неоклассических факторов, о критериях оценки лидерства и цифровизации, объективно отражающих их влияние на региональные системы развития, включая и систему здравоохранения; по всей видимости, классификация подобных критериев будет носить как общий, так и частный характер, и отнюдь не для использования в подготовке бюрократических отчетов, а для постановки и реализации правильных управленческих решений, обеспечивающих опережающее развитие региональных систем здравоохранения для целей сбережения народонаселения.

ОБСУЖДЕНИЕ

Исследования выявили малоизучаемые факторы региональных систем здравоохранения, оказывающие значительное влияние на работоспособность данных систем, которые целесообразно идентифицировать как неоклассические по отношению к экономическим, социальным, экологическим, институциональным, техническим и технологическим факторам. Более того, целесообразно продолжить углубление идентификации и обозначить неоклассические факторы как

факторы-источники, а классические факторы как факторы-условия. Проведенная идентификация не результат субъективной когнитивности, а результат:

- соблюдения важнейшего принципа управления, опережающего развития;
- аналитической обработки информационного поля, а не простой фиксации произошедших событий;
- соответствия фактологических и методологических процедур в исследовании;
- определения происходящих трансформаций не только в региональном здравоохранении, но и в обществе в целом;
- использования системного подхода для обеспечения полноты обобщения сгенерированных знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение демографической ситуации в конкретном регионе на большом историческом промежутке в увязке с рассмотрением проблем в региональной системе здравоохранения позволило абстрагироваться от классических факторов-условий и сосредоточиться на идентификации неоклассических факторов-источников — лидерстве и цифровизации, которые в ближайшие три-пять лет не только обеспечат минимизацию рисков, связанных с состоянием окружающей среды и качеством продуктов питания, но и создадут организационные условия для эффективного и рационального использования технических и технологических инноваций в медицине.

Поставлена важная научная задача по поиску и разработке инструментария, позволяющего провести достоверную оценку корреляции классических факторов-условий и неоклассических факторов-источников.

Библиографический список

1. Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. Москва: Дело, 2018. 512 с.
2. Аганбегян А.Г., Медик В.А., Улумбекова Г.Э. Общественное здоровье и здравоохранение с основами медицинской информатики. Национальное руководство. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 1144 с.
3. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Санкт-Петербург: ИНИР имени С.Ю. Витте, 2016. 312 с.
4. Гохберг М.Я. Избранные труды по региональной экономике. Москва: Кнорус, 2018. 360 с.
5. Стырин Е.М., Дмитриева Н.Е. Государственные цифровые платформы. Формирование и развитие. Москва: Издательский Дом ВШЭ, 2021. 189 с.
6. Шляхто Е.В. 60-летие российского кардиологического общества: достижения и перспективы // Российский кардиологический журнал. 2023. Т. 28. № 9. С. 7–12.
7. Дудник В.Ю. Модели развития системы здравоохранения: мировой опыт (обзор литературы) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2016. — № 3–1. — С. 60–64; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8671> (дата обращения: 28.05.2024).
8. Гайфуллин А.Р. Система здравоохранения РФ, элементы и социально-экономические факторы оценки ее экономического развития // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. 2021. Т. 9 № 2. <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45466/view> (дата обращения: 20.05.2024).
9. Чубарова Т.В. Эффективное здравоохранение как условие воспроизводства человеческого потенциала: современные вызовы для социальной политики // Экономическая безопасность. — 2021. — Том 4. — № 3. — С. 607–628.
10. Бизин С.В. Проблематика управления кадровым обеспечением системы здравоохранения региона // Лидерство и менеджмент. — 2023. — Том 10. — № 4. — С. 1419–1438.

11. Онищенко К.Н., Верна В.В., Онищенко С.К. Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения // Экономика устойчивого развития. — 2020. — № 1(41). — С. 135–137.
12. Курносова Е.А., Кислинских Ю.В. Современное состояние и перспективы развития системы здравоохранения в Хабаровском крае // Социальное и экономическое развитие АТР: проблемы, опыт, перспективы: материалы научно-практической конференции (Комсомольск-на-Амуре, 14–30 апреля 2022 г.) / Под ред. Т.Б. Ершовой. Комсомольск-на-Амуре: АмГПГУ, 2022.
13. Уровень младенческой смертности во всем мире // <https://www.infoplease.com/world/health-statistics/infant-mortality-rates-countries> (дата обращения: 20.04.2024).
14. Качество поверхностных вод Российской Федерации / Ежегодник ФГБУ «Гидрохимический институт» — 2023. https://gidrohim.com/sites/default/files/Ежегодник%202022_1.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
15. Рейтинг 170 городов России по качеству воздуха / КБ «Стрелка» / <https://www.strelka-kb.com/about> (дата обращения: 20.04.2024).
16. ГОСТ Р 52196-2011 «Изделия колбасные вареные» // https://rosogosts.ru/file/gost/67/120/gost_r_52196-2011.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
17. ГОСТ 23670-79 «Изделия колбасные вареные мясные» https://rosogosts.ru/file/gost/67/120/gost_23670-2019.pdf (дата обращения: 20.04.2024).
18. Аксенова Е.И., Горбатов С.Ю. Цифровизация здравоохранения: опыт и примеры трансформации в системах здравоохранения в мире. Москва: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2020. — 44 с.

References

1. Aganbegyan A.G. On the priorities of social policy. Moscow: Delo, 2018. 512 с.

2. Aganbegyan A.G., Medik V.A., Ulumbekova G.E. Public health and health care with the basics of medical informatics. National Manual. Moscow: GEOTAR-Media, 2022. 1144 с.
3. Bodrunov S.D. The Coming. New industrial society: reset. St. Petersburg: INIR named after S. Y. Witte, 2016. 312 с.
4. Gokhberg M.Ya. Selected works on regional economics. Moscow: Knorus, 2018. 360 с.
5. Styryn E. M., Dmitrieva N.E. State digital platforms. Formation and development. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2021. 189 с.
6. Shlyakhto E.V. 60th anniversary of the Russian Cardiology Society: achievements and prospects // Russian Cardiology Journal. 2023. T. 28. № 9. С. 7–12.
7. Dudnik V.Yu. Models of health care system development: world experience (literature review) // International Journal of Applied and Fundamental Research. — 2016. — № 3–1. — P. 60–64; URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8671> (date of address: 28.05.2024).
8. Gaifullin A.P. The health care system of the Russian Federation, elements and socio-economic factors for assessing its economic development // RUSSIAN JOURNAL OF MANAGEMENT. 2021. T. 9 № 2. <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/45466/view> (date of address: 20.05.2024).
9. Chubarova T.V. Effective health care as a condition for reproduction of human potential: modern challenges for social policy // Economic Security. — 2021. — Vol. 4. — № 3. — С. 607–628.
10. Bizin S.V. Problematics of management of staffing of the health care system of the region // Leadership and Management. — 2023. — Vol. 10. — № 4. — С. 1419–1438.
11. Onishchenko K.N., Verna V.V., Onishchenko S.K. State personnel policy in the field of health care // Sustainable Development Economics. — 2020. — № 1(41). — С. 135–137.

12. Kurnosova E.A., Kislinskikh Yu.V. Current state and prospects for the development of health care in Khabarovsk Krai // Social and economic development of the Asia-Pacific region: problems, experience, prospects: proceedings of the scientific and practical conference (Komsomolsk-on-Amur, April 14–30, 2022) / Edited by T.B. Ershova. Komsomolsk-on-Amur: AmGPSU, 2022.
13. Infant mortality rate in the whole world // <https://www.infoplease.com/world/health-statistics/infant-mortality-rates-countries> (date of address: 20.04.2024).
14. Quality of surface waters of the Russian Federation / Yearbook of FGBU «Hydrochemical Institute». — 2023. https://gidrohim.com/sites/default/files/Ежегодник%202022_1.pdf (date of reference: 20.04.2024).
15. Rating of 170 Russian cities by air quality / KB «Strelka» / <https://www.strelka-kb.com/about> (date of access: 20.04.2024).
16. GOST R 52196-2011 «Boiled sausage products» // https://rosgosts.ru/file/gost/67/120/gost_r_52196-2011.pdf (access date: 20.04.2024).
17. GOST 23670-79 «Boiled meat sausage products» https://rosgosts.ru/file/gost/67/120/gost_23670-2019.pdf (access date: 20.04.2024).
18. Aksyonova E.I., Gorbatov S.Yu. Digitalization of health care: experience and examples of transformation in health care systems in the world. Moscow: GBU «NIIOZMM DZM», 2020. — 44 с.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41, Великий Новгород, 173003, Россия

Yaroslav the Wise Novgorod State University

41 Bolshaya SanktPeterburgskaya str. Veliky Novgorod, 173003, Russia

Римма Алексеевна Тимофеева / Rimma A. Timofeeva

rim1087@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-253-275

**ОЦЕНКА ЭЛЕМЕНТОВ
НАУЧНОГО
ПОТЕНЦИАЛА СЕТИ
ПОДВЕДОМСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**
**ASSESSMENT OF
ELEMENTS OF
SCIENTIFIC POTENTIAL
OF THE NETWORK
OF SUBORDINATE
INSTITUTIONS OF THE
SOCIAL SPHERE**

УРАСОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА

Ведущий научный сотрудник, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, д.э.н., доцент

ANNA A. URASOVA

Leading Researcher, Director Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Associate Professor

ЖЕМУЛИН СЕРГЕЙ БУДИМИРОВИЧ

Начальник Пермского института ФСИН России, полковник внутренней службы, к.э.н.

SERGEY B. ZHEMULIN

Head of The Perm Institute of the FPS of Russia, Colonel of Internal Service, Candidate of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье обоснована необходимость изучения научного потенциала сети подведомственных учреждений социальной сферы, на примере учреждений образования ФСИН России, на основе оценки отдельных элементов научно-исследовательской деятельности, в частности публикационной активности как фундамента научного потенциала подведомственных образовательных учреждений. Объектом исследования является сеть подведомственных образовательных учреждений ФСИН России. Авторы поставили цель: проведение библиометрического аналитического исследования, направленного на изучение и анализ публикационной активности сети подведомственных образовательных

учреждений ФСИН России. В качестве основных методов исследования были использованы библиометрический подход, агрегирование, аналитическая обработка данных, метод ранжирования и графическая визуализация данных. Авторами разработана и апробирована методика рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений, включающая расчет среднего, сводного и итогового рангов публикационной активности. Предложенная методика является важным и практически значимым инструментом для определения результативности деятельности, уровня научного потенциала, а также для выработки приоритетов и направлений развития научно-исследовательской деятельности в сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России.

ABSTRACT

The article substantiates the need to study the scientific potential of the network of subordinate institutions of the social sphere, using the example of educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, based on the assessment of individual elements of research activities, in particular publication activity as the foundation of the scientific potential of subordinate educational institutions. The object of the study is a network of subordinate educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The authors set a goal: to conduct a bibliometric analytical study aimed at studying and analyzing the publication activity of a network of subordinate educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia. The main research methods used were the bibliometric approach, aggregation, analytical data processing, ranking method and graphical visualization of data. The authors have developed and tested a methodology for rating the publication activity of a network of subordinate educational institutions, including the calculation of the average, summary and final ranks of publication activity. The proposed methodology is an important and practically significant tool for determining the effectiveness of activities, the level of scientific po-

tential, as well as for developing priorities and directions for the development of research activities in the network of subordinate educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Научный потенциал, подведомственные учреждения, образовательные учреждения ФСИН России, библиометрический подход, публикационная активность, наукометрические показатели, рейтинговая оценка.

KEYWORDS

Scientific potential, subordinate institutions, educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, bibliometric approach, publication activity, scientometric indicators, rating assessment.

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН.

Acknowledgements: The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Введение

На пути к обществу знаний, в стремительно трансформирующейся экономике, наука и образование приобретают роль движущей силы научно-технологического и знаниевого прогресса, а внедрение научных достижений и их результативность в удовлетворении потребностей общества становятся основным из индикаторов эффективности научно-образовательной деятельности. Учеными ведется активное обсуждение и исследование такого понятия, как «научный потенциал», которое используется для описания возможностей и качества образовательных учреждений в подготовке кадров высшей квалификации.

Из множества представленных в научной литературе определений «научный потенциал» для цели нашего исследования под научным потенциалом будем понимать «способность научной системы вырабатывать научные и прикладные знания и определять основные направления их применения в производственной и социальной практике» [6].

Ю.С. Попова акцентирует внимание на научной деятельности учреждений науки и образования, указывая, что она выступает «основным элементом научного потенциала страны, в высокой мере обуславливает качество подготовки высококвалифицированных специалистов в системе высшей школы» [13].

Задаваясь вопросом оценки научного потенциала, ученые [4, 10, 12], как правило, в качестве основных параметров оценивания обозначают объем финансирования научных исследований и количество публикаций. И если показатель финансирования носит по большей части экзогенный характер, то количество и качество публикаций — это сугубо эндогенный показатель научно-исследовательской деятельности, составляющий научный потенциал учреждений науки и образования.

COVID-19 и его последствия, а также тотальная цифровизация активизировали процессы цифровой трансформации образовательного процесса и инициировали возникновение новых форм образования и взаимодействия, а геополитическая напряженность и санкционное давление придают проблематике обеспечения личной, общественной и государственной безопасности новую актуализацию в современных стратегических документах и научных исследованиях. Нарастание угроз требует разработки научно-обоснованного

комплекса мер для противодействия глобальной нестабильности и соответствующего обеспечения в первую очередь внутренней безопасности нормального функционирования и развития человека и социума в стране.

Современные условия потребовали реорганизации системы образования, не составили исключения и подведомственные учреждения образования ФСИИИ России, которые играют важную роль в реализации политики обеспечения национальной безопасности в части подготовки высококвалифицированных кадров, владеющих навыками и компетенциями, отвечающими потребностям современной перинтенциарной системы.

Трансформационные процессы в социально-экономической и политической системах общества обуславливают необходимость реализации процессов развития и решения целого комплекса прикладных задач в сфере образования сети подведомственных учреждений ФСИИИ России для выработки адекватного ответа на вызовы современности.

Одним из критериев оценки результативности деятельности и одновременно фундаментом развития является научно-исследовательская деятельность сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИИ России, в частности показатели публикационной активности.

По результатам библиографического анализа было установлено крайне незначительное количество публикаций, посвященных анализу публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИИ России. В связи с чем цель настоящей работы — проведение библиометрического аналитического исследования по изучению и анализу публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений

ФСИН России — представляется актуальной задачей, имеющей высокую практическую и научно-исследовательскую значимость.

Материалы и методы

Исследование проводилось по наукометрическим показателям, характеризующим число публикаций сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России в различных категориях научно-исследовательских источников, за период с 2018 по 2022 г. В качестве методов исследования были использованы библиометрический подход, агрегирование, аналитическая обработка данных, метод ранжирования и графическая визуализация.

Результаты и обсуждение

В научном сообществе ведутся активные дискуссии о необходимости «объективной и справедливой оценки научного вклада» [5] ученых, структурных подразделений, научно-исследовательских и образовательных учреждений для решения проблем управления научной деятельностью.

О.А. Зятева, подчеркивая важность и актуальность оценки публикационной активности различных научно-исследовательских и образовательных учреждений как одного из инструментов управления эффективностью научной деятельности, предлагает использовать авторские имитационные модели для оценки и прогнозирования основных наукометрических показателей научной деятельности вузов в целях повышения эффективности управления деятельностью образовательных организаций в ходе реализации стратегий развития, а также для рейтингования и позиционирования во внешней среде [7].

Другие исследователи [11], также отмечая важность мониторинга эффективности научной деятельности вузов, предлагают использовать показатели публикационной активности и созданную на их основе систему мониторинга для внутривузовской оценки эффективности деятельности в части выполнения показателей.

Ю.Г. Юрченко, поднимая в своем исследовании вопросы адекватности, верифицируемости и объективности показателей оценки научной деятельности, считает, что необходимо не просто отслеживать динамику публикационной активности научного коллектива, но и анализировать ее взаимосвязь с показателями цитируемости [16]. Коллектив авторов [8] в своем исследовании также отмечает «накручивание» публикационной активности и цитируемости сотрудников вузов, что постепенно ведет к ухудшению качества образования и науки в образовательных учреждениях Российской Федерации.

Также можно отметить научные работы, связанные с оценкой публикационной активности сотрудников научных и образовательных организаций подведомственных учреждений [9, 14]. Что касается исследований научной деятельности подведомственных научных и образовательных учреждений ФСИН России, то по данной проблематике публикации практически отсутствуют. Можно отметить работу С.А. Романовой и Ю.В. Трофимова, в которой авторы исследуют проблематику управления публикационной активностью научной или образовательной организации МВД России и также отмечают необходимость регулярного мониторинга наукометрических показателей [14].

Интерес в рамках нашего исследования представила публикация коллектива авторов во главе с О.В. Кудряшовым,

в которой проводится «оценка результативности деятельности научных и образовательных организаций ФСИН России за период с 2015 по 2016 г. на основе индексирования публикаций организаций в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования» [9].

А.А. Федосеев в своем исследовании результативности деятельности научных организаций ФСИН России в качестве основных направлений оценки приводит «общую характеристику научного потенциала, публикационную активность и объекты интеллектуальной собственности» [15].

И.В. Брызгалова сосредотачивает свое внимание на оценке научно-исследовательской деятельности курсантов вузов ФСИН РФ [2].

Анализируя некоторые подходы и методики оценивания результатов научной деятельности учреждений науки и образования коллектив ученых отмечает, что в контексте библиометрического подхода, используемого для оценки публикационной активности в большинстве случаев, предполагается использование метода ранжирования [12].

Однако при анализе публикационной активности с использованием метода ранжирования недопустимо построение простых рейтингов с использованием только одного библиометрического показателя, поскольку ввиду сложности и многогранности последнего велик риск получения недостоверной оценки. Исходя из чего исследователи [1] утверждают о необходимости использования агрегированного рейтинга, основанного на нескольких наукометрических показателях.

Д.В. Валько [3] при разработке методики систематической оценки и построения рейтинга публикационной активности

сосредоточил свое внимание на индивидуальных показателях исследователей, там не менее, принципиально важными видятся обозначенные автором решаемые при помощи оценки наукометрических показателей задачи (рис. 1).

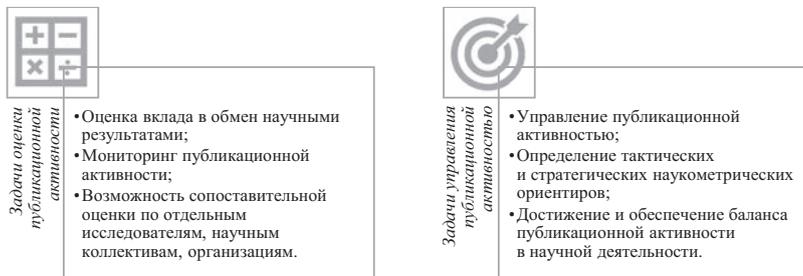

Рис. 1. Задачи, решаемые с использованием наукометрической оценки публикационной активности

Источник: составлено авторами по данным [3]

Исходя из изложенного, мы согласны с С.Г. Юрченко, что «проблема грамотного менеджмента качества научной и публикационной деятельности ученых вошла в число наиболее актуальных вопросов и одновременно вызовов современности в науке и образовании» [16].

Для проведения оценки публикационной активности образовательных учреждений ФСИН России, были использованы данные о количестве публикаций, включенных в РИНЦ, в ядро РИНЦ, в журналах перечня ВАК и в журналах, входящих в международные базы данных Web of Science или Scopus за 2018–2022 гг., а также среднее число публикаций в расчете на одного автора по всем учреждениям образования ФСИН России.

Для проведения исследования предложена авторская методика рейтинговой оценки публикационной активности (табл. 1).

Таблица 1

Методика рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений

Этапы	Содержание
1. Составление пяти выборок показателей для каждого учреждения за исследуемый период	1.1. Количество публикаций, включенных в РИНЦ 2018–2022 гг. (Q_1); 1.2. Количество публикаций в журналах, входящих в перечень ВАК 2018–2022 гг. (Q_2); 1.3. Количество публикаций в журналах, входящих в ядро РИНЦ 2018–2022 гг. (Q_3); 1.4. Количество публикаций в журналах, входящих в Web of Science или Scopus 2018–2022 гг. (Q_4); 1.5. Среднее число публикаций в расчете на одного автора в соотношении за последние пять лет с 2018–2022гг. (Q_5)
2. Ранжирование учреждений по каждому году и показателю	Расчет ранга для каждого учреждения образования по каждому показателю для каждого года по формуле: $\text{Ранг}_j(Q_i^t) = \max_j Q_i$ i – число показателей оценивания, $i \in [1..5]$; j – число периодов исследования, $j \in [1..5]$; t – число обследуемых учреждений, $t \in [1..8]$
3. Вычисление среднего ранга для каждого учреждения по каждому показателю за весь период наблюдений	Расчет среднего значения ранга для каждого учреждения образования по каждому показателю за исследуемый период (5 лет) по формуле: $\text{Ранг}_{\text{ср}}(Q_i^t) = \frac{\sum_{j=1}^5 \text{Ранг}_j(Q_i^t)}{j}$ i – число показателей оценивания, $i \in [1..5]$; j – число периодов исследования, $j \in [1..5]$; t – число обследуемых учреждений, $t \in [1..8]$

Этапы	Содержание
4. Определение сводного ранга для каждого учреждения по каждому показателю за весь период наблюдений	<p>Расчет сводного рейтинга для каждого учреждения образования по каждому показателю за весь период наблюдений по формуле:</p> $\text{Ранг}_{\text{св}}(Q_i^t) = \max_t \text{Ранг}_{\text{ср}}(Q_i^t)$ <p>i – число показателей оценивания, $i \in [1..5]$; t – число обследуемых учреждений, $t \in [1..8]$</p>
5. Вычисление среднего итогового ранга для всех учреждений	<p>Расчет среднего итогового рейтинга по всем показателям за весь период наблюдений для каждого образовательного учреждения по формуле:</p> $\text{Ранг}_{\text{ср.итог}}(Q^t) = \frac{\sum_{i=1}^4 \text{Ранг}_{\text{св}}(Q_i^t)}{i}$ <p>i м число показателей оценивания, $i \in [1..5]$; t – число обследуемых учреждений, $t \in [1..8]$</p>
6. Составление итогового рейтинга публикационной активности	<p>Итоговое ранжирование учреждений по среднему итоговому рейтингу:</p> <p>t – число обследуемых учреждений, $t \in [1..8]$</p>
7. Анализ результатов	<p>Аналитическая обработка полученных результатов ранжирования. Графическая визуализация и интерпретация полученных данных</p>

Источник: разработано авторами

Отметим, что для показателя «Среднее число публикаций в расчете на одного автора» расчеты ограничиваются четвертым этапом методики.

Этапы апробации разработанной методики представлены в таблицах 2 и 3. В таблице 2 представлен пример реализации со 2-го по 4-й этап методики оценивания на примере показателя «Среднее число публикаций в расчете на одного автора».

Таблица 2

Реализация 2 – 4 этапов методики рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России

Наименование организации	2014– 2018	Ранг	2015– 2019	Ранг	2016– 2020	Ранг	2017– 2021	Ранг	2018– 2022	Ранг	Ранг _{ср} (Q ₃)	Ранг _{ср} (Q ₃)
Санкт-Петербургский университет ФСИН (включая Псковский филиал)	н/д		н/д		1,8	8	6,5	8	8,3	8	8,0	8
Академия ФСИН	8,7	5	9,7	6	10,6	7	11,6	7	12,8	7	6,4	7
Владимирский юридический институт ФСИН	7,5	7	9,3	7	10,8	6	12,9	5	12,9	6	6,2	6
Вологодский институт права и экономики ФСИН	8,4	6	10,6	5	12,5	5	14,6	4	15,0	4	4,8	5
Воронежский институт ФСИН	10,2	3	11,1	4	12,7	4	12,3	6	13,3	5	4,4	4
Кузбасский институт ФСИН	13,6	1	15,3	1	16,4	2	17,6	2	18,1	3	1,8	2
Пермский институт ФСИН	10,2	3	13,8	3	14,2	3	16,0	3	18,9	2	2,8	3
Самарский юридический институт ФСИН	12,0	2	13,9	2	16,5	1	18,8	1	20,7	1	1,4	1

Источник: составлено и рассчитано авторами

Анализируя полученные данные рейтинговой оценки публикационной активности по показателю «Среднее число публикаций в расчете на одного автора» можно отметить следующее: за последний пятилетний период с 2018 по 2022 г. лидером является Самарский юридический институт, он же является лидером итогового рейтинга; улучшили свои позиции в рейтинге Пермский институт (–1 позиция), который занимает 2-е место, но в итоговом рейтинге за весь период наблюдений занимает 3-е место, а также Вологодский институт права и экономики (–2 позиции), который на 4-м месте за период 2018–2022 гг. и на 5-м месте итогового рейтинга за весь период наблюдений; понижительная динамика наблюдается у Кузбасского института (+2 позиции от начала исследования) — 3-е место, но в итоговом рейтинге занимает 2-е место, а также у Академии ФСИН России (+2 позиции от начала исследования) — 7-е место и 7-е место в итоговом рейтинге; неоднозначную динамику можно наблюдать у Воронежского института, который занимает 5-е место и 4-е место итогового рейтинга, а также у Владимирского юридического института — 6-е место в обоих рейтингах; последнее место в рейтинге занимает Санкт-Петербургский университет ФСИН (включая Псковский филиал).

В таблице 3 представлена реализация 5-го и 6-го этапов методики рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России.

Анализируя таблицу 3, можно отметить, что рейтинговая оценка количественных показателей публикационной активности показывает несколько иную ситуацию. Так, бесспорным лидером рейтинга по всем исследуемым направлениям является Академия ФСИН России, а аутсайдером является

Таблица 3

Реализация 5 – 6 этапов методики рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России

Наименование организации	Ранг _{св} (Q_1^*)	Ранг _{св} (Q_2^*)	Ранг _{св} (Q_3^*)	Ранг _{св} (Q_4^*)	Ранг _{ср.итог} (Q_1^*)	Ранг _{св.итог} (Q_1^*)
Санкт-Петербургский университет ФСИН (включая Псковский филиал)	8	8	8	8	8,00	8
Академия ФСИН	1	1	1	1	1,00	1
Владимирский юридический институт ФСИН	4	2	6	5	4,25	4
Вологодский институт права и экономики ФСИН	3	3	5	3	3,50	3
Воронежский институт ФСИН	7	7	2	7	5,75	7
Кузбасский институт ФСИН	6	6	4	2	4,50	5
Пермский институт ФСИН	2	5	2	4	3,25	2
Самарский юридический институт ФСИН	4	4	7	6	5,25	6

Источник: рассчитано авторами

Санкт-Петербургский университет ФСИН (включая Псковский филиал).

В качестве примера реализации седьмого этапа предложенной методики графическая визуализация результатов четвертого этапа рейтинговой оценки публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России представлена на рисунке 2, на рисунке 3 представлены результаты шестого этапа методики.

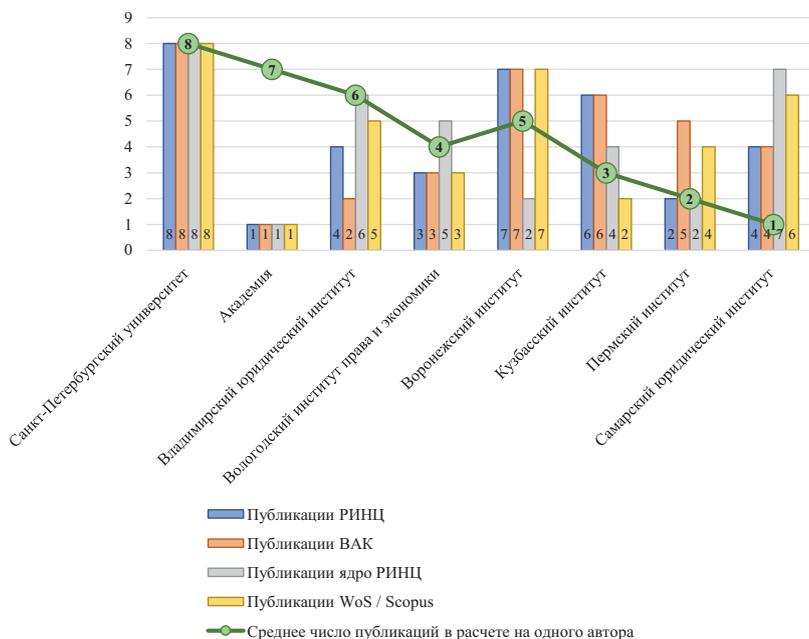

Рис. 2. Рейтинговая оценка публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИН России

Источник: составлено авторами

При сопоставлении полученных результатов рейтинговой оценки подведомственных образовательных учреждений ФСИН России по сводному итоговому рейтингу публикационной активности и среднему числу публикаций в расчете на одного автора по отдельным учреждениям наблюдается некоторое расхождение значений. Так, например, Академия ФСИН России, занимая 1-е место в сводном итоговом рейтинге по среднему числу публикаций в расчете на од-

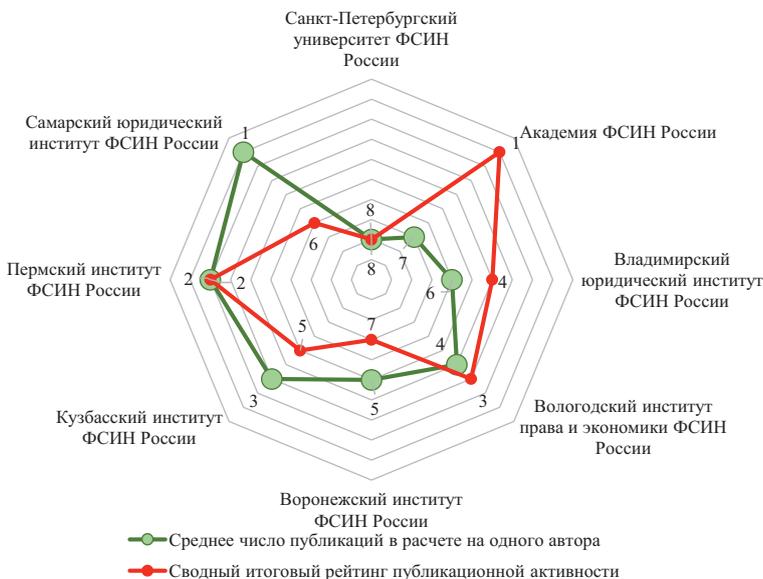

Рис. 3. Сопоставительная рейтинговая оценка сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИ России

Источник: составлено авторами

ного автора находится лишь на 7-е позиции рейтинга. Это означает, что ввиду большой численности профессорско-преподавательского состава Академии она показывает лучшие результаты по публикационной активности среди сети учреждений, одновременно публикационная результативность профессорско-преподавательского состава находится на довольно низком уровне, что может свидетельствовать о его избыточной численности.

Примером сбалансированности публикационной активности является Пермский институт ФСИИ России, занимая 2-е место в обоих сводных рейтингах. Что свидетельствует о пропорциональности публикационной активности образовательного учреждения и численности его профессорско-преподавательского состава.

Заключение

Результируя проведенные научные изыскания, отметим, что выполненное библиометрическое аналитическое исследование по изучению и анализу публикационной активности сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИ России позволило дать объективную оценку развитию научно-исследовательской деятельности и ее результативности в исследуемых учреждениях.

Разработанная и апробированная в статье методика рейтинговой оценки публикационной активности на примере сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИ России является важным инструментом для определения уровня научного потенциала, а также для выработки приоритетов и направлений развития научно-исследовательской деятельности в сети подведомственных образовательных учреждений ФСИИ России.

Библиографический список

1. Алескеров Ф.Т., Катаева Е.С., Писляков В.В., Якуба В.И. Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования // Управление большими системами: сборник трудов. 2013. № 44. С. 172–189.
2. Брызгалова И.В. Научно-исследовательская деятельность курсантов вузов ФСИИ России как средство мотивации учебно-

- познавательной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 2 (47). С. 461–465. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.47.253.
3. Валько Д.В. О методике систематической оценки и формирования рейтинга публикационной активности исследователей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2017. № 3 (23). С. 17–30.
 4. Головецкий Н.Я., Мирошниченко Л.Н., Колесникова С.В. К вопросу о мониторинге эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2015. Т. 7. № 6. DOI: 10.15862/23EVN615.
 5. Гринев А.В. Использование наукометрических показателей при оценке публикационной активности в современной России // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 10. С. 993–1002. DOI 10.31857/S0869-58738910993-1002.
 6. Губарьков С.В., Гарбузова Г.Ф. Методические положения по оценке инновационного и научно-технического потенциала университетского комплекса // Фундаментальные исследования. 2007. № 2. С. 55–58.
 7. Зятева О.А. Имитационное моделирование показателей научной деятельности вузов // Инженерный вестник Дона. 2022. № 5. URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_73_5_Zyateva.pdf_60f0a7129a.pdf (дата обращения: 04.04.2024).
 8. Иванова А.Д., Евграфов А.А., Муругова О.В. Публикационная активность как приоритет в развитии вузов России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 3. С. 88–99.
 9. Кудряшов О.В., Красов Д.А., Моргунов А.В., Яковлева О.Н. Анализ данных мониторинга результативности деятельности ведомственных научных и образовательных организаций ФСИН России // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2017. № 9 (184). С. 18–21.

10. Махманов О.К., Таджиходжаев З.А. Алгоритм определения степени важности показателей научного потенциала высших образовательных и научно-исследовательских учреждений // *Universum: Технические науки: электрон. научн. журн.* 2018. № 10 (55). URL: <http://7universum.com/ru/tech/archive/item/6445> (дата обращения: 04.04.2024).
11. Овчинкин О.В., Пыхтин А.И., Остроцкая С.В., Тимошенко А.А. Система внутреннего мониторинга выполнения показателей эффективности деятельности вуза // *Современные наукоемкие технологии.* 2019. № 4 С. 50–54.
12. Паникарова С.В. Власов М.В., Кузнецов П.Д. Оценка научной результативности университетов: институциональный подход // *Университетское управление: практика и анализ.* 2016. № 5(105). С. 80–89. DOI: 10.15826/umj.2016.105.046.
13. Попова Ю.С. Научный потенциал образовательных организаций как основа повышения их эффективности в современных условиях // *Вопросы региональной экономики.* 2015. № 1 (22). С. 62–70.
14. Романова С.А., Трофимов Ю.В. Управление публикационной активностью сотрудников образовательных и научных организаций МВД России // *Академическая мысль.* 2021. № 2 (15). С. 40–50. DOI: 10.24412/2588-0020-2021-215-40-50.
15. Федосеев А.А. Оценка результативности деятельности научных организаций ФСИН России // *NovaInfo.* 2015. № 30. URL: <https://novainfo.ru/article/3034> (дата обращения: 07.04.2024).
16. Юрченко С.Г. Показатели публикационной активности авторов научного журнала в оценке качества научной работы в современном университете // *Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию.* 2019. № 15. С. 5–15.

References

1. Aleskerov F.T., Kataeva E.S., Pislyakov V.V., Yakuba V.I. Estimation of scientific workers' contribution by the method of threshold aggregation // *Management of Large Systems: Collection of Works*. 2013. No. 44. Pp. 172–189.
2. Bryzgalova I.V. Research and development activities of cadets of higher education institutions of FSIN of Russia as a means of motivation of educational and cognitive activity // *Business. Education. Law*. 2019. No. 2 (47). Pp. 461–465. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.47.253.
3. Valko D.V. On the methodology of systematic evaluation and formation of rating of researchers' publication activity // *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2017. No. 3 (23). Pp. 17–30.
4. Golovetsky N.Y., Miroshnichenko L.N., Kolesnikova S.V. To the issue of monitoring the effectiveness of educational organisations of higher education // *Internet-journal «Naukovedenie»*. 2015. Vol. 7. No. 6. DOI: 10.15862/23EVN615.
5. Grinev A.V. The use of scientometric indicators in assessing publication activity in modern Russia // *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 89, No. 10. Pp. 993–1002. DOI 10.31857/S0869-58738910993-1002.
6. Gubarkov S.V., Garbuzova G.F. Methodological provisions for assessing the innovation and scientific and technical potential of the university complex // *Fundamental Research*. 2007. No. 2. Pp. 55–58.
7. Zyateva O.A. Simulation modelling of indicators of scientific activity of universities // *Engineering Vestnik Dona*. 2022. No. 5. URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_73_5_Zyateva.pdf_60f0a7129a.pdf (date of application: 04.04.2024).
8. Ivanova A.D., Evgrafov A.A., Murugova O.V. Publication activity as a priority in the development of Russian universities // *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences*. 2020. No. 3. Pp. 88–99.

9. Kudryashov O.V., Krasov D.A., Morgunov A.V., Yakovleva O.N. Analysis of the monitoring data on the performance of departmental scientific and educational organisations of the Federal Penal Correctional Service of Russia // *Vedomosti of the penal enforcement system*. 2017. No. 9 (184). Pp. 18–21.
10. Makhmanov O.K., Tadzhikhodjaev Z.A. Algorithm for determining the degree of importance of indicators of scientific potential of higher education and research institutions // *Universum: Technical Sciences: electronic scientific journal* // *Universum: Technical Sciences: electronic scientific journal*. 2018. No. 10 (55). URL: <http://7universum.com/ru/tech/archive/item/6445> (date of application: 04.04.2024).
11. Ovchinkin O.V., Pikhtin A.I., Ostrotskaya S.V., Timoshenko A.A. The system of internal monitoring of the performance indicators of the university // *Modern knowledge-intensive technologies*. 2019. No. 4. Pp. 50–54.
12. Panikarova S.V., Vlasov M.V., Kuznetsov P.D. Assessment of scientific performance of universities: institutional approach // *University management: practice and analysis*. 2016. No. 5(105). Pp. 80–89. DOI: 10.15826/umj.2016.105.046.
13. Popova Y.S. Scientific potential of educational organisations as a basis for increasing their efficiency in modern conditions // *Regional economic issues*. 2015. No. 1 (22). Pp. 62–70.
14. Romanova S.A., Trofimov Y.V. Management of publication activity of employees of educational and scientific organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // *Academic Thought*. 2021. No. 2 (15). Pp. 40–50. DOI: 10.24412/2588-0020-2021-215-40-50.
15. Fedoseev A.A. Assessment of the performance of scientific organisations of the Federal Penal Correctional Service of Russia // *NovaInfo*. 2015. No. 30. URL: <https://novainfo.ru/article/3034> (date of application: 07.04.2024).

16. Yurchenko S.G. Indicators of publication activity of scientific journal authors in assessing the quality of scientific work in a modern university // Bulletin of the Scientific and Methodological Council for Nature Management and Water Use. 2019. No 15. Pp. 5–15.

Контактная информация / Contact information

Пермский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук

614000, Пермь, Ленина ул., 50

Perm Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

50, Lenina Str., Perm, 614000, Russia

Урасова Анна Александровна / Anna A. Urasova

urasova.aa@uiec.ru

Пермский институт ФСИН России

614012, Пермь, Карпинского ул., 125к1

The Perm Institute of the FPS of Russia

125к1, Karpinskogo Str., Perm, 614012, Russia

Жемулин Сергей Будимирович / Sergey B. Zhemulin

ser_ser81@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-276-299

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
РЕГУЛИРОВАНИЯ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**
**INSTITUTIONAL
PREREQUISITES FOR
IMPROVING THE REGULATION
OF SUSTAINABLE
AGRICULTURAL
DEVELOPMENT**

КЛИМЕНТОВА ЭЛЬВИРА АНАТОЛЬЕВНА

Доцент кафедры экономики и коммерции
Мичуринского государственного аграрного
университета, к.э.н., доцент

ELVIRA A. KLIMENTOVA

Associate Professor of the Department of Economics and Commerce of Michurinsk State Agrarian University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

**ДУБОВИЦКИЙ АЛЕКСАНДР
АЛЕКСЕЕВИЧ**

Профессор кафедры экономики и коммерции Мичуринского государственного аграрного университета, д.э.н., доцент

ALEXANDER A. DUBOVITSKY

Professor of the Department of Economics and Commerce of Michurinsk State Agrarian University, Doctor of Economics, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению взаимодействия качества институциональной среды с реализуемой аграрной политикой в России с целью обоснования институциональных предпосылок совершенствования системы регулирования развития сельского хозяйства. В основополагающих правовых документах часто присутствует расплывчатость целей и способов их достижения, общий и декларативный характер которых нарушает преемственность и затрудняет оценку степени их достижения. Устранение отмеченных недостатков и противоречий путем соответствующего наполнения правовой базы недостающими элементами является важной задачей совершенствования институционального регулирования сельского хозяйства.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the interaction of the quality of the institutional environment with the implemented agrarian policy in Russia in order to substantiate the institutional prerequisites for improving the regulation of development of agriculture. The modern

system of sustainable development management in Russia functions within the framework of the current state policy, in the fundamental legal documents of which the vagueness of goals and ways to achieve them is often fixed. The stated goals are often general and declarative in nature and only state commitment to these areas, the continuity of which is quite difficult to trace, as well as to assess the degree of their achievement. In accordance with this, an important task of improving the regulation of sustainable development in agriculture is the institutional improvement of legislative norms by appropriately filling the legal framework for regulating agricultural development with insufficient elements that contribute to stimulating policy measures in accordance with the set goals.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Устойчивое развитие, экономический рост, экологические ограничения, социальные проблемы, механизм регулирования.

KEYWORDS

Sustainable development, economic growth, environmental constraints, social problems, regulatory mechanism.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе экономического развития современное сельское хозяйство достигло существенных результатов как в России, так и во всем мире. Технологические достижения последних лет, сопровождавшиеся ростом обеспеченности средствами производства и уровня механизации производственных процессов, способствовали развитию процессов концентрации и специализации, вовлечению в сельскохозяйственное производство дополнительных земель, росту урожаев и обеспечению стабильности производства. Все это, на фоне увеличения спроса на продукты питания и интереса госу-

дарства к проблемам отрасли, способствовало повышению экономической результативности и эффективности сельскохозяйственного производства, отмечаемому многими авторами.

Современные стратегии развития агрохозяйства в основном сосредоточены на повышении экономической эффективности и укреплении аспектов экономической устойчивости [1]. Поддержание прибыльности и достижение других экономических целей безусловно важно, но оно должно сопровождаться реализацией и других критериев, присущих устойчивому развитию — экологических (например, воспроизводство плодородия почвы, адаптация к местным климатическим условиям) и социальных (рост доходов сельского населения) аспектов устойчивости [1, 4, 11, 12].

При этом с точки зрения реализации именно экологических и социальных критериев успеха развития сельского хозяйства видятся не так однозначно. Сложившиеся тенденции в экономическом развитии отрасли сопровождаются обострением ряда серьезных экологических и социальных проблем, что вызывает обеспокоенность многих исследователей по поводу их устойчивости к потрясениям и стрессам.

Земля, будучи физически ограниченным ресурсом, все больше подвергается давлению со стороны экономического прогресса. Интенсивное использование земельных ресурсов не обеспечивает воспроизводство почвенного плодородия, что ограничивает формирование устойчивого роста сельского хозяйства.

По данным Росреестра в России сельскохозяйственные земли под действием комплекса антропогенных факторов продолжают терять плодородие. До половины площади

пашни отличается низким и очень низким содержанием гумуса, а треть всей пашни подвержена различным проявлениям эрозии [2], что губительно сказывается на способности почвы обеспечивать необходимый рост и развитие культивируемых растений в будущем. При этом определяющее влияние на развитие подобных процессов оказывает сложившаяся система управления земельными ресурсами [3].

Продолжают обостряться и социальные проблемы на селе. Достигнутый рост производства сельскохозяйственной продукции не привел к существенному повышению доходов населения на сельских территориях. Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве составляет лишь чуть больше половины от средних значений по стране. Как отмечается, причиной этого является несправедливая оценка сельскохозяйственного труда [4]. Кроме того, на селе значительно выше и уровень безработицы.

Низкий уровень качества жизни приводит к оттоку населения трудоспособного возраста в городскую местность [5]. Высокая доля фермеров и работающего населения приближается к пенсионному возрасту и сельскохозяйственному сектору придется более интенсивно чем раньше конкурировать с другими секторами и регионами за молодое поколение, выходящее на рынок труда.

В работах по устойчивому развитию подчеркивается, что центральное место в обеспечении устойчивости занимает проблема регулирования. Социально-экологическими системами необходимо управлять и регулировать их для обеспечения гибкости и развития, а не для поддержания стабильности [6]. В контексте данного подхода указывается, что деятельность отдельных фермеров, организаций и предприятий, некоммерческих структур, направленная на повы-

шение устойчивости, должна стимулироваться государством в рамках сформированных и эффективно функционирующих институтов [7].

Сегодня идея о том, что институты являются одним из основных факторов, объясняющих различия в развитии во всем мире, широко принята в академических и политических кругах. Отмечается, что институты позволяют осуществлять адаптивное управление социально-экологическими системами и процессами [7, 8].

Повышение устойчивости развития требует соответствующего институционального обеспечения. Хотя важность этой задачи не вызывает возражений, направления его осуществления имеют значительное количество научных толкований, связанных с преобразованием существующих институтов и систем управления. Данные вопросы становятся предметом разногласий всех заинтересованных лиц, включая широкую общественность и бизнес. В современных условиях требуется сосредоточение внимания на сложившихся и устойчивых недостатках, сдерживающих реализацию принципов равенства экономических, социальных и экологических приоритетов, заложенных в концепции устойчивости. Это обусловило цель данного исследования — обоснование институциональных предпосылок совершенствования государственного регулирования устойчивого развития сельского хозяйства.

Генезис институционального регулирования устойчивого развития сельского хозяйства. Современному аграрному производству отводится центральное место по формированию нового типа мирового развития, предполагающего решение следующих задач: наиболее полное удовлетворение растущего спроса на продовольствие, лик-

видация бедности и обеспечение социальной справедливости. Основой решения этих задач является экономический рост сельскохозяйственного производства. Это вызывает парадоксальную практическую ситуацию, когда осуществление экологических приоритетов требует прекращения или замедления экономического развития аграрного сектора, которое, в свою очередь, не способствует решению социальных вопросов.

При этом отмечается, что нынешняя модель развития разрушает окружающую среду и, следовательно, не является устойчивой [9]. Необходима ее трансформация в направлении смещения акцентов в сторону социальных и экологических приоритетов, требующего переосмысления понимания места человека в окружающей среде и возможности обеспечения его достойного и безопасного существования.

По нашему мнению, устойчивое развитие представляет собой процесс сбалансированного социально-экономического развития, основанный на рациональном использовании природных ресурсов с сохранением природно-ресурсного потенциала биосферы. По отношению к земле устойчивое развитие определяется как обязательность ее воспроизводства при недопущении возникновения отрицательного баланса элементов питания и гумуса, а также минимизации ее загрязнения, закисления и заболачивания. По отношению к трудовым ресурсам — обеспечение занятости и нормальных условий жизнедеятельности на селе. Сельскохозяйственный труд должен быть привлекательным для работника при условии соответственного материального и морального вознаграждения.

Обеспечить такое динамическое взаимодействие, связующее экономические, социальные и экологические приоритеты, возможно на основе организации разнообразных

и многоуровневых институтов, постоянно совершенствующихся вместе с изменениями самого сельского хозяйства и внешней среды его функционирования, часто происходящими в связи с кризисными явлениями, что, в свою очередь открывает новые возможности для перемен в управлении территориями и отраслями.

Институциональное обеспечение устойчивого развития поднимает вопросы легитимности управления, подотчетности и соответствия заявленным целям и взятым на себя обязательствам. Институты и системы управления должны одновременно справляться с изменениями и обеспечивать стабильность социально-экологических систем [10]. Улучшение институциональной среды повышает уровень экологического регулирования, актуализируя соблюдение нормативных требований, в результате чего положительные социально-экологические эффекты растут и доминируют над потенциально негативными последствиями, связанными с экономическим развитием и новыми технологиями [10].

Исследованиями доказано, что уровень институциональной среды является одной из фундаментальных проблем, определяющих низкие характеристики человеческого капитала [11], различия в уровне жизни [4], несовершенство земельных отношений и землепользования [12]. Именно институциональные ограничения часто выступают причиной неэффективности процессов, направленных на осуществление устойчивого развития сельского хозяйства.

Основу системы регулирования устойчивого развития в России составляют положения Конституции. В статье 7 Конституции РФ установлено, что одной из задач государственной политики является создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

Статьей 37 определено право на труд и обязательность его оплаты, и, как следствие, защиту от безработицы, то есть институционально закрепляется необходимость осуществления занятости населения в государстве. В статье 9 земля признается основой жизнедеятельности народа. Это накладывает определенные ограничения на хозяйствующие субъекты, связанные с социальным обеспечением (уровня доходов и социальных взносов, в том числе в сельском хозяйстве) и рациональным использованием земель, а на органы власти — обязанность регулирования и контроля над указанной деятельностью.

Данные положения были закреплены с точки зрения долгосрочной перспективы в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, разработанной в соответствии с международными обязательствами (рис. 1).

В дальнейшем экологические приоритеты получили развитие в Экологической доктрине РФ, принятой в 2002 г., где была определена стратегическая цель, направленная на сохранение природных систем для устойчивого развития общества, которую можно рассматривать как наличие доступа к природным ресурсам при условии их рационального использования и возникновения минимальных отрицательных экстерналий их состояния в будущем.

Принятие в 2008 г. Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ придало новый импульс повестке дня разработкой цели, приоритетов, основных задач и целевых индикаторов долгосрочной государственной политики, направленной на динамичное развитие экономики к 2020 г. и обеспечение соответствующего уровня жизни. Развитие государства рассматривается на основе единства и значимости экономического,

Рис. 1. Генезис институционального регулирования устойчивого развития сельского хозяйства

экологического и социальных аспектов. Причем на отдельных этапах каждый из этих аспектов будет иметь приоритетное значение при наличии остальных, для комплексного развития в том числе аграрного производства.

Понимание на государственном уровне важности обеспечения продовольственных потребностей населения послужило основой разработки Доктрины продовольственной безопасности РФ, принятой в 2010 г., направленной на устойчивое развитие отечественного производства продовольствия и сырья, которое может быть обеспечено в том числе на основе повышения почвенного плодородия, вовлечения неиспользуемых земель и развития мелиоративных систем. Данное требование в современных условиях является особенно актуальным и значимым для России в условиях исключительных санкций западных стран, и как следствие, значительного ограничения импорта поставляемых как основных, так и оборотных средств для сельского хозяйства, что требует соответствующих действий от государства по отношению к регулированию отрасли.

Принятие в 2010 г. Концепции устойчивого развития сельских территорий РФ стало отражением внимания политиков на запросы общественности не только к повышению уровня оплаты труда, но и общему развитию инфраструктуры и обеспечения качественных необходимых условий жизнеобеспечения на селе.

В концепции отражены как социально-экономические, так и экологические приоритеты в отношении аграрной сферы с выделением трех главных направлений: повышение эффективности сельского хозяйства и уровня жизни сельского населения, а также обеспечение рационального использования природных ресурсов.

В Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г. было акцентировано внимание на решении именно социальных целей по стабилизации численности населения, повышению уровня занятости, росту заработной платы, увеличению обеспеченности жильем и медицинской помощью. Как видно из этого перечня, экологический фактор постепенно уходит на второй план, он указан лишь в перечне принципов государственной политики, что свидетельствует об определенной противоречивости основополагающих тезисов стратегии.

В 2018 г. были определены, а в 2020 г. скорректированы национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 г., предусматривающие в большей степени устранение социальных проблем.

Второй составляющей Концепции устойчивого развития стала Стратегия развития агропромышленного комплекса (АПК) Российской Федерации на период до 2030 г., в которой подчеркивается, что развитие АПК обеспечивается на сельских территориях, что обуславливает важность обеспечения их социально-экономического развития. В ней сформулированы цели, задачи, мероприятия и показатели государственной политики в сферах АПК. К сожалению, из восьми заявленных целей только одна связана с вопросами использования земельных ресурсов, да и то косвенным образом — эффективное вовлечение в оборот сельскохозяйственных земель. Остальные цели предусматривают достижение экономических интересов (пять из них) и социальных (две цели).

Институциональная среда регулирования устойчивого развития сельского хозяйства. Сильные формулировки не оставляют сомнений в том, что устойчивое развитие прочно вошло в политическую повестку дня. В то же время определен-

ная декларативность целей, не сопровождающихся предложением конкретных направлений и мер по их реализации делает возможной ситуацию необязательности выполнения заявленных целей. Отсутствует и механизм ответственности за несоблюдение заложенных в этих документах принципов устойчивости. А отсутствие оценочных параметров не позволяет оценить степень достижения поставленных целей.

Структурная схема сформированного институционального обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства представлена на рисунке 2.

Рассматривая недостатки сформированной системы регулирования устойчивости следует более подробно остановиться на некоторых из них. Так, в Концепции устойчивого развития сельских территорий соблюдена преемственность экономических, социальных и экологических приоритетов, указанных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития и Доктрине продовольственной безопасности. Однако среди направлений ее реализации отсутствуют задачи, связанные с обеспечением рационального использования и воспроизводства плодородия земель. Хотя в общих положениях указано, что целью разработки Концепции стало: «...решение экономических, социальных и экологических задач...» [13]. Все производство материальных благ в сельском хозяйстве построено на использовании земельных ресурсов — природных по своему происхождению и свойствам. Результативность производства на них критически зависит от уровня почвенного плодородия. Поэтому постановка целей по устойчивому росту сельской экономики без решения задач по воспроизводству почвенного плодородия представляется односторонним решением, скорее всего, трудновыполнимым в какой-либо обозримой долгосрочной перспективе.

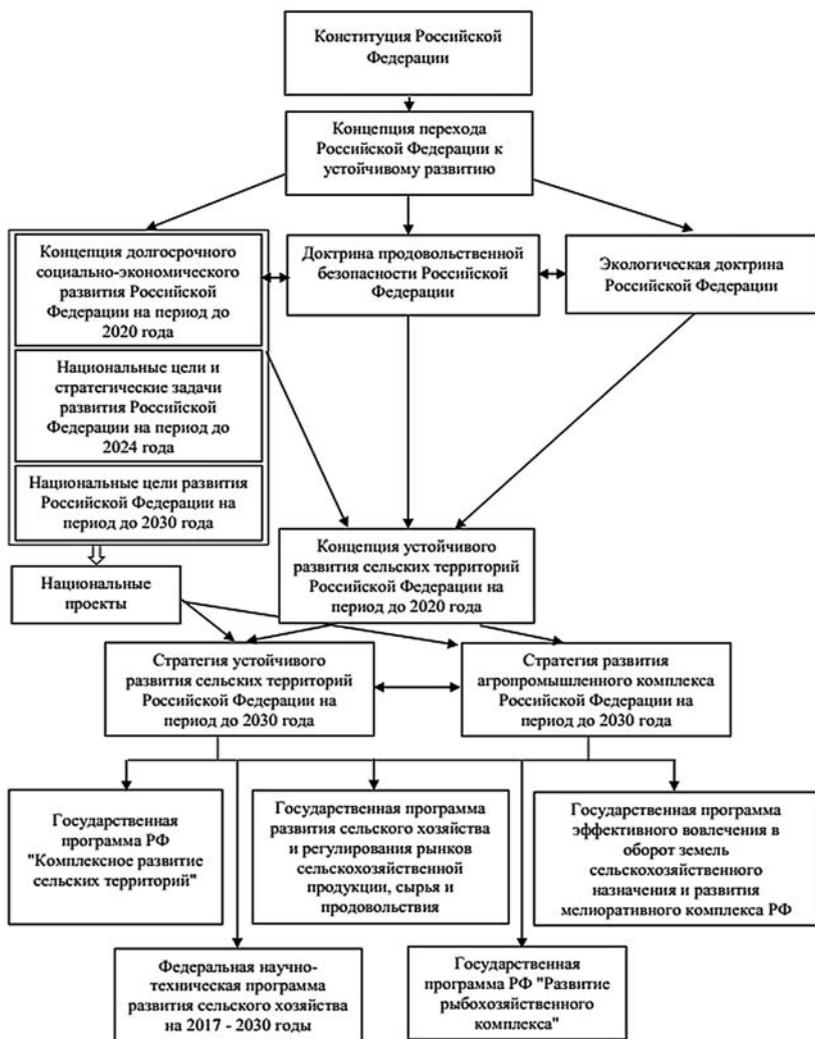

Рис. 2. Структурная схема институционального регулирования устойчивого развития сельского хозяйства

Налицо противоречие заявленных в Концепции целей и механизма их реализации, хотя даже в самом понятии «устойчивое развитие сельских территорий» рассматривается с учетом рационального использования земель [13]. Является недопустимым наличие неточностей в основных правовых документах по целям и способам их достижения, что не только вызывает существенные разногласия политиков, ученых исследователей, но и затрудняет практическую деятельность сельскохозяйственных организаций в области осуществления устойчивого развития.

Отмеченное противоречие усугубляется в Стратегии устойчивого развития сельских территорий, ориентированной прежде всего на реализацию экономических целей Концепции (повышение эффективности сельского хозяйства) и социальных (улучшение условий жизни на сельских территориях) [14]. Экологическая составляющая устойчивого развития здесь игнорируется не только с точки зрения рационального использования природных ресурсов, но и с точки зрения обеспечения благоприятных условий жизни сельского населения.

В Стратегии развития АПК с экологическими приоритетами, и только косвенным образом, связана лишь одна из целей: «Эффективное вовлечение в оборот земель сельскохозяйственного назначения» [15]. Достижение указанной цели в Стратегии предусматривается посредством увеличения площади используемых земель, что актуально для многих регионов. Здесь все логично, однако далее указывается, что это одна из государственных задач, направленная на «...сохранение, восстановление и повышение плодородия земель ...» [15]. Довольно противоречивое утверждение, состоящее в том, что увеличение площади используемых земель ведет к сохранению и повышению их плодородия.

Скорее, наоборот. Многими научными исследованиями доказано, что сельскохозяйственная деятельность ведет к истощению плодородия и развитию процессов деградации: эрозии, уплотнению, потере биоразнообразия и т.д.

При этом остаются открытыми вопросы: что такое рациональное использование земель, какой уровень можно считать рациональным, какие модели являются рациональными и до какого уровня необходимо восстановление и повышение плодородия земель? И самый главный вопрос — как это сделать? Для этого в Стратегии предлагается совершенствование правового механизма, а также реализация мероприятий Государственной программы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения РФ.

Одна из трех целей Госпрограммы: «Цель 3 — сохранение в сельскохозяйственном обороте и повышение качественных характеристик сельскохозяйственных угодий за счет проведения мелиоративных мероприятий...» [16]. Однако стоит отметить, что только агролесомелиоративные мероприятия не способны решить весь спектр проблем, накопившихся в аграрном землепользовании. Они могут способствовать защите от ветровой эрозии опустынивания, но повышению содержания гумуса, улучшению других важных параметров они не способны помочь должным образом. Кроме того, целевой показатель в 217,9 тыс. га в масштабах страны представляется явно недостаточным даже для решения отдельно взятой проблемы. Это лишь 1,5% площади подверженных ветровой эрозии почв в РФ, которые по данным Росреестра составляют около 14,3 млн га (12,3% площади пашни). Таким образом, в настоящее время государственная поддержка агробизнеса не увязана с параметрами использования и воспроизводства плодородия

земель. Это позволяет констатировать, что институциональные условия функционирования сельского хозяйства не позволяют повысить заинтересованность в рациональном использовании земель.

При этом размытость целей, заявленных в Стратегии, усиливается несоответствием установленных приоритетов и индикаторов их достижения. Одним из основных приоритетов указано «восстановление и повышение плодородия земель сельскохозяйственного назначения...» [15]. При этом предусмотренные направления господдержки по нему сведены к поддержке развития землеустройства и мелиорации, а индикаторы достижения указанного приоритета вообще отсутствуют.

Приоритетные задачи совершенствования регулирования развития сельского хозяйства. В современных условиях развитие любого государства предполагает наиболее полное вовлечение ресурсов в производство материальных благ, что является определяющим для сельского хозяйства. Устойчивое развитие сельского хозяйства является очень сложным процессом, в отличие от других отраслей народного хозяйства, что обусловлено наличием естественно развивающихся факторов производства. Это как земельные ресурсы, так и сельскохозяйственные растения и животные, использование которых обеспечивает необходимые объемы производства продукции требуемого количества и качества. И нельзя забывать об основном сдерживающем факторе в развитии сельскохозяйственного производства — природно-климатических условиях, которые учитываются при его размещении и выборе направлений деятельности товаропроизводителей на селе. Но даже всесторонний учет природно-климатических

условий не позволяет агробизнесу самостоятельно устранить негативные их последствия, которые даже при оптимальном использовании факторов интенсификации не могут не только обеспечить устойчивое развитие сельских территорий в перспективе, но и осуществление текущей экономической деятельности.

Важным направлением совершенствования регулирования устойчивого развития сельского хозяйства на наш взгляд является обеспечение целесообразных институциональных преобразований и организация рационального политического управления на национальном, региональном и местном уровнях. Требуется внесение большей ясности и преемственности в систему институционального обеспечения, а также формирование механизма заинтересованности и ответственности субъектов агробизнеса в решении социальных и экологических проблем. К наиболее приоритетным задачам, которые в первую очередь должны быть решены, можно отнести необходимость:

- обеспечения соответствия целей и задач устойчивого развития Российской Федерации, в том числе сельского хозяйства и сельских территорий, указанных в различных нормативно-правовых актах;

- устранения противоречивости нормативно-правовых средств регулирования процессов развития сельского хозяйства, прежде всего с точки зрения преемственности и возможности планирования их практического применения на всех уровнях стратегического управления;

- разработки четких критериев и индикаторов достижения заявленных целей и поставленных задач по реализации не только экономических, но и социальных, и экологических приоритетов в сельском хозяйстве;

— создания механизма заинтересованности и ответственности в четком выполнении выработанных критериев и индикаторов с соблюдением установленных законодательных требований в социальной сфере и в области окружающей среды.

Реализация Доктрин развития сельского хозяйства и сельских территорий должна грамотно направлять работу сельскохозяйственных товаропроизводителей, определяя приоритетные направления использования факторов производства — земли, труда и капитала посредством управляющего влияния государства с учетом социальных и экологических ограничений. Следовательно, обеспечение устойчивого развития сельского хозяйства возможно не только при обеспечении правового институционального пространства деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей, но, в первую очередь, должна быть осуществлена своевременная и действенная государственная их поддержка.

Для этого требуется серьезное совершенствование законодательных норм, направленных на регулирование развития сельского хозяйства с обеспечением паритета экономических, социальных и экологических ориентиров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулированная политическая концепция устойчивого развития РФ остается довольно противоречивой и недостаточно ясной с точки зрения ее применимости. Практическая реализация концепции предполагает принятие трудного выбора решений на национальном, региональном и местном уровнях, а также требует дополнительной конкретизации структурных компонентов обеспечивающих ее направле-

ний. Переход к устойчивому развитию обуславливает необходимость реализации экологических приоритетов, которые институционально закреплены в Конституции и Концепции его осуществления. Однако на сегодняшний день отсутствуют обоснованные практические направления их осуществления в долгосрочной перспективе и разработанный организационно-правовой механизм их реализации. Рассмотренные недостатки института государственного регулирования устойчивого развития сельского хозяйства выступают актуальными предпосылками необходимости его совершенствования в направлении формирования механизма заинтересованности и ответственности агробизнеса в социальном благополучии сельского населения и благоприятном экологическом состоянии земель.

Библиографический список

1. Reidsma P., Accatino F., Appel F. at all. Alternative systems and strategies to improve future sustainability and resilience of farming systems across Europe: from adaptation to transformation // *Land Use Policy*. — 2023. — Vol. 134. — Art. 106881.
2. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2021 году. Москва: ФГБНУ «Росинформагротех», 2022. — 356 с.
3. Климентова Э.А., Дубовицкий А.А. Факторы, препятствующие формированию рационального землепользования в сельском хозяйстве // *Экономика сельского хозяйства России*. — 2022. — № 1. — С. 17–23.
4. Бондаренко Л.В., Новиков В.Г., Яковлева О.А. Демографическая и трудовые ресурсы база развития аграрного сектора и сельских территорий России // *Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве*. — 2021. — № 7(76). — С. 67–82.

5. Regional features of rural unemployment in Russia / E.A. Klimentova, A.A. Dubovitsky, E.A. Yurina [et al.] // *Economics of Agriculture*. — 2021. — Vol. 68. — No. 2. — Pp. 357–374.
6. Anderies J.M., Folke C., Walker B., Ostrom E. Aligning key concepts for global change policy: robustness, resilience, and sustainability // *Ecology and Society*. — 2013. — Vol. 18. — No. 2. — Art. 8.
7. Green O.O., Garmestani A.S., VanRijswick H.F. M.W., Keessen A.M. EU water governance: striking the right balance between regulatory flexibility and enforcement? // *Ecology and Society*. — 2013. — Vol. 18. — No. 2. — Art. 10.
8. Kothari R. Environment, technology and ethics. In: J.R. Engel & J.G. Engel (Eds.), *Ethics of Environment and Development — Global Challenge, International Response*. Tucson: University of Arizona Press. — 1990. — Pp. 27–49.
9. Galinato G.I., Chouinard H.H. Strategic interaction and institutional quality determinants of environmental regulations // *Resource and Energy Economics*. — 2018. — Vol. 53. — Pp. 114–132.
10. Каргинова-Губинова В.В., Васильева А.В., Морощкина М.В. Районирование и прогнозирование как основа устойчивого пространственного развития (на примере территорий Республики Карелия) // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. — 2023. — Т. 14. — № 3. — С. 450–466.
11. Полунин Г.А., Квочкин А.Н., Осипова А.В. Оборот сельскохозяйственных земель в России и его влияние на устойчивость хозяйств землепользователей // *Международный сельскохозяйственный журнал*. — 2023. — № 3(393). — С. 223–226.
12. Распоряжение Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р «Об утверждении Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года».
13. Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р «О Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.».

14. Распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г.».
15. Постановление Правительства РФ от 14 мая 2021 г. № 731 «О Государственной программе эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации».

References

1. Reidsma P., Accatino F., Appel F. at all. Alternative systems and strategies to improve future sustainability and resilience of farming systems across Europe: from adaptation to transformation // *Land Use Policy*. — 2023. — Vol. 134. — Art. 106881.
2. *Doklad o sostojanii i ispol'zovanii zemel' sel'skohozjajstvennogo naznachenija Rossijskoj Federacii v 2021 godu*. Moskva: FGBNU «Rosinformagroteh», 2022. — 356 s.
3. Klimentova Je.A., Dubovickij A.A. Faktory, prepjatstvujushhie formirovaniju racional'nogo zemlepol'zovanija v sel'skom hozjajstve // *Jekonomikasel'skogo hozjajstva Rossii*. — 2022. — № 1. — S. 17–23.
4. Bondarenko L.V., Novikov V.G., Jakovleva O.A. Demograficheskaja i trudoresursnaja baza razvitija agrarnogo sektora i sel'skih territorij Rossii // *Jekonomika, trud, upravlenie v sel'skom hozjajstve*. — 2021. — № 7(76). — S. 67–82.
5. Regional features of rural unemployment in Russia / E.A. Klimentova, A.A. Dubovitsky, E.A. Yurina [et al.] // *Economics of Agriculture*. — 2021. — Vol. 68. — No. 2. — Pp. 357–374.
6. Anderies J.M., Folke C., Walker B., Ostrom E. Aligning key concepts for global change policy: robustness, resilience, and sustainability // *Ecology and Society*. — 2013. — Vol. 18. — No. 2. — Art. 8.

7. Green O.O., Garmestani A.S., VanRijswick H.F. M.W., Keessen A.M. EU water governance: striking the right balance between regulatory flexibility and enforcement? // *Ecology and Society*. — 2013. — Vol. 18. — No. 2. — Art. 10.
8. Kothari R. Environment, technology and ethics. In: J.R. Engel & J.G. Engel (Eds.), *Ethics of Environment and Development — Global Challenge, International Response*. Tucson: University of Arizona Press. — 1990. — Pp. 27–49.
9. Galinato G.I., Chouinard H.H. Strategic interaction and institutional quality determinants of environmental regulations // *Resource and Energy Economics*. — 2018. — Vol. 53. — Pp. 114–132.
10. Karginova-Gubinova V.V., Vasil'eva A.V., Moroshkina M.V. Rajonirovanie i prognozirovanie kak osnova ustojchivogo prostranstvennogo razvitija (na primere territorij Respubliki Karelija) // *MIR (Modernizacija. Innovacii. Razvitie)*. — 2023. — T. 14. — № 3. — S. 450–466.
11. Polunin G.A. Kvochkin A.N., Osipova A.V. Oborot sel'skohozjajstvennyh zemel' v Rossii i ego vlijanie na ustojchivost' hozjajstv zemlepol'zovatelej // *Mezhdunarodnyj sel'skohozjajstvennyj zhurnal*. — 2023. — № 3(393). — S. 223–226.
12. Rasporyzhenie Pravitel'stva RF ot 30 nojabrja 2010 g. № 2136-r «Ob utverzhenii Konceptii ustojchivogo razvitija sel'skih territorij Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda».
13. Rasporyzhenie Pravitel'stva RF ot 2 fevralja 2015 g. № 151-r «O Strategii ustojchivogo razvitija sel'skih territorij RF na period do 2030 g.».
14. Rasporyzhenie Pravitel'stva RF ot 8 sentjabrja 2022 g. № 2567-r «Ob utverzhenii Strategii razvitija agropromyshlennogo i rybohozjajstvennogo kompleksov RF na period do 2030 g.».
15. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 14 maja 2021 g. № 731 «O Gosudarstvennoj programme jeffektivnogo vovlechenija v oborot

zemel' sel'skhozjajstvennogo naznachenija i razvitija meliorativnogo kompleksa Rossijskoj Federacii».

Контактная информация / Contact information

ФГБОУВО «Мичуринский государственный аграрный университет»
393760, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная,
д.101

Michurinsk State Agrarian University

393760, Tambov region, Michurinsk, Internatsionalnaya str., 101

Климентова Эльвира Анатольевна / Elvira A. Klimentova

klim1-408@yandex.ru

Дубовицкий Александр Алексеевич / Alexander A. Dubovitsky

daa1-408@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-300-322

**РЕГИОНЫ РФ С ВЫСОКОЙ
СТЕПЕНЬЮ ИНТЕГРАЦИИ
ЭКОНОМИК КАК
НОВЫЙ ОБЪЕКТ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПЛАНИРОВАНИЯ
И УПРАВЛЕНИЯ**

**REGIONS OF THE RUSSIAN
FEDERATION WITH A HIGH
DEGREE OF ECONOMIC
INTEGRATION AS A NEW
OBJECT OF STATE
STRATEGIC PLANNING
AND MANAGEMENT**

БУРАК ПЕТР ИОСИФОВИЧ

Президент Российской академии естественных наук (РАЕН), директор Института региональных экономических исследований (ИРЭИ), д.э.н., профессор

PETR I. BURAK

President of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Institute of Regional Economic Research, Doctor of Economics, Professor

ORCID: 0000-0003-0709-2449

РОСТАНЕЦ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

Заместитель директора ИРЭИ, д.э.н., профессор

VIKTOR G. ROSTANETS

Deputy Director of the Institute of Regional Economic Research, Doctor of Economics, Professor

ORCID ID: 0000-0002-2855-6524

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена проблематика интеграции в отечественную систему планирования управления региональными территориями с большой степенью взаимосвязи экономических сред. Прояснена роль территорий с высокой интегрированностью экономик как локомотивов роста на инновационной основе. Установлена позиция стратегирования и программирования в экономическом росте территорий. Решается проблема создания экономически высокоинтегрированных

территорий (Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области) специализированных органов планирования и координации.

ABSTRACT

The article considers the problems of integration into the domestic system of planning the management of regional territories with a high degree of interconnection of economic environments. The role of territories with highly integrated economies as engines of growth on an innovative basis is clarified. The position of strategizing and programming in the economic growth of territories has been established. The problem of creating economically highly integrated territories (Moscow and the Moscow region, St. Petersburg and the Leningrad Region) of specialized planning and coordination bodies is being solved.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Регионы с высокой степенью интеграции экономик, экономические связи, координация, комплексное развитие, управление, система планирования, иерархия документов, органы управления и планирования.

KEYWORDS

Regions with a high degree of integration of economies, economic relations, coordination, integrated development, management, planning system, hierarchy of documents, management and planning bodies.

ВВЕДЕНИЕ

В процессе повышения уровня планомерности управления народным хозяйством страны, совершенно необходимом в условиях военно-политического противостояния России с государствами коллективного Запада, важное значение имеет охват плановыми процедурами всего многообразия экономических объектов и образований, сложившихся к на-

стоящему времени в территориальной структуре экономики нашей страны. В последнее время, в соответствии с положениями Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г., в систему стратегического планирования включены макрорегионы и городские агломерации. Развернуты исследования по созданию методической базы планирования на этих уровнях [8, 11]. По мнению многих российских специалистов, процесс расширения круга объектов территориального планирования должен быть продолжен [1, 7, 9]. На повестке дня стоит охват единым плановым процессом (в качестве самостоятельных объектов) минерально-сырьевых центров, особых экономических зон, территорий опережающего развития, специальных административных районов, федеральных территорий.

В данной статье рассмотрена и обоснована необходимость включения в национальную систему государственного территориального стратегического планирования еще одного экономического объекта — регионов (субъектов РФ) с высокой степенью взаимной интеграции экономик. Хозяйственные комплексы таких субъектов РФ, за счет тесных экономических, технологических, инфраструктурных, миграционных связей, образуют мощные межрегиональные экономические комплексы, имеющие самостоятельный субъектный характер и играющие важнейшую роль в экономике современной России. К таким регионам в нашей стране, прежде всего, относятся город Москва и Московская область, город Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Между тем вопросы осуществления стратегического планирования развития таких межрегиональных высоко интегрированных экономических образований пока решаются,

как в методическом, так и в организационном плане, совершенно недостаточно.

Методы и инструменты

Для исследования показателей экономических процессов и взаимосвязей между территориями авторами использована традиционная научная методология анализа и синтеза, дедукции и индукции, сравнения, обобщения, абстрагирования, поиска аналогий, систематизация и классификация данных. Данная методология применена как для характеристик исследуемых территориальных структур, так и для выработки предложений по формированию организационных систем, которые могли бы реализовывать плановые процедуры в регионах РФ с высокой степенью интеграции экономик.

Содержание исследований

Проанализируем факторы социальной и экономических систем, способствующие интеграции (взаимосвязанности) хозяйственных структур столичных регионов России как объективной реальности, оказывающей масштабное воздействие на национальную экономику как единого комплекса.

Устойчивые межрегиональные социально-экономические связи вышеуказанных регионов выражаются и стабильно проявляются:

- в интенсивном обмене товарами и услугами, крупных взаимных поставках индустриальных товаров;
- крупном маятниковом перемещении трудовых ресурсов;
- единстве региональной инфраструктуры, единой коммуникационной среды в инженерии, энергетике, информатике, транспорте;

- тесном взаимодействии в сфере вывоза, переработки и захоронения отходов производства и потребления;
- устойчивых и разнообразных социально-культурных связях населения регионов-соседей;
- в том, что жители городов федерального значения являются собственниками огромного числа объектов недвижимости в сопредельных субъектах РФ;
- наличии первых реальных попыток осуществления координации экономической и промышленной политики данных субъектов Федерации со стороны их администраций.

Приведем некоторые статистические данные, характеризующие вышеперечисленные виды интеграционных связей экономик города Москва и Московской области, города Санкт-Петербург и Ленинградской области¹.

Велик товарообмен между субъектами Федерации столичного региона. В 2016 г. объемы товарооборота между Москвой и областью, по официальным данным, составляли 0,7 трлн руб. [10]. Основные закупки между Москвой и Подмосковьем производились в медицинской, транспортной, горнодобывающей, нефтеперерабатывающей отраслях, а также в сфере компьютерного, электронного и оптического оборудования. В 2023 г., по нашим оценкам, товарооборот между двумя субъектами РФ составлял уже не менее 1,5 трлн руб.

Объективным показателем тесной связи и интенсивности экономического взаимодействия Москвы и Москов-

¹ На основании вышеперечисленных критериев экономически высокоинтегрированными субъектами РФ, безусловно, следует признать город Севастополь и Республику Крым. Эти регионы связаны единой транспортной сетью, маятниковой трудовой миграцией, ведут постоянный товарообмен, имеют прочные социально-культурные связи. Однако поскольку объемы хозяйственной деятельности в этих субъектах РФ, относительно экономики страны в целом, невелики, то вопросы взаимной координации их развития в данной статье предметно не рассмотрены.

ской области, может служить участие предприятий одного региона в выполнении государственных заказов на товары и услуги, размещаемых властями другого региона. По расчетам Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), в 2019 г. доля предприятий Москвы в общем объеме поставок по государственным контрактам, заключенным Московской областью, составляла более 40% [6].

Одновременно весьма значительна роль областных производителей в реализации госконтрактов столицы. 130 млрд руб. достигла величина товарных поставок горзаказа Москвы, направленной компаниями Московской области, в 2017 г. (примерно 15% всего объема заказа) [5].

Прочные связи города Москвы с Московской областью, города Санкт-Петербурга с Ленинградской областью проявляются не только в поставках товаров, но и в трудовой сфере. Две российские столицы и соседние регионы тесно связаны маятниковой трудовой миграцией. Ежедневно на работу в два крупнейших города страны приезжают сотни тысяч жителей соседних регионов и муниципалитетов. Характеристики миграционного передвижения свидетельствуют о том, что в Москву для работы каждый день приезжают около 1 млн жителей окружающей территории. Это составляет около 15% от общего числа занятых в московской экономике (по данным на 2023 г.). Для трудового участия в жизни Петербурга ежедневно направляются 180–200 тыс. человек, что составляет 7% от числа работающих в городе. Обратное движение работников из двух столиц в сопредельные области объяснимо имеет значительно меньшие масштабы и не превышает 1% от общего числа работающих как в Московской, так и в Ленинградской областях [4].

Города Москва и Санкт-Петербург связаны с соседними областями едиными транспортными и инженерными сетями. Например, недавно построенные Московские центральные диаметры (МЦД) обеспечивают для жителей Подмоскovie возможность прямых удобных поездок из одного района области в другой через территорию столицы.

Важнейшим видом экономической деятельности, тесно связывающим Москву и Санкт-Петербург с Московской и Ленинградской областями является сбор, переработка и захоронение отходов. Ежегодно население двух крупнейших городов нашей страны генерирует огромные объемы бытовых отходов (ТБО). В Москве в 2022 г. было образовано 7 млн т отходов, в Санкт-Петербурге, соответственно — 3,4 млн т. Учитывая, что доля отходов, подвергаемых переработке, не превышает в обоих городах 50% от их общего объема, то только за один 2022 г. из Москвы и Санкт-Петербурга было вывезено и захоронено, главным образом на территории соседних областей, около 5 млн т ТБО.

Системы сбора и утилизации отходов столичных городов и соседних с ними областей имеют фактически единую инфраструктуру, включающую мусоросжигательные заводы, полигоны захоронения, комплексы промежуточной сортировки и переработки отходов. Взаимодействие субъектов РФ в сфере утилизации отходов регулируется соответствующими межрегиональными соглашениями. Бюджеты Московской и Ленинградской областей получают существенные доходы от захоронения и переработки на их территории ТБО, поступающих из Москвы и Санкт-Петербурга.

Традиционно разнообразны социальные и культурные контакты двух крупнейших отечественных городов с Подмоскovieм и Ленинградской областью. Значительная часть

молодежи обучается в высших учебных заведениях Москвы и Санкт-Петербурга, лица, нуждающиеся в квалифицированной медицинской помощи, обращаются в крупные медицинские центры двух столиц. Жители Подмосковья и Ленинградской области регулярно посещают театры, музеи и другие культурные объекты в столицах. В свою очередь, природные зоны и исторические достопримечательности областей являются местом массового отдыха и экскурсий для москвичей и петербуржцев. Наконец, жители Москвы и Санкт-Петербурга владеют большим числом загородных домов и дачных участков в соседних субъектах Федерации. Например, в Московской области расположено более 1 млн дачных участков, принадлежащих жителям Москвы.

Высокоинтегрированные регионы играют важнейшую роль в экономике Российской Федерации. Статистические данные показывают, что четыре субъекта Федерации обеспечивают третью часть объемов ВРП, выпуска продукции обрабатывающих производств, инвестиций в основной капитал, оборота розничной торговли всей страны. Особенно велика роль Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей в сфере науки и инновационной деятельности. Доля этих регионов в расходах на инновационную деятельность — в совокупности превышает 40% от общего объема по РФ. Доля в численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками — более 55% от его общей численности в стране. Кроме того, в высокоинтегрированных регионах проходит обучение более четверти всех российских студентов. При этом важно, что совокупная доля Москвы, Санкт-Петербурга, Московской и Ленинградской областей в основных экономических показателях национальной экономики остается стабильной на протяжении уже многих лет.

Таблица 1

Доля высокоинтегрированных регионов по важнейшим показателям экономической деятельности (в % от значения показателя в целом по России)

Валовой региональный продукт

	2019	2020	2021	2022
Москва и МО	26,20	26,49	27,33	26,85
Санкт-Петербург и ЛО	6,86	6,85	7,55	7,44

Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без НДС, акцизов и аналогичных обязательных платежей) по «чистым» видам деятельности

Обрабатывающие производства

	2019	2020	2021	2022	2023
Москва и МО	19,37	19,88	22,27	21,62	21,98
Санкт-Петербург и ЛО	7,87	7,49	7,69	8,51	8,04

Инвестиции в основной капитал (по всем формам собственности)

	2019	2020	2021	2022	2023
Москва и МО	22,06	23,34	25,30	25,33	24,23
Санкт-Петербург и ЛО	5,85	5,86	5,85	5,85	5,92

Затраты организаций на инновационную деятельность

	2019	2020	2021	2022
Москва и МО	33,20	33,43	35,82	34,86
Санкт-Петербург и ЛО	8,19	7,32	7,71	6,84

Объемы оборота розничной торговли

	2020	2021	2022
Москва и МО	23,18	23,58	22,15
Санкт-Петербург и ЛО	5,93	6,31	6,27

Численность занятых в экономике

	2020	2021	2022
Москва и МО	14,83	14,76	14,75
Санкт-Петербург и ЛО	5,43	5,44	5,54

Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками

	2020	2021	2022
Москва и МО	44,1	43,7	43,59
Санкт-Петербург и ЛО	11,55	11,7	11,41

Источник: данные Росстата за соответствующие годы

Крупномасштабная, диверсифицированная, высоко-технологичная — по российским меркам, экономика интегрированных регионов создает отличные, во многом уникальные возможности для дальнейшего промышленного роста на инновационной основе, применения передовых форм организации производства, логистики и потребления. Наиболее перспективны в экономике высокоинтегрированных регионов кластерные формы организации производства, предполагающие территориальную близость промышленных предприятий различного профиля с научно-исследовательскими и внедренческими структурами, обеспеченность транспортными и инфраструктурными сетями, развитую ИТ-среду, наличие местного платежеспособного рынка сбыта.

Ведущая роль высокоинтегрированных регионов в экономической жизни нашей страны в настоящее время, а также очевидная возможность для них стать центрами ин-

новационного роста национальной экономики и базовыми территориями обеспечения технологического суверенитета России в самом ближайшем будущем требует включения их в качестве полноправного объекта в систему государственного территориального планирования. Для тесно взаимосвязанных экономических комплексов Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области необходимо разрабатывать среднесрочные и долгосрочные плановые документы, создавать эффективные плановые структуры, реализующие возможности кооперации органов власти всех уровней упомянутых выше регионов России.

К настоящему времени власти Москвы, Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области при участии федерального центра накопили некоторый опыт координации социально-экономического развития и разработки соответствующих плановых документов [12]. Однако его содержание и результаты пока не соответствуют масштабам и сложности задач, стоящих как перед этими регионами, так и перед нашей страной в целом.

Так с участием федеральных властей были созданы следующие институции: Координационный совет по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области (2011 г.), Координационный совет по развитию транспортной системы города Москвы и Московской области (2011 г.), Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя, Межведомственный координационный совет по обеспечению увеличения инвестиций в основной капитал Республики Крым и г. Севастополя (2021 г.).

В настоящее время Координационный совет по развитию транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской

области осуществляет деятельность по реализации Стратегии развития транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области до 2030 г. Аналогичная по задачам и функциям координационная структура Московского региона — Координационный совет по развитию транспортной системы города Москвы и Московской области руководит выполнением Стратегии развития транспортной системы города Москвы и Московской области на период до 2035 г.

В условиях высокой степени взаимосвязанности экономик, администрации высокоинтегрированных регионов предпринимают попытки координации социально-экономической политики на межрегиональном уровне, создавая соответствующие двусторонние рабочие органы (рис. 1).

К настоящему времени созданы и функционируют	Координационный совет Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере социально-экономического развития
	Объединенная коллегия исполнительных органов власти Москвы и Московской области
Периодически проводятся совместные заседания	Правительств Санкт-Петербурга и Ленинградской области
В круг вопросов, прорабатываемых Координационным советом, входят	Развитие пригородного транспорта, обращение с отходами производства и потребления, эпидемиологическая обстановка и здравоохранение

Рис. 1. Двусторонние рабочие органы и решаемые ими вопросы

Вышеупомянутый Координационный совет Санкт-Петербурга и Ленинградской области в сфере социально-экономического развития ведет работу по стратегированию скоординированного развития двух субъектов РФ, заключающуюся в рассмотрении и экспертизе проектов различных программ и стратегий развития, подготовленных в каждом из двух регионов-соседей.

Властями высокоинтегрированных регионов принят ряд договорных документов межрегионального характера, ставящих своей целью координацию развития их экономик.

Однако в текстах данных документов ничего не говорится о каких-либо действиях в области совместного долгосрочного планирования социально-экономического или промышленного развития, а также о формировании управленческих структур или органов, которые занимались бы реализацией данных соглашений.

В итоге можно констатировать, что к настоящему времени (2024 г.) не разработано каких-либо документов стратегического и среднесрочного планирования, координирующих комплексное социально-экономическое развитие четырех ведущих регионов страны. Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область руководствуются в своем развитии собственными региональными социально-экономическими стратегиями на период до 2030–2035 гг. Москва же, представляя собой уникальный случай, вообще не имеет долгосрочного стратегического документа, определяющего параметры ее развития.

Какие же стратегические документы планирования целесообразно разрабатывать для четырех субъектов РФ с высоко интегрированными экономиками? Прежде всего Москве и Московской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской

области необходимо разрабатывать совместные стратегии социально-экономического развития, в качестве документа, агрегирующего и взаимно увязывающего важнейшие направления, пропорции и объемы развития их социально-экономических комплексов, а также четко определяющие наиболее перспективные сферы и отрасли приоритетной интеграции. Такие стратегии составят *первый уровень* плановых документов, формируемых для высоко интегрированных регионов.

Вторым уровнем плановых документов должны стать межрегиональные стратегии и программы развития отдельных отраслей экономики регионов-соседей. Применительно к Москве и Московской области, Санкт-Петербургу и Ленинградской области, являющимися экономическими и инновационными центрами страны, это, прежде всего, стратегии и программы развития передовых видов транспорта, высокотехнологичной промышленности, науки, информатики, ВПК, переработки отходов производства и потребления.

Учитывая признанное лидерство четырех рассматриваемых нами регионов среди субъектов РФ в уровне инновационного развития (см. таблицу 2), приоритетом в разработке и реализации их совместных программ должны пользоваться программы сотрудничества в инновационной сфере.

Цели и задачи таких документов должны определяться исходя из актуальных вызовов, стоящих перед национальной экономикой в целом (импортозамещение, информатизация, повышение наукоемкости), а также с учетом сложившейся специализации научно-производственных комплексов самих высокоинтегрированных регионов.

Межрегиональные стратегии и программы развития отдельных отраслей экономики должны содержать эффек-

Таблица 2

Рейтинги инновационного развития высокоинтегрированных субъектов РФ

Название рейтинга/ рейтинговое агентство	Москва, место в рейтинге	Московская область, место в рейтинге	Санкт- Петербург, место в рейтинге	Ленинградская область, место в рейтинге
Рейтинг регионов РФ по научно- технологическому развитию / (РИА Рейтинг):				
– по итогам 2020 г.	1	5	2	41
– по итогам 2021 г.	1	5	2	37
– по итогам 2022 г.	1	5	2	36

Источник: <https://ria.ru/20231023/razvitie-1904516141.html>

тивные механизмы дальнейшего усиления интеграции хозяйствующих субъектов Московского и Петербургского регионов, льготы, стимулы и организационные решения, побуждающие предприятия к хозяйственному и технологическому сотрудничеству (рис. 3).

Третьим уровнем плановых документов, разрабатываемых для тесно интегрированных регионов, могут стать программы межмуниципального сотрудничества и кооперации в сфере ЖКХ, здравоохранения, культуры и рекреации.

Каким же должно быть место плановых документов, разрабатываемых для высокоинтегрированных регионов в общей национальной иерархической системе документов долгосрочного и среднесрочного планирования территориального развития экономики?

Механизмы сотрудничества:	реализация регионами-соседями общей политики в области экономики, налогов, финансов
	формирование для фигурантов рынка отрасли надежного и стабильного сбыта готовых изделий, в том числе на базе согласованной общей политики госзакупок обоих регионов
	совместное обеспечение отрасли квалифицированными рабочими кадрами
	формирование единого информационного пространства, информационных сетей и сервисов для обслуживания предприятий отрасли
	развитие инфраструктуры поддержки инновационной активности (технопарки, технополисы, иннополисы, индустриальные парки, бизнес-инкубаторы)
выделение территорий с особым экономическим статусом, инициирование кластеров, работающих в интересах данной отрасли	

Рис. 3. Механизмы обеспечения сотрудничества субъектов Московского и Петербургского регионов

Исходя из межрегионального характера документов, предусматривающих координацию развития хозяйственных комплексов двух соседних субъектов РФ, стратегии и программы развития Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области должны занимать в иерархии территориальных плановых документов место между плановыми документами макрорегионов РФ и отдельных субъектов федерации.

Для разработки и реализации концепций, стратегий и программ развития экономически тесно взаимосвязанных субъектов РФ необходимо наличие, как указано выше, соответствующих постоянно действующих полномочных межрегиональных органов (институтов) власти. Дефицит в нашей стране управленческих структур такого рода уже давно отмечается российскими исследователями [2, 3]. В условиях сложившейся в настоящее время в субъектах федерации

конфигурации органов законодательной и исполнительной власти для целей планового управления в настоящее время могут быть оперативно сформированы следующие институты (см. рис. 4).

Институты исполнительной и законодательной власти	объединенные комиссии (комитеты) законодательных органов власти соседних субъектов федерации (создаются в целях нормативнозаконодательного обеспечения процессов межрегионального сотрудничества)
	межрегиональные (временные или постоянные) плановые органы, созданные на паритетных принципах заинтересованными субъектами РФ (создаются в целях подготовки плановых документов)
	совместные (объединенные) коллегии органов исполнительной власти субъектов федерации по вопросам стратегического планирования и экономической политики (создаются в целях реализации и контроля плановых документов)
	совместные (объединенные) коллегии органов исполнительной власти регионов по сотрудничеству в конкретных отраслях экономики: транспорте, науке, промышленности и др. (создаются в целях реализации и контроля плановых документов)

Рис. 4. Институты планового управления экономикой в высокоинтегрированных субъектах РФ

В целях подготовки эффективных документов в области планирования, точных прогнозов и целей, стратегические плановые структуры должны задействовать потенциал исследовательской и ВУЗовской науки экспертов и деловых структур.

В условиях Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга общественные организации, представляю-

щие предпринимательское сообщество, способны играть в процессе разработки стратегий и программ развития экономики особую, весьма значительную роль. Союзы, конфедерации, ассоциации предпринимателей, торгово-промышленные палаты этих регионов представляют собой мощные авторитетные структуры, обладающие высоким интеллектуальным, организационным и финансовым потенциалом. В рамках процессов стратегического и среднесрочного планирования органы государственной власти Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области вполне могут привлекать общественные объединения предпринимателей к разработке — на принципах «аутсорсинга» — различных плановых документов или их составных частей. В первую очередь, это целесообразно для программ скоординированного развития отдельных отраслей промышленности и инновационной сферы Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Позитивное переформатирование экономической пространственной структуры России — подлежащая обязательному решению задача властных и научных институтов Российской Федерации [13]. Ее решение невозможно без усиления планомерности в управлении территориями, построения иерархической системы планирования, охватывающей все территориальные элементы экономики страны. Формирование такой системы — поэтапный научно-практический процесс, включающий в себя разработку методологии плановых расчетов, определение номенклатуры плановых показателей и индикаторов, вы-

деление круга объектов, которые будут охвачены планированием, создание рабочих плановых органов, подготовку кадров специалистов и многое другое.

В настоящее время необходимо обосновать целесообразность включения в состав объектов, охваченных территориальным планированием, регионов страны с высокой степенью взаимной интеграции экономик. Тесно взаимосвязанные экономические комплексы Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области играют важнейшую роль в экономической жизни России, являются центрами концентрации инновационного потенциала страны. Поэтому признание их полноценными объектами стратегического территориального планирования, разработка для Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга и Ленинградской области стратегий и программ долгосрочного скоординированного развития, интенсификации хозяйственных и технологических связей безусловно повысят эффективность функционирования этих крупнейших хозяйственных комплексов страны, приблизят решение задач достижения технологического суверенитета России, инновационного роста национальной промышленности.

Библиографический список

1. Бурак П.И. Государственное планирование как инструмент реализации экономической политики России в новых геостратегических условиях // Научные труды ВЭО России. Том 242. № 4, 2023. С. 55–78.
2. Буров М.П. Регулирование процессов экономической интеграции субъектов РФ: роль и место межрегиональных органов власти. М.: Экономика. 2006. — 222 с.

3. Бухвальд Е.М., Валентик О.Н. Институциональные аспекты пространственного регулирования в Российской Федерации // Вестник РАЕН, 2023. Том 23. № 4. С. 22–27.
4. Всероссийская перепись населения 2020 г. [Электронный ресурс] // URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila.
5. Дайджест Московская промышленность в 2018 году. М. ДИ-иПП Москвы. 2019.
6. Информационный ресурс <https://icss.ru/vokrug-statistiki/gosudarstvennye-zakupki-po-regionam-rossii>.
7. Левченко С.Г. Усиление плановых начал в управлении социально-экономическим развитием регионов Российской Федерации. Москва-Иркутск: Научный консультант. 2021. — 162 с.
8. Методы, механизмы и организационные структуры управления экономическим развитием макрорегионов России (изд. 2-е, переработанное и дополненное). М.: Научный консультант. 2023 г. — 202 с.
9. Ростанец В.Г. Минерально-сырьевые центры в системе регионального стратегического планирования // Вестник РАЕН, 2022, том 22, № 2. С. 46–51.
10. Сайт Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы. Раздел «Новости», декабрь 2018 г. URL: mosgov.ru.
11. Стратегическое планирование и управление развитием городских агломераций России: перспективные механизмы и организационные решения. М.: Научный консультант, 2020 г. — 154 с.
12. Топилин А.В., Бурак П.И., Ростанец В.Г. Формирование межрегиональных институтов координации и развития экономических связей субъектов Российской Федерации. М.: Научный консультант, 2018 г. — 78 с.
13. Швецов А.Н. Становление новой организации экономического пространства России. М.: ЛЕНАНД, 2021 г. — 306 с.

References

1. Burak P.I. Gosudarstvennoe planirovanie kak instrument realizacii ekonomicheskoy politiki Rossii v novyh geostrategicheskikh usloviyah // Nauchnye trudy VEO Rossii. Tom 242. № 4, 2023. S. 55–78.
2. Burov M.P. Regulirovanie processov ekonomicheskoy integracii sub"ektov RF: rol' i mesto mezhregional'nyh organov vlasti. M.: Ekonomika. 2006. — 222 s.
3. Buhval'd E.M., Valentik O.N. Institucional'nye aspekty prostranstvennogo regulirovaniya v Rossijskoj federacii // Vestnik RAEN, 2023. Tom 23. № 4. s. 22–27.
4. Vserossijskaya perepis' naseleniya 2020 g. [Elektronnyj resurs] //URL:https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila.
5. Dajdzhest Moskovskaya promyshlennost' v 2018 godu. M. DiIPP Moskv. 2019.
6. Informacionnyj resurs <https://icss.ru/vokrug-statistiki/gosudarstvennye-zakupki-po-regionam-rossii>.
7. Levchenko S.G. Usilenie planovyh nachal v upravlenii social'no-ekonomicheskim razvitiem regionov Rossijskoj Federacii. Moskva-Irkutsk: Nauchnyj konsul'tant. 2021. — 162 s.
8. Metody, mekhanizmy i organizacionnye struktury upravleniya ekonomicheskim razvitiem makroregionov Rossii (izd. 2-e, pererabotannoe i dopolnennoe). M.: Nauchnyj konsul'tant. 2023 g. — 202 s.
9. Rostanec V.G. Mineral'no-syr'evye centry v sisteme regional'nogo strategicheskogo planirovaniya // Vestnik RAEN, 2022, tom 22, № 2. S. 46–51.
10. Sajt Departamenta nacional'noj politiki i mezhregional'nyh svyazej goroda Moskv. Razdel «Novosti», dekabr' 2018 g. URL: mosgov.ru.
11. Strategicheskoe planirovanie i upravlenie razvitiem gorodskih aglomeracij Rossii: perspektivnye mekhanizmy i organizacionnye resheniya. M.: Nauchnyj konsul'tant, 2020g. — 154 s.

12. Topilin A.V., Burak P.I., Rostanec V.G. Formirovanie mezhregional'nyh institutov koordinacii i razvitiya ekonomicheskikh svyazej sub"ektov Rossijskoj federacii. M.: Nauchnyj konsul'tant, 2018 g. — 78 s.
13. Shvecov A.N. Stanovlenie novoj organizacii ekonomicheskogo prostranstva Rossii. M.: LENAND, 2021 g. — 306 s.

Контактная информация / Contact information

Российская академия естественных наук (РАЕН)

119002, г. Москва, пер. Сивцев Вражек, д. 29/16

Russian Academy of Natural Sciences

29/16 per. Sivtsev Vrazhek, 119002, Moscow, Russia

Бурак Петр Иосифович / Petr I. Burak

irei@irei.ru

Ростанец Виктор Григорьевич / Viktor G. Rostanets

rostanets@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-323-342

**ВЛИЯНИЕ СПИЛЛОВЕР-
ЭФФЕКТОВ ТРУДОВОЙ
МИГРАЦИИ ИЗ СТРАН ЕАЭС
НА КОНКУРЕНТОСОБНОСТЬ
РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ¹**
**IMPACT OF SPILLOVER
EFFECTS OF LABOR
MIGRATION FROM EAEU
COUNTRIES ON THE
COMPETITIVENESS
OF RUSSIAN REGIONS**

ШКИОТОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Доцент кафедры «Экономика и управление»,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
технический университет», к.э.н., доцент

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>.

SERGEI V. SHKIOTOV

Associate Professor, Department of Economics and Management, Yaroslavl State Technical University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

МАРКИН МАКСИМ ИГОРЕВИЧ

Старший преподаватель кафедры «Экономика и управление», ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»

MAKSIM I. MARKIN

Senior Instructor, Department of Economics and Management, Yaroslavl State Technical University

НЕВОЛИНА СОФЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Студентка, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»

SOPHIA E. NEVOLINA

Student, Yaroslavl State Technical University

АННОТАЦИЯ

Формирование единого рынка труда на пространстве ЕАЭС создает новые возможности и риски для национальных экономик. Российская Федерация, являясь центром притяжения для трудовых мигрантов, может столкнуться с позитивными и негативными последствиями внешней трудовой миграции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки влияния внешней трудовой миграции на социально-экономическое развитие российской экономики. Цель исследования – оценить влияние спилловер-эффектов трудовой

миграции из стран ЕАЭС на конкурентоспособность российских регионов. С помощью регрессионного анализа верифицируется гипотеза о положительном влиянии притока рабочей силы из государств – членов ЕАЭС на уровень конкурентоспособности российских регионов. Исследование подтвердило, что между исследуемыми переменными существует статически значимая связь – внешняя трудовая миграция действительно оказывает влияние на конкурентоспособность российских регионов. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегии развития российских регионов с учетом параметров внешней трудовой миграции из государств – членов ЕАЭС.

ABSTRACT

The formation of a single labor market in the EAEU creates new opportunities and risks for national economies. The Russian Federation, being the center of attraction for labor migrants, may face positive and negative external labor migration. The relevance of the study is determined by the need to assess the impact of external labor migration on the socio-economic development of the Russian economy. The purpose of the study is to assess the impact of spillover effects of labor migration from EAEU countries on the competitiveness of Russian regions. The regression analysis is used to verify the hypothesis about the positive impact of labor inflows from EAEU member states on the level of competitiveness of Russian regions. The study confirms that there is a statically significant relationship between the variables under study - external labor migration does affect the competitiveness of Russian regions. The results of the study can be used to develop a strategy for the development of Russian regions taking into account the parameters of external labor migration from the EAEU member states.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Трудовая миграция, ЕАЭС, спилловер-эффекты, конкурентоспособность регионов, Российская Федерация, регрессионный анализ.

KEYWORDS

Labor migration, EAEU, spillover effects, regional competitiveness, Russian Federation, regression analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Создание единого экономического пространства в рамках интеграционного объединения подразумевает, в частности, свободу перемещения экономических ресурсов между странами. В условиях открытости границ, унификации норм, правил и процедур можно говорить об абсолютной мобильности не только капитала, но и труда. Перемещение трудовых ресурсов между странами не только влияет на показатели рынка труда (уровень безработицы, миграционное сальдо, размер оплаты труда и т.д.) или динамику экономического развития (величину совокупного спроса и предложения, производительность труда и пр.), но и порождает косвенные, то есть спилловер-эффекты миграции².

В экономической литературе сложился определенный консенсус в отношении спилловер-эффектов трудовой миграции: она ведет к трансферу знаний и технологий [1], увеличивает спрос на товары и услуги [2] и обеспечивает культурное многообразие [3]. Частные спилловер-эффекты трудовой миграции, описанные в экономической литературе представлены в таблице 1.

Анализ литературных источников позволяет сделать ряд выводов: 1) исследование спилловер-эффектов трудовой миграции носит ярко выраженный страновой характер; 2) спилловер-эффекты миграции оказывают не только положительное, но и отрицательное воздействие на социально-

² Спилловер-эффекты — это побочные эффекты деятельности, влияющие на благосостояние третьих лиц.

Таблица 1

Спилловер-эффекты трудовой миграции в экономической литературе

Автор(ы)	Влияние спилловер-эффекта миграции на экономику
Du Y., Zhao Z., Liu S. & Li Z. (2023)	Миграция населения создает положительные спилловер-эффекты, связанные с выравниванием уровня экономического развития сельскохозяйственных районов Китая и городских агломераций [4]
Laut L.T., Pranizty T.P.I. & Sugiharti R.R. (2023)	Перемещение рабочей силы не оказывает влияния на уровень производительности труда в экономике Индонезии, при этом переток знаний, сопровождающий эти процессы положительно влияет на качество человеческого капитала [5]
Theoharides C. (2020)	Ограничения, введенные Японией на приток трудовых мигрантов из Филиппин, привели к отрицательным спилловер-эффектам в стране-доноре: снизились доходы, увеличилось использование детского труда, сократились эмиграционные потоки [6]
Wang J., Huang H., Huang X., Sun D. & Song Z. (2024)	Спилловер-эффектом миграции кадров из США, имеющих STEM-образование, является цифровизация высокотехнологичных китайских компаний [7]
Amfofo A., Cheng T.C. & Doko Tchatoka F. (2022)	Нефтяной бум в Гане привел к негативным спилловер-эффектам на локальном рынке труда: выросло неравенство в доходах между мигрантами (занятыми в добыче нефти) и местным населением (занятым в других секторах экономики) [8]
Ray S., Haqiqi I., Hill A.E., Taylor J.E. & Hertel T.W. (2023)	Существующая жесткость на сельскохозяйственном рынке труда не приводит к спилловер-эффектам перетока рабочей силы в другие сектора экономики в случае сокращения производства сельскохозяйственных культур [9]
Capoani, Chabert, & Izzo. (2024)	Трудовая миграция создает инновационный спилловер-эффект: переток предпринимательского потенциала и научно-технических знаний, по-видимому, является основополагающим фактором для инноваций в принимающих странах [10]

Автор(ы)	Влияние спилловер-эффекта миграции на экономику
Noja G.G., Cristea S.M., Yüksel A., Pânzaru C. & Drăcea R.M. (2018)	Образование – ключевой фактор, позволяющий более полно интегрировать мигрантов в экономику и тем самым обеспечить рост благосостояния принимающей страны. Более того, образование обеспечивает минимизацию негативных спилловер-эффектов от притока неквалифицированных кадров в страны ЕС [11]
Theoharides C. (2018)	Неожиданным спилловер-эффектом трудовой миграции для Филиппин является увеличение числа учащихся средних школ в этой стране. Причем это связано не с ожидаемым ростом доходов в будущем (так называемой «премией» за образование), а повышением благосостояния населения от денежных переводов трудовых мигрантов своим семьям [12]
Arup Mitra. (2020)	Урбанизация и трудовая миграция создают положительные спилловер-эффекты: благодаря росту занятости в неформальном секторе городов сокращается бедность как в сельскохозяйственных, так и в городских агломерациях [13]

экономическое развитие как страны-реципиента, так и донора трудовых ресурсов.

В данном исследовании будет рассмотрено влияние трудовой миграции из стран ЕАЭС на динамику социально-экономического развития российских регионов.

За десять лет функционирования в ЕАЭС³ сложился единый рынок труда, обеспечивающий свободное перемещение трудовых ресурсов на пространстве интеграционного объединения⁴. Российская Федерация, в силу более высокого уровня оплаты труда и трудодефицитной конъюнктуры,

³ Евразийский экономический союз (ЕАЭС) начал свою работу 1 января 2015 г.

⁴ Граждане государств – членов ЕАЭС наделены особыми условиями передвижения на всем пространстве государств Союза, включая Россию, у них нет ограничений в осуществлении трудовой и предпринимательской деятельности.

естественным образом выступает в качестве «центра притяжения» для трудовых мигрантов из стран ЕАЭС (см. табл. 2).

Таблица 2

Миграция из стран ЕАЭС в Россию, 2018–2022 гг. [14]

Годы	2018	2019	2020	2021	2022
Прибыло, из государств – членов ЕАЭС	182 036	230 533	181 216	226 967	205 099
Выбыло, в государства – члены ЕАЭС	124 993	134 869	174 626	75 442	227 737
Сальдо миграции	57 043	95 664	6 590	151 525	–22 638

С учетом остро стоящих перед российским обществом демографических проблем, вызовами санкционного противостояния со странами «коллективного Запада», вопрос о влиянии трудовой миграции из стран ЕАЭС на динамику социально-экономического развития Российской Федерации приобретает особую актуальность.

Мы исходим из предположения о том, что приток рабочей силы из стран, входящих в ЕАЭС, генерирует положительные спилловер-эффекты в российской экономике: ведет к снижению напряженности на рынке труда, обеспечивает увеличение общей факторной производительности, улучшает демографическую ситуацию на региональном уровне, способствует росту человеческого капитала. В этом контексте выбор конкурентоспособности региона как результирующего показателя, характеризующего динамику социально-экономического развития, кажется нам оправданным: во-первых, он позволит оценить неравномерность притока трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС в субъекты Российской Федерации; во-вторых, этот

показатель (в силу своей комплексности) позволит учесть разнообразные спилловер-эффекты внешней трудовой миграции.

Цель исследования — оценить влияние спилловер-эффектов трудовой миграции из стран ЕАЭС на конкурентоспособность российских регионов.

Методы

Гипотеза исследования — приток рабочей силы из государств — членов ЕАЭС оказывает положительное влияние на уровень конкурентоспособности российских регионов.

Методологическая база исследования:

1. Исследуемые показатели:

— миграция населения в субъекты Российской Федерации из стран ЕАЭС в интервале 2018–2022 гг. (данные приведены по статистическому бюллетеню Росстата «Численность и миграция населения Российской Федерации», раздел 2.7, за соответствующие годы)⁵;

— конкурентоспособность российских регионов в интервале 2018–2022 гг. (данные приведены по ежегодному исследованию экспертного консорциума LC-AV «Индекс конкурентоспособности регионов России AV RCI», за соответствующие годы)⁶.

2. Границы исследования: субъекты Российской Федерации, 2018–2022 гг.

3. Методы исследования: простая линейная модель регрессии с использованием метода наименьших квадратов (МНК). Это позволит оценить базовую связь между двумя

⁵ Росстат. Численность и миграция населения Российской Федерации. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 01.06.2024).

⁶ Индекс конкурентоспособности регионов AV RCI-2022. URL: <http://lc-av.ru/wp-content/uploads/2022/11/AV-RCI-NatGoals-Report-221030.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

группами показателей (независимой переменной «миграция» и зависимой переменной «конкурентоспособность») без введения дополнительных комплексных моделей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Предварительный визуальный анализ данных для регрессионной модели представлен на рисунке 1.

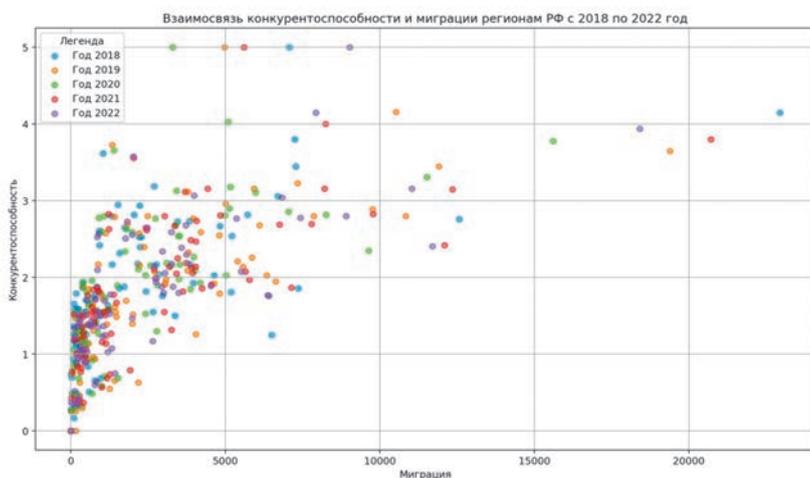

Рис. 1. Взаимосвязь между уровнем конкурентоспособности российских регионов и притоком трудовых мигрантов из государств — членов ЕАЭС в субъекты РФ

Источник: построено авторами

Основные результаты модели:

— **R-квадрат:** 0.421, что указывает, что модель объясняет примерно 42,1% вариации конкурентоспособности.

— **Скорректированный R-квадрат:** 0.419.

— **F-статистика:** 242.4 с р-значением $1.76e-10$, что свидетельствует о статистической значимости модели.

Таблица 2

Параметры регрессионной модели

Parameter	Coefficient	Std_Error	t_Statistic
const	1,363914	0,04827	28,25607
Migration	0,000188	1,21E-05	15,57074
Parameter	P_value	95%_CI_Lower	95%_CI_Upper
const	1,45E-90	1,268963	1,458866
Migration	1,76E-41	0,000164	0,000212

Источник: построено авторами

На основе проведенного регрессионного анализа было получено следующее уравнение, описывающее взаимосвязь между уровнем конкурентоспособности регионов и миграцией из государств — членов ЕАЭС в субъекты РФ:

$$\text{Competitiveness} = 1,3639 + 0,0002 \times \text{Migration}.$$

Компоненты уравнения:

— **константа (1,3639):** базовый уровень конкурентоспособности при нулевой миграции;

— **коэффициент при миграции (0,0002):** коэффициент, показывающий, на сколько увеличивается конкурентоспособность региона при увеличении внешней миграции на одну единицу.

Простая линейная регрессия подтвердила значимое влияние внешней трудовой миграции из государств — членов ЕАЭС на конкурентоспособность российских регионов. При этом полученная модель объясняет лишь 42,1% вариации конкурентоспособности, что позволяет говорить о наличии неучтенных нелинейностей в данных (этот вывод подтверж-

дается визуальным анализом рисунка 1, где зависимость между миграцией и конкурентоспособностью не казалась строго линейной). Чтобы устранить слабости полученной регрессионной модели, было решено использовать нелинейные модели (квадратичная и логарифмическая модели), позволяющие учитывать более сложные зависимости между переменными, которые могут проявляться при изменении уровней миграции.

Анализ с использованием квадратичной модели показал улучшение объяснительной способности оригинальной модели до 51% (это указывает на наличие нелинейных зависимостей), а использование логарифмической трансформации для проверки гипотезы об экспоненциальном взаимодействии переменных позволило улучшить значение **R-квадрат** до 55,1% (см. табл. 3).

Таблица 3

Параметры скорректированной регрессионной модели

Model	R-squared	Adj. R-squared
Quadratic	0.5170093386577757	0.5147202833907509
Logarithmic	0.551648720024372	0.5505887879204108
Model	F-statistic	Log-Likelihood
Quadratic	225.8614486533424	-416.010541738316
Logarithmic	520.4566575186178	-400.19623085315857
Model	Prob (F-statistic)	AIC
Quadratic	2.0467877765262628e-67	850.1773509834053
Logarithmic	1.081807116464787e-75	812.4966400441659
Model	BIC	
Quadratic	838.021083476632	
Logarithmic	804.3924617063171	

Источник: построено авторами

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что логарифмическая модель является наиболее подходящей для описания зависимости между трудовой миграцией из государств-членов ЕАЭС и конкурентоспособностью российских регионов. Логарифмическая модель продемонстрировала улучшение в качестве описания данных по сравнению с линейной и квадратичными моделями (это видно из более высокого значения **R-квадрат** и более низких значений критериев AIC и BIC).

Полученная регрессионная модель приняла вид:

$$\text{Competitiveness} = 1,5 + 0,3 \times \log(\text{Migration} + 1)$$

Компоненты уравнения:

— **коэффициент при логарифме миграции ($\beta_1 = 0,3$):** коэффициент показывает, что с увеличением внешней миграции на 1% конкурентоспособность субъекта Российской Федерации возрастает на 0,3%.

Для проверки адекватности полученной регрессионной модели в работе были использованы:

— тест на нормальность остатков Шапиро-1pvalue = 0,8306056261062622);

— тест на мультиколлинеарность:

VIF Factor features

442.905686 const

1.000000 log_Migration

— проверка автокорреляции в остатках регрессионной модели (статистика Дарбина — Уотсона) (см. рис. 2–4).

Проведенная проверка полученной регрессионной модели показала ее адекватность: значение статистики теста Шапиро — Уилка близко к 1, что указывает на то, что

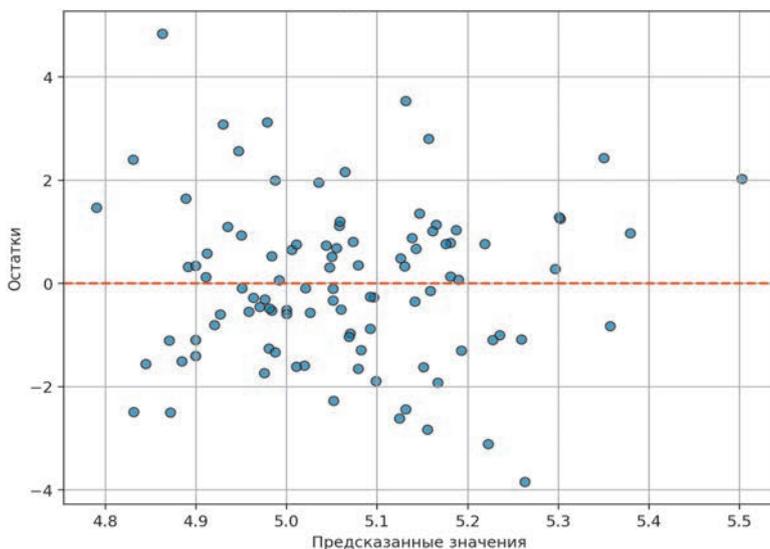

Рис. 2. Диаграмма остатков

Источник: построено авторами

остатки хорошо соответствуют нормальному распределению (высокое p -значение указывает на то, что нет статистически значимых доказательств против нормальности остатков); из рисунка 3 видно, что распределение остатков близко к нормальному (в форме колокола), это хороший признак того, что предположения для использования МНК выполнены; статистика Дарбина-Уотсона в нашем случае составляет 2,152 (близко к 2, значит автокорреляция отсутствует).

В результате проведенного в работе анализа можно сделать вывод о том, что между исследуемыми переменными

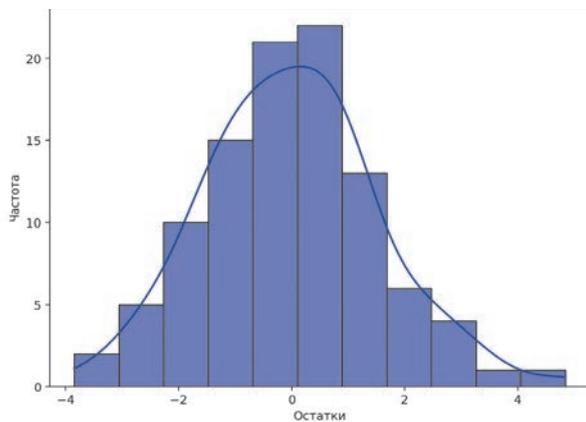

Рис. 3. Гистограмма остатков логарифмической модели

Источник: построено авторами

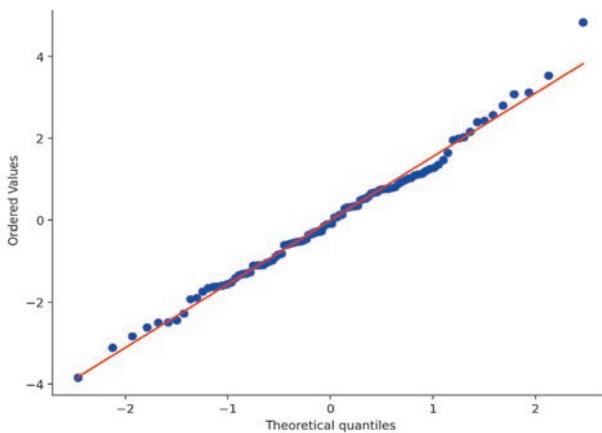

Рис. 4. Q-Q plot остатков логарифмической модели

Источник: построено авторами

(уровнем конкурентоспособности регионов и миграцией из государств — членов ЕАЭС в субъекты РФ) существует статически значимая связь — внешняя трудовая миграция действительно оказывает влияние на конкурентоспособность российских регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования выдвинутая в работе гипотеза подтвердилась — приток рабочей силы из государств — членов ЕАЭС оказывает положительное влияние на уровень конкурентоспособности российских регионов. Полученные в результате исследования данные в целом соответствуют ключевым выводам ряда зарубежных авторов [1, 2, 7].

Полученная регрессионная модель имеет вид:

$$\text{Competitiveness} = 1,5 + 0,3 \times \log (\text{Migration} + 1).$$

Коэффициент при логарифме миграции ($\beta_1 = 0,3$) позволяет сделать предсказание: увеличение внешней трудовой миграции из государств — членов ЕАЭС на 1% приведет к росту уровня конкурентоспособности субъектов Российской Федерации на 0,3%.

Ограничения исследования:

— выбросы данных, искажающие общую картину под влиянием пандемии коронавируса и последующего локдауна в 2020 и 2021 гг.;

— внешние шоки, оказывающие существенное влияние на динамику социально-экономического развития российской экономики;

— возможно, применение регрессионного анализа для решения поставленной в исследовании задачи было

не оптимальным (происходит апробация и поиск адекватной исследовательским задачам методики исследования).

Надеемся, что полученные в результате исследования данные, решаемые задачи активизируют новую волну прикладных исследований влияния внешней трудовой миграции из государств — членов ЕАЭС на динамику развития российской экономики.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01774, <https://rscf.ru/project/23-28-01774/>.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Маркин М.И. — создание и верификация регрессионной модели;

Неволина С.Е. — сбор и обработка данных; визуализация данных;

Шкиотов С.В. — концепт статьи; обзор литературы; написание оригинального текста.

Библиографический список

1. Beaudry P., Doms M., & Lewis E. (2010). Should the personal computer be considered a technological revolution? Evidence from U.S. metropolitan areas. *Journal of Political Economy*, 118(5), 988–1036. <https://doi.org/10.1086/658371>.
2. Rauch J.E. & Trindade V. (2002, February). Ethnic Chinese networks in international trade. *Review of Economics and Statistics*. <https://doi.org/10.1162/003465302317331955>.

3. Hiller T. (2013). Who benefits from human capital investments? An analysis with cooperative game theory. *International Journal of Economics and Business Research*, 6(1), 20. <https://doi.org/10.1504/ijebr.2013.054839>.
4. Du Y., Zhao Z., Liu S. & Li Z. (2023). The Impact of Agricultural Labor Migration on the Urban–Rural Dual Economic Structure: The Case of Liaoning Province, China. *Land*, 12(3). <https://doi.org/10.3390/land12030622>.
5. Laut L.T., Pranizty T.P.I. & Sugiharti R.R. (2023). Does human capital spillover affect labor productivity? *Journal of Socioeconomics and Development*, 6(1), 36. <https://doi.org/10.31328/jsed.v6i1.3759>.
6. Theoharides C. (2020). The unintended consequences of migration policy on origin-country labor market decisions. *Journal of Development Economics*, 142. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.07.012>.
7. Wang J., Huang H., Huang X., Sun D. & Song Z. (2024). Returning from overseas: STEMs migration and corporate digitalization. *International Review of Financial Analysis*, 91. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.103042>.
8. Ampofo A., Cheng T.C. & Doko Tchatoka F. (2022). Oil extraction and spillover effects into local labour market: Evidence from Ghana. *Energy Economics*, 106. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105699>.
9. Ray S., Haqiqi I., Hill A.E., Taylor J.E. & Hertel T.W. (2023). Labor markets: A critical link between global-local shocks and their impact on agriculture. *Environmental Research Letters*, 18(3). <https://doi.org/10.1088/1748-9326/acb1c9>.
10. Capoani, Chabert & Izzo. (2024). Understanding the Relationship Between Immigration and Innovation: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Economics, Race, and Policy*, 7(2), 122–136. <https://doi.org/10.1007/s41996-023-00135-x>.
11. Noja G.G., Cristea S.M., Yüksel A., Pânzaru C. & Drăcea R.M. (2018). Migrants' role in enhancing the economic development

- of host countries: Empirical evidence from Europe. *Sustainability* (Switzerland), 10(3). <https://doi.org/10.3390/su10030894>.
12. Theoharides C. (2018). Manila to Malaysia, Quezon to Qatar: International migration and its effects on origin-country human capital. *Journal of Human Resources*, 53(4), 1022–1049. <https://doi.org/10.3368/jhr.53.4.0216.7714R1>.
 13. Arup Mitra. (2020). Informal Sector in India: Migration and Poverty Implications. *Regional Economic Development Research*, 1–10. <https://doi.org/10.37256/redr.112020153>.
 14. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. — Москва: 2023. — 498 с. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 01.06.2024).

References

1. Beaudry P., Doms M. & Lewis E. (2010). Should the personal computer be considered a technological revolution? Evidence from U.S. metropolitan areas. *Journal of Political Economy*, 118(5), 988–1036. <https://doi.org/10.1086/658371>.
2. Rauch J.E. & Trindade V. (2002, February). Ethnic Chinese networks in international trade. *Review of Economics and Statistics*. <https://doi.org/10.1162/003465302317331955>.
3. Hiller T. (2013). Who benefits from human capital investments? An analysis with cooperative game theory. *International Journal of Economics and Business Research*, 6(1), 20. <https://doi.org/10.1504/ijebr.2013.054839>.
4. Du Y., Zhao Z., Liu S. & Li Z. (2023). The Impact of Agricultural Labor Migration on the Urban–Rural Dual Economic Structure: The Case of Liaoning Province, China. *Land*, 12(3). <https://doi.org/10.3390/land12030622>.

5. Laut L.T., Pranzitzy T.P.I. & Sugiharti R.R. (2023). Does human capital spillover affect labor productivity? *Journal of Socioeconomics and Development*, 6(1), 36. <https://doi.org/10.31328/jsed.v6i1.3759>.
6. Theoharides C. (2020). The unintended consequences of migration policy on origin-country labor market decisions. *Journal of Development Economics*, 142. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2018.07.012>.
7. Wang J., Huang H., Huang X., Sun D. & Song Z. (2024). Returning from overseas: STEMs migration and corporate digitalization. *International Review of Financial Analysis*, 91. <https://doi.org/10.1016/j.irfa.2023.103042>.
8. Ampofo A., Cheng T.C. & Doko Tchatoka F. (2022). Oil extraction and spillover effects into local labour market: Evidence from Ghana. *Energy Economics*, 106. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105699>.
9. Ray S., Haqiqi I., Hill A.E., Taylor J.E. & Hertel T.W. (2023). Labor markets: A critical link between global-local shocks and their impact on agriculture. *Environmental Research Letters*, 18(3). <https://doi.org/10.1088/1748-9326/acb1c9>.
10. Capoani, Chabert, & Izzo. (2024). Understanding the Relationship Between Immigration and Innovation: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Journal of Economics, Race, and Policy*, 7(2), 122–136. <https://doi.org/10.1007/s41996-023-00135-x>.
11. Noja G.G., Cristea S.M., Yüksel A., Pânzaru C. & Drăcea R.M. (2018). Migrants' role in enhancing the economic development of host countries: Empirical evidence from Europe. *Sustainability (Switzerland)*, 10(3). <https://doi.org/10.3390/su10030894>.
12. Theoharides C. (2018). Manila to Malaysia, Quezon to Qatar: International migration and its effects on origin-country human capital. *Journal of Human Resources*, 53(4), 1022–1049. <https://doi.org/10.3368/jhr.53.4.0216.7714R1>.

13. Arup Mitra. (2020). Informal Sector in India: Migration and Poverty Implications. Regional Economic Development Research, 1–10. <https://doi.org/10.37256/redr.112020153>.
14. Statisticheskii ezhegodnik Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza; Evraziiskaya ekonomicheskaya komissiya. — Moskva: 2023. — 498 s. (in Russ.) URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf (accessed: 01.06.2024).

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет»
150999, Россия, г. Ярославль, Московский проспект, 88

Yaroslavl State Technical University, 88, Moskovsky Prospekt, Yaroslavl,
150999, Russia

Шкиотов Сергей Владимирович / Sergei V. Shkiotov
Shkiotov@mail.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-343-364

**КАДРОВЫЕ УГРОЗЫ
КАК ОСНОВНОЙ
ДЕСТРУКТИВНЫЙ ФАКТОР
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ**
**PERSONNEL THREATS
AS THE MAIN
DESTRUCTIVE FACTOR
OF AN ORGANIZATION'S
ECONOMIC SECURITY**

ТКАЧЕВА МАРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА

Доцент кафедры экономического анализа
и аудита ФГБОУ ВО «Воронежский
государственный университет», к.э.н.

MARIYA V. TKACHEVA

Associate Professor, Department of Economic
Analysis and Audit, Voronezh State University,
Candidate of Economic Sciences

БЕРЕСНЕВ НИКИТА РОМАНОВИЧ

Обучающийся 5-го курса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

NIKITA R. BERESNEV

5th year student at Voronezh State University

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования является персонал экономических субъектов, рассматриваемый в качестве основного источника угроз экономической безопасности организаций. В данной работе проведен обзор ключевых характеристик кадровых угроз экономической безопасности организации, осуществлен анализ их влияния на ее составляющие, а также разработаны собственные рекомендации по предупреждению и противодействию данному виду угроз.

ABSTRACT

The subject of the study is the personnel of economic entities, which we consider as the main source of threats to the economic security of organizations. This paper provides an overview of the key characteristics of personnel threats to the economic security of the organization, analyzes their impact on its components, and develops its own recommendations for preventing and countering this type of threat.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Персонал, кадровые угрозы, кадровая безопасность, механизмы обеспечения экономической безопасности.

KEYWORDS

Personnel, personnel threats, personnel security, mechanisms for ensuring economic security.

ВВЕДЕНИЕ

Персонал является ключевым, стратегическим ресурсом организации, согласно актуальной на данный момент времени концепции «Управления человеческими ресурсами». Основу такой концепции составляет занятый в организации человек, рассматриваемый как неотъемлемый элемент функционирования экономических систем [6].

От работника, как комплексной экономической категории, и его действий (или бездействий) зависят доходность как самой организации, так и ее собственников. Лица, ответственные за корпоративное управление, заинтересованы в совершенствовании используемых экономическим субъектом умений и навыков, физических и интеллектуальных способностей персонала (в пределах экономически выгодного уровня затрат) и, как следствие, в наращении эффективности их труда.

Стоит отметить, что трудовые ресурсы организации обладают наибольшим количеством особенностей, отличающих данный вид ресурса от иных. Так, к примеру, человек, занятый в организации, одновременно может являться как субъектом, так и объектом управления.

Однако интересы организации и персонала разнонаправлены, так как для экономического субъекта трудовые ресурсы — это определенной величины затраты, уровень которых организация целенаправленно стремится сдерживать. Для сотрудников, в свою очередь, экономический субъект — это средство и способ заработка, объем которого работник стремительно желает увеличить. Поэтому необходимо постоянно добиваться баланса интересов вышеперечисленных категорий, при котором будут сохраняться, с одной стороны, система экономически обоснованного финансового и иного

стимулирования персонала, а с другой стороны, мотивов работников качественно и эффективно выполнять плановые показатели труда.

Стоит также отметить, что эффективность использования трудовых ресурсов зависит не только от качества и актуальности целенаправленного воздействия на персонал, но и от личностных качеств персонала.

Наряду с этим работники экономического субъекта и их умышленные или неосторожные действия представляются в качестве основной угрозы экономической безопасности организации [2].

Так, результаты исследования компании Pricewaterhouse Coopers на тему экономических преступлений, совершаемых в российских организациях, за 2020–2022 гг. показывают следующее: 66% опрошенных экономических субъектов отметили, что сталкивались с подобным явлением в своих корпоративных системах. Особенно часто респонденты отмечают преступления в отношении имущества организации, коррупцию, мошенничество и др. [7].

Стоит отметить, что недобросовестные действия сотрудников организации выражаются не только в преступной (наиболее опасной) форме проявления. Приведенная выше статистика не отражает показатели совершенных административных, дисциплинарных, гражданско-правовых правонарушений персонала, которые также не следует исключать при рассмотрении данного вопроса.

Обеспечение экономической безопасности организации является приоритетным направлением ее деятельности. Добиться высокого уровня такого состояния защищенности

возможно посредством разработки и реализации активных и пассивных, превентивных и реактивных мер в отношении различного рода потенциальных и реальных угроз, направленных на каждую составляющую комплексного понятия «экономическая безопасность организации». Как показывает практика, персонал экономического субъекта является одним из основных источников угроз состоянию защищенности организации. Данный тезис обуславливает актуальность нашей работы.

Цель

Целью данной работы является обзор ключевых характеристик кадровых угроз экономической безопасности (организации), анализ их влияния на ее составляющие, а также разработка рекомендаций по противодействию данному виду угроз.

Методы и результаты исследования

Для достижения поставленной цели был проведен анализ научной, учебной и методической литературы по теме влияния кадровых угроз на составляющие экономической безопасности организации и разработки превентивных и реактивных мер по их противодействию, систематизирован перечень направлений деструктивного воздействия данного вида угроз, и разработаны собственные рекомендации по минимизации и исключению данного вида угроз.

В рамках данной работы были применены как общенаучные методы исследования (такие, как анализ, синтез, обобщение, классификация и др.), так и специальные экономические (такие, как анализ экономической литературы, экономическое моделирование и др.).

Так, нами был проведен анализ актуальной на данный момент научной, учебной и методической литературы по темам «Экономическая безопасность и ее составляющие», «Угрозы экономической безопасности организации», «Кадровая безопасность» и др. таких авторов, как Кайгородцева К.А. и Тургаева А.А., Крохичева Г.Е. и Архипов Э.Л., Карзаева Н.Н. и Гончаренко Л.П. и др.

Посредством применения таких научных методов, как синтез и обобщение информации из описанной выше литературы, нами была смоделирована экономическая система, представленная на рис. 1, которая отражает неразрывно связанные друг с другом составляющие элементы комплексного понятия «экономическая безопасность организации».

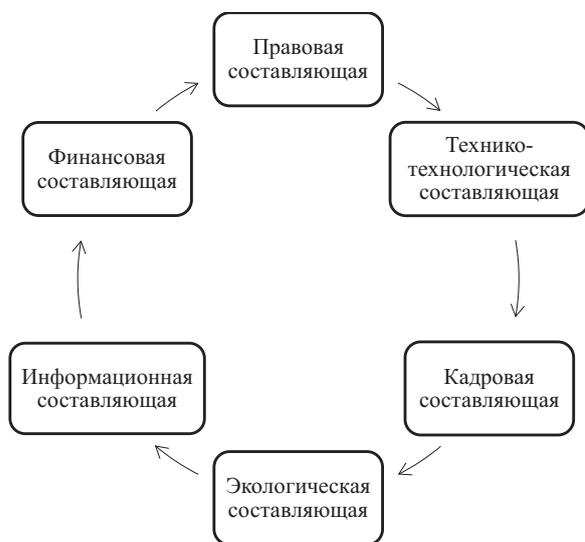

Рис. 1. Составляющие экономической безопасности организации

Составляющие данной системы (рис. 1) отражают виды деятельности экономического субъекта, идентифицируемые нами в рамках данной работы в качестве объектов экономической безопасности организации.

Основная цель обеспечения экономической безопасности организации заключается в минимизации и устранении потенциальных и реальных внутренних и внешних угроз и опасностей экономическим интересам организации и ее ресурсам [1].

Рассматриваемые нами угрозы оказывают негативное влияние на такие экономические категории организации, как устойчивость, равновесие, целостность, эффективность финансово-хозяйственной деятельности и др.

Внутренние угрозы в большинстве случаев связаны с деструктивной деятельностью работников организации (как преднамеренной, так и носящей случайный, ошибочный характер). В то время как внешние, возникающие за пределами организации, имеют более широкий круг источников.

В данной работе речь пойдет о внутренних угрозах экономической безопасности организации, источником которых является персонал данного экономического субъекта. Однако не следует упускать из внимания тот факт, что внешние факторы также способствуют возникновению и реализации внутренних кадровых угроз. Например, так называемое «переманивание сотрудников» экономического субъекта организацией-конкурентом может повлечь за собой массовое увольнение производственных рабочих, выполняющих технологический процесс по изготовлению готовой продукции, или ведущих специалистов, что повлечет (способно повлечь) за собой экономические потери, связанные с:

— несвоевременным выполнением плановых заданий;

- просрочкой поставок готовой продукции контрагентам;
- штрафными санкциями (неустойками) за невыполнение в срок условий договора;
- спадом производства;
- простоями;
- потерей части доходов организации;
- увеличением расходов организации (связанных в данном случае с поиском, наймом и отбором новых сотрудников);
- снижением уровня деловой репутации;
- распространением конфиденциальной информации (связанной, например, с применяемой на данном экономическом субъекте оригинальной технологией производства) и т.д.

Персонал, как уже утверждалось ранее, является уникальным и неотъемлемым элементом каждой составляющей экономической безопасности организации.

Уникальность данного ресурса заключается в том, что исключительно он обладает такими отличительными характеристиками, как «человеческий фактор», «эмоциональность», «невнимательность» и др. [12], [14].

Для того, чтобы исключить или минимизировать риск реализации той или иной угрозы, источником которой является сотрудник организации, специалистам необходимо обладать определенными знаниями и умениями в области психологии, управления человеческими ресурсами, экономической безопасности и др.

Признак «неотъемлемости» персонала заключается в том, что в настоящий момент развития экономико-социальных систем невозможно представить организацию, функционирующую без человека: именно работники экономического

субъекта осуществляют финансово-хозяйственную деятельность, учетно-аналитические функции, реализуют контрольную работу, выступают в качестве субъектов, осуществляющих деятельность по обеспечению корпоративной безопасности и др [6].

Однако наряду с вышеперечисленным, своими целенаправленными или случайными действиями (бездействиями) кадры организации способны нанести вред составляющим экономической безопасности организации посредством реализации тех или иных угроз и опасностей. Примерный перечень данных угроз составляющим экономической безопасности организации и возможных последствий реализации таковых представлен в табл. 1.

Немалое деструктивное значение также имеют коррупционные угрозы экономической безопасности организации, исходящие также от персонала экономического субъекта. Такие угрозы связаны, как правило, с такими качествами работников-менеджеров организации, как продажность и алчность, идущими в противовес морально-этическим нормам, которые экономические субъекты закрепляют в локальных актах (например, в этическом кодексе).

Злоупотребление своими полномочиями в процессе осуществления трудовой деятельности, а особенно реализации управленческих действий, снижают эффективность работы как конкретных представителей персонала, выполняющих должностные функции под руководством менеджера-коррупционера, отдельного подразделения, так и организации в целом.

В целях устранения и минимизации реальных и потенциальных кадровых угроз экономической безопасности организации специально созданным подразделениям экономического

Таблица 1

Примеры кадровых угроз составляющим экономической безопасности организации и возможные последствия реализации таковых

№	Составляющая экономической безопасности организации	Кадровая угроза составляющей экономической безопасности организации	Возможные последствия реализации кадровой угрозы составляющей экономической безопасности организации
А	1	2	3
1	Финансовая составляющая	<ul style="list-style-type: none"> — Хищения денежных средств и ценных бумаг сотрудниками организации; — Нарушение должностными лицами регламента работы в местах хранения финансовых ресурсов организации; — Непогашение задолженности перед контрагентами в срок вследствие случайных или преднамеренных действий ответственного должностного лица; — Некомпетентность и непрофессионализм сотрудников бухгалтерской, аналитической или экономической службы, повлекшие за собой не соответствующее правилам отражение фактов хозяйственной жизни, неверные утверждения в части финансового состояния организации при принятии управленческих решений или иные не-правильные экономические решения и др. 	<ul style="list-style-type: none"> — Убытки; — Финансовые потери; — Штрафные санкции со стороны органов финансового (налогового) контроля; — Штрафные санкции за несвоевременное выполнение условий договора с контрагентом; — Потеря деловой репутации; — Банкротство (несостоятельность) и др.

2	Правовая составляющая	<ul style="list-style-type: none"> — Некомпетентность и непрофессионализм работников юридического отдела организации; — Составление (или редкий пересмотр) сотрудниками экономического субъекта локальных нормативных актов (например, Учетной политики организации), не соответствующих актуальному законодательству государства (федеральным законам, федеральным стандартам бухгалтерского учета и т.д.); — Некачественно проведенный сотрудником анализ условий заключаемой с контрагентом сделки и др. 	<ul style="list-style-type: none"> — Убытки; — Финансовые потери; — Штрафные санкции со стороны органов государственной (муниципальной) власти; — Невыгодные для данного экономического субъекта условия поставок (выполнения работ, оказания услуг) контрагенту; — Потеря деловой репутации и др.
3	Технико-технологическая составляющая	<ul style="list-style-type: none"> — Халатные действия работников при обращении с основными средствами организации; — Нарушение требований безопасности работниками организации при обращении с основными средствами организации; — Нарушение рабочими организации регламента работы; — Несответствие профессиональных навыков работников организации (разрядов) требуемым при фактическом выполнении ими должностных обязанностей; — Простои, вызванные забастовками (стачками) и др. 	<ul style="list-style-type: none"> — Убытки; — Порча имущества (основных средств) организации; — Выход из строя основных средств; — Аварии; — Несчастные случаи на производстве; — Брак готовой продукции; — Штрафные санкции за несвоевременное выполнение условий договора с контрагентом и др.

4	Информационная составляющая	<ul style="list-style-type: none"> — Несоблюдение сотрудниками регламента работы с секретной информацией; — Преднамеренное (и неосторожное) несанкционированное повреждение или уничтожение работниками информации, хранящейся в информационных системах организации; — Несанкционированное распространение работниками информации организации, принадлежащей экономическому субъекту, заинтересованным лицам (конкурентам, криминальным структурам и др.); — Хищения документальной информации работниками организации; — Угрозы, связанные с использованием сотрудниками организации личных внешних накопителей (внедрение вредоносного ПО, программы по перехвату информации и др.) 	<ul style="list-style-type: none"> — Убытки; — Финансовые потери; — Штрафные санкции со стороны органов государственной (муниципальной) власти; — Потеря статуса «уникальная продукция» в связи с распространением коммерческой тайны; — Выход из строя информационных систем организации; Утечка данных (управленческого учета, стратегического учета и др.)
5	Экологическая составляющая	<ul style="list-style-type: none"> — Несвоевременная идентификация сотрудниками организации, функционирующими в сфере экологической составляющей ее деятельности, требований, установленных экологическим законодательством к данному экономическому субъекту или данному виду экономической деятельности; 	<ul style="list-style-type: none"> — Убытки; — Штрафные санкции со стороны органов государственной (муниципальной) власти; — Обязанности по возмещению вреда;

		<p>– Непрофессиональные и (или) ошибочные действия работников организации, ответственных за выполнение работ, способных оказать значительное негативное воздействие на окружающую среду, приведшие к чрезмерным выбросам/сбросам загрязняющих веществ в атмосферу/воду;</p> <p>– Преднамеренное и непреднамеренное неисполнение обязательств по осуществлению природоохранных затрат или по выплате экологических платежей ответственным сотрудником организации (бухгалтером или иным лицом) и др.</p>	<p>– Увеличение текущих и последующих затрат на природоохранную деятельность;</p> <p>– Увеличение обязательств по выплатам экологических платежей;</p> <p>– Аварии;</p> <p>– Экологические катастрофы;</p> <p>– Несчастные случаи на производстве;</p> <p>– Выход из строя основных средств;</p> <p>– Потеря деловой репутации и др.</p>
6	Кадровая составляющая	<p>– Высокая текучесть кадров;</p> <p>– Низкий уровень лояльности и вовлеченности персонала в трудовую деятельность организации;</p> <p>– Трудовой абсентеизм [12];</p> <p>– Распространение уволенными сотрудниками экономического субъекта, не удовлетворенными оценкой собственного труда, информации, порочащей деловую репутацию организации;</p> <p>– Умышленное и неумышленное уничтожение имущества организации;</p> <p>– Все вышеперечисленные угрозы и др.</p>	<p>– Убытки;</p> <p>– Дополнительные затраты на найм (набор и отбор) нового персонала;</p> <p>– Малая эффективность использования трудовых ресурсов;</p> <p>– Затяжная адаптация нового сотрудника;</p> <p>– Потеря деловой репутации;</p> <p>– Потеря имущества организации;</p> <p>– Финансовые потери и др.</p>

субъекта необходимо непрерывно и систематически обеспечивать мероприятия внутреннего контроля, осуществлять оценку и анализ персонала и его действий. Такую работу следует осуществлять на стадии найма (набора и отбора) сотрудников, в процессе их трудовой деятельности, а также на момент (и после него) увольнения работников экономического субъекта. Иными словами, в рамках организации должен быть осуществлен предварительный, текущий и последующий контроль за трудовыми ресурсами.

На стадии найма необходимо минимизировать или попытаться исключить следующие угрозы:

- трудоустройство человека, выполняющего конкурентную разведку в данной организации;
- трудоустройство человека, не обладающего необходимыми для данной должности профессиональными компетенциями;
- трудоустройство человека, выполняющего криминальную задачу;
- трудоустройство человека, который не задержится в организации и др.

Данной стадии стоит уделить особое внимание, особенно если речь идет о внешних соискателях, посредством проведения комплекса процедур, отраженных на рис. 2.

Этапы отбора персонала, отраженные на рис. 2, не являются исчерпывающими. Они могут быть расширены или сокращены в каждом конкретном случае.

Вышеописанные процедуры несут характер превентивных мер по обеспечению экономической безопасности организации.

На стадии трудовой занятости в рамках осуществления превентивных мер по обеспечению экономической безопасности

Рис. 2. Этапы отбора персонала

организации необходимо ознакомить работников с локальной нормативной документацией экономического субъекта, имеющей непосредственное и косвенное отношение к таким сотрудникам: должностной инструкцией, регламентом деятельности, штатным расписанием и др. Также необходимо систематически проверять сотрудников на соответствие их компетенций требуемым посредством проведения плановой и внеплановой аттестации и деловой оценки. Следует анализировать показатели их деятельности в соответствии с принятой в организации методикой оценки эффективности. Однако процедуры контроля не должны превышать адекватный уровень.

Наряду с вышеперечисленными мероприятиями по минимизации и устранению кадровых угроз экономической безопасности организации, необходимо регулярно проводить деятельность по качественному совершенствованию следующих экономико-психологических характеристик работников организации: мотивации, адаптации, лояльности и вовлеченности сотрудников посредством применения множества инструментов (например, наставничества, материальных и нематериальных процедур поощрения и т.д.). Также экономический субъект должен демонстрировать заинтересованность в развитии компетенций сотрудников посредством оплаты их обучения, повышения квалификации и иных схожих мероприятий.

В качестве реактивных мер по обеспечению экономической безопасности организации мы можем предложить системе штрафов и финансовых (и нефинансовых) поощрений сотрудников.

На момент увольнения (и после него) необходимо выяснять причины такого решения сотрудника (или менеджмента, уволившего работника), попытаться организовать корректное, бесконфликтное расставание, чтобы не спровоцировать противоправные действия ушедшего работника, связанные, например, с распространением информации, порочащей имидж и деловую репутацию данного экономического субъекта или разглашающей его коммерческую и иную охраняемую или не охраняемую законом тайну.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Полученный в ходе проведенного исследования систематизированный перечень направлений деструктивного воздействия кадровых угроз экономической безопасности

организации, а также разработанные рекомендации по противодействию данному виду угроз могут послужить информационной базой для применения экономическими субъектами в целях обеспечения их экономической безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обеспечение экономической безопасности организации является приоритетным направлением деятельности организации. Основными деструктивными факторами, воздействующими на состояние защищенности экономического субъекта, являются кадровые угрозы, так как человек — это ключевое звено функционирования любой экономической системы.

Организациям в лице специально создаваемых служб (структурных подразделений) необходимо регулярно и систематически осуществлять комплекс превентивных и реактивных мер, направленных на снижение, минимизацию и устранение потенциальных и реальных кадровых угроз, охватывающих собой все составляющие комплексного понятия «экономическая безопасность организации». Особое место в такой деятельности занимают следующие структурные подразделения:

- кадровая служба организации;
- служба экономической безопасности организации;
- бухгалтерская служба организации;
- юридическая служба организации и др.

Библиографический список

1. Агеева О.А., Матыцына Ю.Д. Выявление потенциальных угроз экономической безопасности в коммерческой организации // Вестник университета, 2023, no. 10, с. 152–162. Доступно:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-potentsialnyh-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-kommercheskoy-organizatsii> (дата обращения: 21.04.2024).
2. Амирова Л.И., Пивоварова Р.А., Васильев В.Л. Факторы экономической безопасности предприятия в современных условиях // Наука, техника и образование, 2015, no. 11 (17), с. 75–77. Доступно: <https://3minut.ru/images/PDF/2015/17/NTO-11-17.pdf> (дата обращения: 23.04.2024).
 3. Базеева Н.А., Максимов А.С. Управление персоналом на предприятиях для обеспечения информационной безопасности // E-Scio, 2021, no. 6 (57), с. 145–151. Доступно: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/10/E-SCIO-6_2021.pdf (дата обращения: 22.04.2024).
 4. Дружкова В.Н., Грязнова Н.Л. Анализ и оценка состояния трудовых ресурсов, определяющих кадровую безопасность, как составляющую экономической безопасности организации // Техника и технология пищевых производств, 2017, том 45, no. 2, с. 133–141. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-sostoyaniya-trudovyh-resursov-opredelyayuschih-kadrovuyu-bezopasnost-kak-sostavlyayuschuyu-ekonomicheskoy-bezopasnosti-organizatsii> (дата обращения: 23.04.2024).
 5. Ибрагимова П.А., Гусайниева Х.Г. Кадровая безопасность: риски, угрозы, пути совершенствования // Региональные проблемы преобразования экономики, 2021, no. 5 (127), с. 127–133. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-bezopasnost-riski-ugrozy-puti-sovershenstvovaniya> (дата обращения: 20.04.2024).
 6. Кайгородцева К.А., Тургаева А.А. Роль кадровой безопасности в аспекте экономической безопасности // Вестник Евразийской науки, 2023, том 15, no. s2, с. 1–9. Доступно: <https://esj.today/50favn223.html> (дата обращения: 21.04.2024).
 7. Кондрашова Н.Г., Земсков А.Р. Выявление экономических преступлений для снижения угроз экономической безопасности органи-

- зации // Экономика и бизнес: теория и практика, 2023, no. 9 (103), с. 99–102. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-ekonomicheskikh-prestupleniy-dlya-snizheniya-ugr-oz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-organizatsii> (дата обращения: 23.04.2024).
8. Коротков А.А., Хабаров С.А., Шпаковская В.С. Правовое обеспечение экономической безопасности: практический анализ // Наука и образование, 2022, том 5, no. 4, с. 1–7. Доступно: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5291> (дата обращения: 19.04.2024).
 9. Крохичева Г.Е., Архипов Э.Л., Виноградова М.А., Деточка Д.Е. Кадровая безопасность в системе экономической безопасности // Науковедение, 2016, том 8, no. 3(34), с. 1–10. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-bezopasnost-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 18.04.2024).
 10. Романова Ю.А. Анализ и оценка кадровой составляющей экономической безопасности предприятия // Экономический журнал, 2019, no. 4 (56), с. 40–50. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-kadrovoy-sostavlyayuschey-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 22.04.2024).
 11. Тимофеева А.Ю., Кузнецова Н.В. Факторы угроз кадровой безопасности организации // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика, 2017, no. 1 (38), с. 88–96. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-ugroz-kadrovoy-bezopasnosti-organizatsii> (дата обращения: 23.04.2024).
 12. Ткачева М.В., Береснев Н.Р. Средства и методы защиты информации в рамках обеспечения экономической безопасности организации: основная характеристика. Современная экономика, 2024, no. 5 (173), с. 165–177. Доступно: <https://journals.vsu.ru/meps/article/view/12042/12097>.
 13. Филин А.Е., Якимова Л.Д., Яркова С.А., Мельникова Е.В. Снижение уровня трудового абсентеизма на предприятии железнодорожного транспорта // Экономика труда, 2022, том 9,

no. 7, С. 1225–1247. Доступно: [https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-urovnya-trudovogo-absenteizma-na-predpriyatii-zheleznodorozhnogo-transporta / viewer](https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-urovnya-trudovogo-absenteizma-na-predpriyatii-zheleznodorozhnogo-transporta/viewer) (дата обращения: 19.04.2024).

14. Яркова Т.М. Современные подходы обеспечения кадровой безопасности организации в России // Экономика труда, 2022, том 9, no. 3, с. 731–742. Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-obespecheniya-kadrovoy-bezopasnosti-i-organizatsiy-v-rossii> (дата обращения: 24.04.2024).

References

1. Ageeva O.A., Matytsyna Yu.D. Vyyavleniye potentsialnykh ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti v kommercheskoy organizatsii. Vestnik universiteta, 2023, no. 10, pp. 152–162. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-potentsialnyh-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-v-kommercheskoy-organizatsii>. (In Russ.).
2. Amirova L.I., Pivovarova R.A., Vasilyev V.L. Faktory ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya v sovremennykh usloviyakh. Nauka, tekhnika i obrazovaniye, 2015, no. 11 (17), pp. 75–77. Available: <https://3minut.ru/images/PDF/2015/17/NTO-11-17.pdf>. (In Russ.).
3. Bazeyeva N.A., Maksimov A.S. Upravleniye personalom na predpriyatiyakh dlya obespecheniya informatsionnoy bezopasnosti. E-Scio, 2021, no. 6 (57), pp. 145–151. Available at: https://e-scio.ru/wp-content/uploads/2021/10/E-SCIO-6_2021.pdf. (In Russ.).
4. Druzhkova V.N., Gryaznova N.L. Analiz i otsenka sostoyaniya trudovykh resursov, opredelyayushchikh kadrovuyu bezopasnost', kak sostavlyayushchuyu ekonomicheskoy bezopasnosti organizatsii. Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv, 2017, tom 45, no. 2, pp. 133–141. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i->

- otsenka-sostoyaniya-trudovyh-resursov -opredelyayuschih-kadrovuyu-bezopasnost-kak-sostavlyayuschuyu-ekonomiche skoy. (In Russ.).
5. Ibragimova P.A., Gusainieva Kh.G. Kadrovaya bezopasnost': riski, ugrozy, puti sovershenstvovaniya. Regionalnyye problemy preobrazovaniya ekonomiki, 2021, no. 5 (127), pp. 127–133. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-bezopasnost-riski-ugrozy-puti-sovershenstvovaniya>. (In Russ.).
 6. Kaigorodtseva K.A., Turgaeva A.A. Rol' kadrovoy bezopasnosti v aspekte ekonomicheskoy bezopasnosti. Vestnik Evraziyskoy nauki, 2023, tom 15, no. s2, pp. 1–9. Available at: <https://esj.today/50favn223.html>. (In Russ.).
 7. Kondrashova N.G., Zemskov A.R. Vyyavleniye ekonomicheskikh prestupleniy dlya snizheniya ugroz ekonomicheskoy bezopasnosti organizatsii. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika, 2023, no. 9 (103), pp. 99–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-ekonomicheskikh-prestupleniy-dlya-snizheniya-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti-organizatsii>. (In Russ.).
 8. Korotkov A.A., Khabarov S.A., Shpakovskaya V.S. Pravovoye obespecheniye ekonomicheskoy bezopasnosti: prakticheskiy analiz. Nauka i obrazovaniye, 2022, tom 5, no. 4, pp. 1–7. Available at: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5291>. (In Russ.).
 9. Kroklicheva G.E., Arhipov E.L., Vinogradova M.A., Detochka D.E. Kadrovaya bezopasnost' v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti. Naukovedenie, 2016, tom 8, no. 3 (34), pp. 1–10. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovaya-bezopasnost-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti>. (In Russ.).
 10. Romanova Yu.A. Analiz i otsenka kadrovoy sostavlyayushchey ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatiya. Ekonomicheskij zhurnal, 2019, no. 4 (56), pp. 40–50. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-i-otsenka-kadrovoy-sostavlyayushchey-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya>. (In Russ.).

11. Timofeeva A.Yu., Kuznetsova N.V. Faktory ugroz kadrovoy bezopasnosti organizatsii. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika, 2017, no. 1 (38), pp. 88–96. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-ugroz-kadrovoy-bezopasnosti-organizatsii>. (In Russ.).
12. Tkacheva M.V., Beresnev N.R. Sredstva i metody zashchity informatsii v ramkakh obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti organizatsii: osnovnaya kharakteristika. Sovremennaya ekonomika, 2024, no. 5 (173), pp. 165–177. Available at: <https://journals.vsu.ru/meps/article/view/12042/12097>. (In Russ.).
13. Filin A.E., Yakimova L.D., Yarkova S.A., Melnikova E.V. Snizheniye urovnya trudovogo absenteizma na predpriyatii zheleznodorozhnogo transporta. Ekonomika truda, 2022, tom 9, no. 7, pp. 1225–1247. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/snizhenie-urovnya-trudovogo-absenteizma-na-predpriyatii-zheleznodorozhnogo-transporta>. (In Russ.).
14. Yarkova T.M. Sovremennyye podkhody obespecheniya kadrovoy bezopasnosti organizatsii v Rossii. Ekonomika truda, 2022, tom 9, no. 3, pp. 731–742. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podkhody-obespecheniya-kadrovoy-bezopasnosti-organizatsiy-v-rossii>. (In Russ.).

Контактная информация / Contact informations

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

394006, Воронеж, Университетская пл., 1

Voronezh State University

1, University Sq., Voronezh, 394006, Russia

Ткачева Мария Вячеславовна / Mariya V. Tkacheva

tkachevamv-vsu@yandex.ru

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-365-392

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ПРОБЛЕМ КАДРОВОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ
НАПРАВЛЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ
СКФО¹**

**RESEARCH ON THE
PROBLEMS OF STAFFING
IMPLEMENTATION STRATEGIC
DIRECTIONS OF SOCIO-
ECONOMIC DEVELOPMENT OF
THE SUBJECTS OF THE NORTH
CAUCASUS FEDERAL DISTRICT**

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (Russian Science foundation) № 23-28-10154, <https://rscf.ru/project/23-28-10154/>.

УШВИЦКИЙ ЛЕВ ИСАКОВИЧ

Директор института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета, д.э.н., профессор

LEV I. USHVITSKIY

Director of the Institute of Economics and Management of the North Caucasus Federal University, Doctor of Economics, Professor

КАЛЮГИНА СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА

Заведующий кафедрой государственного, муниципального управления и экономики труда Северо-Кавказского федерального университета, д.э.н., профессор

SVETLANA N. KALYUGINA

Head of the Department of State, Municipal Management and Labor Economics of the North Caucasus Federal University, Doctor of Economics, Professor

МУХОРЬЯНОВА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА

Доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономики труда Северо-Кавказского федерального университета, к.э.н., доцент

OKSANA A. MUKHORYANOVA

Associate Professor of the Department of State, Municipal Management and Labor Economics of the North Caucasus Federal University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается необходимость разработки комплекса мер правового, управленческого и социально-экономического характера, позволяющих нивелировать риски и угрозы формирования сбалансированного рынка труда в СКФО. Проведен анализ состояния рынка труда макрорегиона, по результатам сформирован проблемный профиль, учитывающий возможности и направления развития кадрового потенциала, предложены механизмы удовлетворения кадровых потребностей региональной экономики, определяемые стратегическими направлениями социально-экономического развития субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

ABSTRACT

The article substantiates the need to develop a set of measures of a legal, managerial and socio-economic nature that will help mitigate risks and threats to the formation of a balanced labor market in the North Caucasus Federal District. An analysis of the state of the labor market in the macroregion was carried out, based on the results of which a problem profile was formed, taking into account the opportunities and directions for the development of personnel potential. Mechanisms for meeting the personnel needs of the regional economy, determined by the strategic directions of socio-economic development of the subjects of the North Caucasus Federal District, are proposed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Рынок труда, стратегия развития, кадровые потребности, сбалансированность спроса и предложения, проблемный профиль, кадровый потенциал, концепция кадрового обеспечения.

KEYWORDS

Labor market, development strategy, personnel needs, balance of supply and demand, problem profile, personnel potential, staffing concept.

Уровень качества жизни населения Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) в полной мере определяется успешностью разработки и реализации программных документов, определяющих направления его развития, основным из которых является Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г., которая содержит цели, задачи и приоритеты в решении актуальных проблем макрорегиона, основанных на эффективном использовании имеющегося потенциала территорий.

Согласно стратегическим направлениям социально-экономического развития макрорегиона, приоритетными отраслями, учитывающими особенности отдельных субъектов Российской Федерации, входящих в состав СКФО, являются агропромышленный комплекс, позволяющий эффективно использовать природные ресурсы и перерабатывать местное сырье; туристско-рекреационный комплекс, сфера строительства, проектирование новых и модернизация существующих промышленных производств, в рамках функционирования которых осуществляется создание значительного числа новых рабочих мест; транспортной инфраструктуры, позволяющей обеспечить формирование точек роста экономики округа².

Следует отметить, что одним из основных факторов успешности реализации заявленных стратегических направлений социально-экономического развития макрорегиона является его кадровое обеспечение, которое предполагает стабильное функционирование рынка труда и сбаланси-

² Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/.

рованное удовлетворение кадровых потребностей региональной экономики при реализации прорывных проектов, реализуемых в субъектах СКФО.

Исходя из этого, целью данного исследования является анализ рисков и угроз функционирования рынка труда макрорегиона, а также выявление возможностей и направлений его развития, обеспечивающих кадровые потребности развития реального сектора экономики в стратегической перспективе.

В качестве основных методов исследования авторами были использованы такие методы, как индукция, дедукция, обобщение, сравнение, измерение, описание, структурализм, практическое моделирование.

Исследование возможностей и угроз кадрового обеспечения стратегических направлений социально-экономического развития субъектов СКФО, безусловно, должно основываться на анализе состояния рынка труда макрорегиона, по результатам которого целесообразно осуществить составление проблемного профиля и разработать механизмы сбалансированности кадровых возможностей и потребностей региональной экономики.

Современное состояние рынка труда Северо-Кавказского федерального округа характеризуется как положительными, так и отрицательными тенденциями. Согласно данным Росстата, общая численность населения Северо-Кавказского федерального округа на начало 2024 г. составляло 10 млн 251 тыс. чел. (7,01% от численности населения РФ), из них около 51% это городское население и около 49% — сельское. По предварительным данным, на начало 2024 г. наблюдается позитивная тенденция естественного прироста населения в шести субъектах — республиках Северного Кавказа,

кроме Ставропольского края и по прогнозам Минэкономразвития к 2030 г. численность населения в округе составит около 10,4 млн чел.³

В настоящее время в структуре населения по возрастным группам на долю трудоспособной ее части приходится 59,2%, моложе трудоспособного — 23,6%, старше трудоспособного — 1,4%. В разрезе субъектов СКФО данная структура различна, так в Республике Дагестан, Чеченской Республике и Республике Ингушетии на долю населения моложе трудоспособного возраста приходится большее количество жителей, чем на долю населения старше трудоспособного, что свидетельствует о наличии на этих территориях резервов кадрового потенциала в будущем.

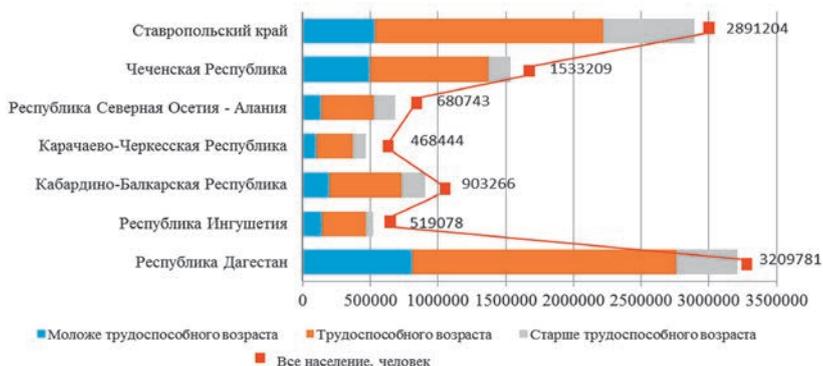

Рис. 1. Численность населения субъектов СКФО по возрастным группам, чел.

Анализ рабочей силы СКФО в возрасте старше 15 лет показал, что 55,1% от общего количества заняты трудо-

³ Официальный сайт Росстата: Трудовые ресурсы https://rosstat.gov.ru/labour_force.

вой деятельностью, а 9,7% не трудоустроены, при этом лишь небольшая часть из них является официально зарегистрированными безработными. В разрезе субъектов СКФО наибольшая доля нетрудоустроенной рабочей силы приходится на Республику Дагестан, Чеченскую Республику и Республику Ингушетию.

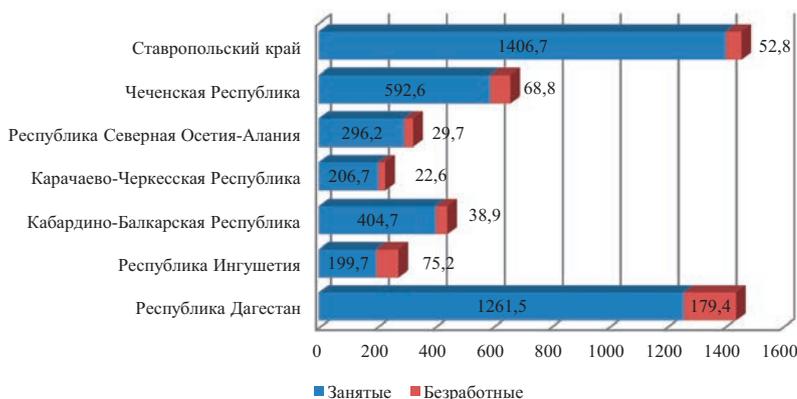

Рис. 2. Численность и состав рабочей силы в возрасте 15 лет и старше, чел.

Среднегодовой уровень официально зарегистрированной безработицы по итогам 2023 г. в целом по СКФО находился в диапазоне 6,5–12,9% и характеризовался устойчивой тенденцией к снижению во всех субъектах округа, но по-прежнему оставался самым высоким по РФ (3,2%). Наиболее неблагоприятная ситуация характерна для Республики Дагестан (12,5%), Республики Ингушетию (8,7%) и Чеченской Республики (7,9%)⁴.

⁴ Официальный сайт Росстата. Рынок труда, занятость и заработная плата. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

При этом анализ структуры зарегистрированных безработных по сравнению со среднестатистическими показателями по РФ демонстрирует актуальные различия по субъектам СКФО, которые ставят перед региональными органами власти специфические задачи в сфере формирования сбалансированного рынка труда, что подтверждается следующими характеристиками:

— структура социальных групп в общем количестве безработных лиц, испытывающих трудности при поиске работы, различается по субъектам СКФО. Например, в Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и Северной Осетия — Алания преобладающую долю занимают женщины и люди предпенсионного возраста;

— структура безработных в Северной Осетии — Алании и Карачаево-Черкесской Республике характеризуется преобладанием безработных с высшим образованием, поэтому здесь необходимы переквалификация и повышение квалификации; в Чеченской Республике большинство состоящих на учете не имеют образования вообще, поэтому необходимо создание рабочих мест в сфере неквалифицированного труда. Что касается Республики Ингушетия и Чеченской Республики, то для них характерно минимальное количество безработных с профессиональным образованием, поэтому необходимо развитие системы среднего профессионального образования (рис. 3)⁵;

— возрастная структура безработных подчеркивает проблему молодежного сегмента (16–34 года) регионального рынка труда, который в среднем по России в 2023 г. составлял

⁵ Официальный сайт ВНИИ ТРУДА Минтруда РФ. Потенциальная рабочая сила современной России: Социально-демографический портрет и уровень образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://vcot.info/blog/potencial-naa-rabocaa-sila-sovremennoj-rossii-social-no-demograficeskij-portret-i-uroven-obrazovania>.

25%, а в субъектах СКФО от 30–46% (Дагестан — 35%, КЧР — 30%, Северная Осетия — 33%, Чечня — 44%, Ингушетия — 46%)⁶.

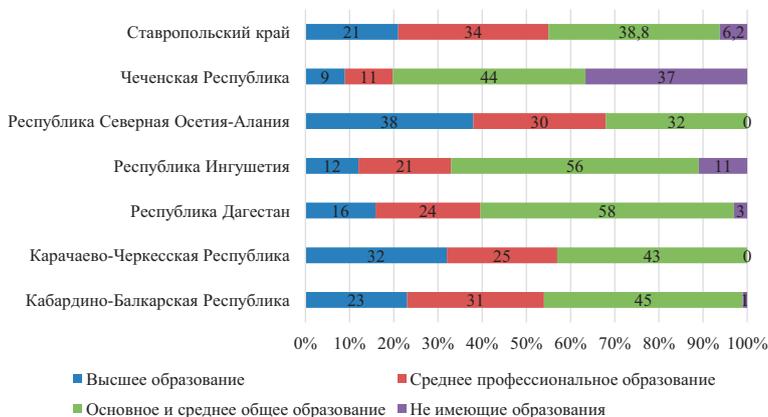

Рис. 3. Образовательная структура зарегистрированных безработных в субъектах СКФО, %

Следует также обратить внимание на такую важнейшую характеристику формирования трудовых ресурсов, как миграция населения, оказывающая влияние на их состояние и качество (рис. 4).

Динамика численности прибывших и выбывших по направлениям передвижения, представленная Росстатом, свидетельствует о том, что по итогам 2023 г. количество прибывших и выбывших в пределах макрорегиона незначительно изменилось за последние два года. При этом наибольшие миграционные потоки наблюдаются в Республике Дагестан и Ставропольском крае, а миграционный прирост

⁶ Князькова Е.А. Проблемы занятости и безработицы российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2022. — Т. 2. — № 3. — С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPTT.

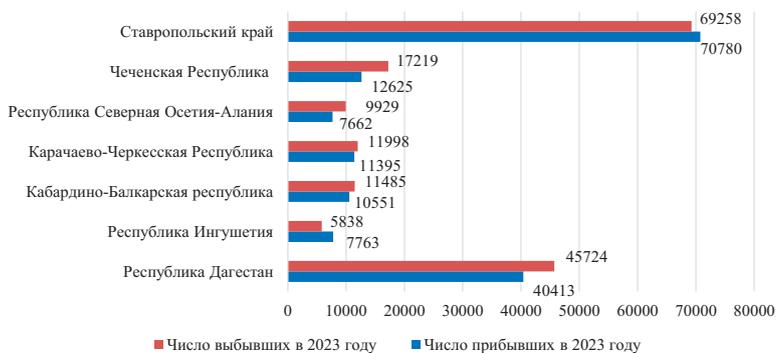

Рис. 4. Численность прибывших и выбывших по субъектам СКФО в 2023 г.

характерен только для Республики Ингушетия и Ставропольского края⁷.

Следует отметить, что основная масса трудовых мигрантов перемещается внутри страны. Основной приток трудового населения, прибывшего из-за пределов России, наблюдается лишь в Ставропольском крае и приходится в основном на страны Содружества независимых государств — Узбекистана, Азербайджана, Таджикистана, что вызывает необходимость разработки мер, регулирующих трудовую миграцию.

Таким образом, округ в настоящее время является трудоизбыточным, по прогнозам Минэкономразвития России фактор дефицита трудовых ресурсов не будет оказывать на его экономику существенного воздействия в течение

⁷ Официальный сайт Росстата: Численность и миграция населения РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

прогнозного периода до 2030 г.⁸ Однако основной проблемой СКФО является отсутствие сбалансированного рынка труда, позволяющего обеспечить кадровую потребность экономики работниками соответствующего образования и профессионально-квалификационного уровня.

Формирование сбалансированного рынка труда во многом зависит от системы образования, функционирующей на территории региона. Следует отметить, что в настоящее время в СКФО существующая профессионально-квалификационная структура рынка труда и функционирующая система образования не могут в полной мере обеспечить кадровые потребности рынка труда региона в стратегической перспективе.

Система среднего профессионального образования СКФО включает более 120 образовательных организаций. В разрезе субъектов СКФО в структуре набора абитуриентов по программам СПО 39% приходится на Ставропольский край, 32% — Республику Дагестан, 8% — Республику Северная Осетия — Алания, 7% — Кабардино-Балкарскую Республику, 6% — Карачаево-Черкесскую Республику, по 4% — на Республику Ингушетия и Чеченскую Республику. При этом по программам СПО наибольшей популярностью пользуются такие направления, как «Экономика и управление» — 16%, «Юриспруденция» — 13%, «Сестринское дело» — 10%, «Образование и педагогические науки» — 7%, «Техника и технология строительства» — 7%.

Система высшего образования СКФО включает более 60 государственных и частных образовательных организа-

⁸ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2050 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/a1a1ccf153543f921aab844b86a3f583a4b1854/.

ций. В разрезе субъектов СКФО наибольшее количество вузов расположено на территории Ставропольского края (34%) и Республики Дагестан (32%). При этом популярностью у абитуриентов по-прежнему пользуются также экономические и юридические направления подготовки.

Анализ направлений подготовки вузов и учреждений СПО на рынке образовательных услуг СКФО показывает его несоответствие запросам рынка труда, что подтверждает наличие структурного дисбаланса рынка труда в части его профессионального пополнения, которое зачастую определяется не потребностями экономики, а социально-культурными предпочтениями населения⁹.

Кроме того, наблюдается несоответствие квалификационного уровня населения структуре рабочих мест с учетом высокого уровня безработицы по отдельным субъектам СКФО. Доля рабочей силы в возрасте 22 лет и старше, имеющей среднее профессиональное и высшее образование, в общей численности рабочей силы соответствующего возраста в СКФО меньше, чем в целом по РФ. Так, по уровню образования в целом по стране в структуре занятого населения 45,0% имеют среднее профессиональное образование, 34,2% — высшее образование. В СКФО можно наблюдать противоположную картину: высшее образование имеет 35,0% занятого населения, среднее профессиональное — 30,6%. В Республике Ингушетия и Республике Северная Осетия — Алания самое большое количество занятых, имеющих высшее образование (41,0 и 48,0% соответственно).

При этом согласно данным Росстата, полученным на основе выборочного статистического учета на октябрь 2022 г.

⁹ Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://skfo.gov.ru>.

Таблица 1
Потребность организаций в рабочих для замещения вакантных должностей по профессиональным группам в субъектах СКФО, чел.

Профессиональные группы	СКФО в целом	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	КБР	КЧР	Республика Северная Осетия – Алания	Чеченская республика	Ставропольский край
Руководители	1058	91	1	59	128	108	43	638
Специалисты высшего уровня квалификации	8532	964	118	892	673	653	459	4773
Специалисты среднего уровня квалификации	3888	310	72	603	341	216	107	2240
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	1062	113	17	26	58	86	43	720
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	3639	101	27	203	226	236	67	2780
Квалифицированные работники, сельского и лесного хозяйств, рыбоводства и рыболовства	833	–	–	3	300	27	–	503

Профессиональные группы	СКФО в целом	Республика Дагестан	Республика Ингушетия	КБР	КЧР	Республика Северная Осетия — Алания	Чеченская республика	Ставропольский край
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	4513	253	2	363	1010	230	39	2615
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	2837	273	4	67	339	151	16	1988
Неквалифицированные рабочие	4412	74	20	457	362	280	183	3036
Итого	30 774	2169	261	2672	3437	1986	958	19 292

по распределению потребности в работниках по основным крупным профессиональным группам, в СКФО в общей структуре требуемых работников количество руководителей составляет 3,4%, специалисты с высшим уровнем квалификации занимают 27,7%, специалисты среднего уровня квалификации — 12,6%, квалифицированные рабочие промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, работников сельского и лесного хозяйств, рыбоводства и рыболовства — 17,4%; операторы производственных установок и машин, сборщики и водители — 9,2%, неквалифицированные рабочие — 14,3%, работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности — 11,8 %, что представлено в таблице 1¹⁰.

В соответствии с данными таблицы 1, по Республике Дагестан, Чеченской Республике и Республике Ингушетия наблюдается наименьшая потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, что является одной из актуальных проблем данных территорий, имеющих самый высокий уровень безработицы и наибольшую долю населения моложе трудоспособного возраста¹¹.

На начало 2023 г. потребность в кадрах в СКФО оценивалась на уровне 30,7 тыс. человек, причем основной дефицит приходится на вакансии с требованием к наличию среднего профессионального образования. Наибольшую потребность в кадрах испытывали, и продолжают испытывать организации, относящиеся к сфере здравоохранения и образования, сельского хозяйства, обрабатывающие про-

¹⁰ Официальный сайт Росстата. Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2022 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>.

¹¹ Официальные сайты вузов и учреждений СПО субъектов СКФО.

изводства, организации, занимающиеся производством и распределением электроэнергии, газа и воды, предприятия оптовой и розничной торговли, транспорта и связи, строительства, финансовой деятельности, а также отдыха и развлечений, культуры и спорта.

Во всех субъектах СКФО отмечается острая нехватка врачей и среднего медицинского персонала, вследствие чего во многих субъектах участковые врачи-терапевты, участковые врачи-педиатры и врачи скорой медицинской помощи широко применяют практику совместительства, что может отрицательно сказываться на качестве оказания медицинских услуг. Также особого внимания заслуживает проблема нехватки педагогических кадров для средних общеобразовательных школ, повышения уровня профессиональной подготовки педагогов и воспитателей детских дошкольных учреждений. Не менее остро стоит проблема кадрового обеспечения в сфере культуры, в которой менее 40% специалистов имеют высшее профессиональное образование.

Также актуальной проблемой кадрового обеспечения в округе остается пассивное участие реального сектора экономики и бюджетных организаций в формировании регионального заказа на подготовку кадров, а также низкий уровень финансирования затрат на повышение квалификации и профессиональную переподготовку сотрудников. Работодатели не отражают в коллективных договорах раздела развития кадрового потенциала, уменьшают затраты на обучение персонала в процентах от фонда заработной платы.

Учитывая, что профессии и компетенции, востребованные в среднесрочной и долгосрочной перспективах, должны определяться в соответствии с направлениями экономиче-

ского развития макрорегиона, в том числе, по новым профессиям и компетенциям для кадрового обеспечения инвестиционных проектов и кадровой поддержки высокотехнологичного МСП, следует отметить проблему отсутствия в СКФО системного мониторинга рынка труда и отсутствие единого цифрового ресурса. Кроме того, неэффективной является и система учета спроса и предложения кадров. На сегодняшний день в СКФО аналитические данные разнятся и не дают в целом объективной картины, поскольку каждый источник использует свои первичные данные, которые могут формироваться на основании ограниченного объема информации, нерепрезентативного с точки зрения выборки исследования.

Не менее важной проблемой кадрового обеспечения стратегических направлений развития СКФО выступает отсутствие механизмов управления содержанием и качеством подготовки кадров в соответствии с потребностями работодателей. В настоящее время в округе отсутствует комплексная система межведомственного взаимодействия по вопросам кадрового обеспечения экономики макрорегиона, обеспечивающая связь разных уровней принятия решений: федеральный/региональный/муниципальный. При этом важной задачей в процессе формирования кадрового обеспечения СКФО выступает координация не только действий всех органов исполнительной власти, но и бизнеса, образовательных организаций при подготовке кадров под запросы реального сектора экономики макрорегиона.

Обобщая вышеизложенное, можно сформировать проблемный профиль рынка труда СКФО, который включает следующие составляющие:

- несоответствие квалификационного уровня безработных структуре вакантных рабочих мест по уровню образования и профессиям;

- наличие структурного дисбаланса потребностей рынка труда в кадрах и направлений подготовки в образовательных учреждениях СКФО;

- высокий уровень напряженности и низкий уровень занятости населения;

- наличие острой проблемы молодежной безработицы;

- отсутствие реального участия работодателей в планировании потребностей подготовки кадров;

- отсутствие системного анализа и планирования кадрового потенциала региона в соответствии с уровнем образования и профессиями.

На наш взгляд, необходимо принятие следующего комплекса мер способствующего формированию кадрового потенциала и решению стратегических задач социально-экономического развития СКФО:

1) Совершенствование системы мониторинга рынка труда и трудоустройства выпускников образовательных организаций за счет:

- повышения эффективности системы статистического учета потребностей и предложений на рынке труда СКФО, которое позволит устранить недочеты проводимого выборочного наблюдения;

- формирования системы мониторинга профессионально-квалификационной сферы рынка труда, которая позволит прогнозировать реальную потребность в кадрах;

- осуществления подготовки экспертов по организации и проведению мониторингов рынка труда, выполнению соответствующих аналитических работ;

- создания системы профессиональных квалификаций в регионе, основанной на сопоставимых методологических подходах, с целью дополнения результатов мониторинга рынка труда и выявления потребности экономики СКФО в профессиональных кадрах;

- более активного привлечения работодателей к участию в формировании запроса на специалистов в рамках среднесрочного периода, учитывающего 3–5-летний цикл реализации образовательной программы.

2) Совершенствование организационно-управленческой системы обеспечения функционирования рынка труда за счет:

- создания единого аналитического центра по вопросам состояния и перспектив развития рынка труда СКФО по примеру других регионов;

- осуществления интеграции и автоматизации баз данных о существующих вакансиях и людях, находящихся в поиске работы, в единый цифровой ресурс с целью ускорения поиска предложений, удовлетворяющих всех участников данного процесса;

- развития системы партнерства органов власти, работодателей и образовательных организаций по вопросам подготовки кадров и развития трудовых ресурсов.

3) Разработка цифровой платформы и формирование прозрачной информационной системы о состоянии рынка труда в регионе за счет:

- разработки и запуска единого информационного портала, состоящего из ресурсов служб занятости, центров компетенций, рекрутинговых и кадровых агентств, информации о ключевых отраслях экономики субъектов, входящих в СКФО, о крупных работодателях, о возможностях

трудоустройства молодежи, ее популяризации через средства массовой информации, социальные сети и образовательные организации;

— проведения просветительской работы по вопросам поиска информации о рынке труда для населения субъектов СКФО, ее аналитики и использования, популяризации региональных информационных ресурсов о рынке труда.

4) Совершенствование образовательной политики в макрорегионе за счет:

— оптимизации образовательных программ вузов и учреждений СПО с целью приведения их в соответствие отраслевым трендам и потребностям рынка труда, профессиональным стандартам, показателям среднесрочного планирования и прогнозирования в отраслях экономики в рамках реализации Национального проекта «Образование», Национального проекта «Демография» и национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»;

— проведения мониторинга образовательных программ негосударственного сектора высшего и среднего профессионального образования с целью подготовки студентов, ориентированного на потребности рынка труда, а не на запросы абитуриентов и их родителей;

— оптимизации образовательных программ вузов и учреждений СПО с целью кадрового обеспечения кадрами приоритетных для СКФО отраслей экономики: туризм и сервис, сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, здравоохранение, строительство и др.;

— создания цепочки «место учебы» — «место работы», а также развитие системы дуального образования на базе работодателей — партнеров, положив в основу успешные региональные кадровые практики;

- осуществления обучения преподавательского состава образовательных организаций в части формирования компетенций понимания отраслевых трендов и требований к умениям и навыкам перспективных профессий;

- осуществления дальнейшей модернизации инфраструктуры учреждений среднего профессионального образования (создание межрегиональных центров компетенций, развитие процесса сетевого взаимодействия, создание мастерских, оснащенных современной материально-технической базой по отдельным компетенциям в различных субъектах СКФО);

- дальнейшего развития системы среднего профессионального образования на базе вузов;

- обеспечения формирования региональных образовательных кластеров, способствующих повышению конкурентоспособности образовательной системы СКФО;

- дальнейшего развития системы дополнительного образования, позволяющей обеспечить повышение квалификации и переподготовку педагогов и воспитателей детских дошкольных учреждений, кадров системы библиотек и других востребованных рынком труда профессий.

5) Повышение эффективности профориентационной деятельности за счет:

- разработки и реализации единого профориентационного проекта, интегрирующего все уровни профориентационной работы (школьники, студенты учреждений СПО, студенты вузов) и распространяющегося на сельские территории СКФО;

- активизации деятельности в сфере профориентационной работы образовательных организаций СПО и ВО, центров компетенций, кванториумов, органов

муниципальной власти, крупных предприятий, центров «Мой бизнес», профильных общественных организаций работодателей и т.д.;

— реализации программ привлечения школьников к стажировкам на предприятиях в форме временного трудоустройства в летний период;

— создания цифровой профориентационной платформы с последующим запуском в школах и организациях СПО и вузов для проведения прямых эфиров и онлайн-общения с представителями профессиональных и образовательных организаций, работодателями.

6) Управление миграционными потоками в СКФО за счет:

— стимулирования притока высококвалифицированных кадров в субъекты СКФО, снижения оттока кадров за счет создания благоприятных условий для привлечения инвестиций в отрасли, обеспечивающие достойный уровень заработной платы;

— повышения роли профессиональных сообществ в управлении миграцией трудовых ресурсов внутри СКФО и обеспечении их адаптации на новых местах работы, развития института наставничества на предприятиях различных отраслей, размеров и форм собственности;

— усиления контроля за соблюдением трудового законодательства в регионе, недопущения дискриминации в отношении выплаты заработной платы молодым специалистам, выплаты заработной платы «в конверте».

7) Разработка и реализация программ трудоустройства молодежи за счет:

— создания в СКФО общей базы данных по имеющимся для молодежи вакансиям на рынке труда, реализации соответствующих программ переподготовки, привлечения рабо-

тодателей к разработке системы формирования кадрового резерва из числа студентов вузов и организаций СПО;

— формирования системы распределения выпускников образовательных учреждений СКФО в трудодефицитные регионы с предоставлением жилья молодым специалистам, льготного проезда, доплат, иных мер социальной поддержки и др., создания временных рабочих мест для молодежи, включая организацию общественных и временных работ;

— формирования механизма регионального заказа и целевого обучения для молодежи из сельской местности по приоритетным для территории профессиям и квалификациям;

— развития удаленных форм трудовой занятости молодежи, позволяющих жителям СКФО трудоустроиться в других регионах без выезда за пределы региона постоянного проживания.

8) Развитие сферы предпринимательства и некоммерческого сектора за счет:

— формирования предпринимательских компетенций у студентов организаций СПО и ВО на основе введения в образовательные программы модуля дисциплин, связанных с предпринимательской деятельностью;

— популяризации предпринимательства среди школьников посредством внедрения в программы соответствующих факультативных дисциплин или дополнительных программ;

— реализации обучающих программ для преподавательского состава средних общеобразовательных школ, организаций СПО и вузов, преподающих дисциплины по предпринимательству и деятельности НКО;

- создания в СКФО регионального центра предпринимательского образования с целью систематизации имеющихся основных и дополнительных образовательных программ по предпринимательству, обучения преподавателей, разработки методического обеспечения и онлайн-курсов;

- создания условий для активизации участия образовательных учреждений СКФО в процессе практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности, обеспечение поддержки малого инновационного предпринимательства в государственных образовательных учреждениях высшего образования;

- разработки и реализации программ бизнес-акселерации инновационных симуляторов;

- привлечения крупного бизнеса к реализации программ развития предпринимательства в СКФО на основе реализации импакт-инвестиций и поддержки социальных предпринимателей.

С целью обеспечения эффективности реализации предложенных мер, по нашему мнению, целесообразным является разработка Концепции кадрового обеспечения Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2030 г. (далее — Концепция) и дорожных карт ее реализации по каждому субъекту.

Основными задачами Концепции кадрового обеспечения будут являться:

- формирование комплексной системы подготовки и переподготовки кадров для приоритетных направлений развития СКФО;

- разработка системы управления трудовыми ресурсами, обеспечивающей создание условий для трудоустройства молодежи субъектов СКФО;

— развитие кадрового потенциала в макрорегионе, как важнейшего ресурса реализации основных направлений Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2030 г.;

— совершенствование механизмов взаимодействия органов власти, работодателей и образовательных организаций по вопросам формирования сбалансированного рынка труда.

Реализация Концепции кадрового обеспечения позволит:

— создать систему комплексного мониторинга профессионально-квалификационной сферы рынка труда, позволяющей моделировать реальную ситуацию со спросом и предложением рабочей силы в СКФО, и прогнозировать потребность в кадрах;

— создать единый цифровой ресурс для интеграции и автоматизации баз данных о существующих вакансиях и людях, находящихся в поиске работы, с целью ускорения поиска предложений для всех участников рынка труда;

— обеспечить сбалансированность рынка труда в части потребностей экономики и профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов;

— оптимизировать процесс взаимодействия образовательных организаций и работодателей.

Следует учитывать, что институциональные структурные изменения, происходящие в российской экономике в целом и на рынке труда в частности, могут увеличить риски дальнейшего роста напряженности на рынке труда и обеспечения занятости, усилив ее дифференциацию в СКФО. За счет комплексного внедрения предлагаемых направлений совершенствования управления кадровым потенциалом округа регион может увеличить эффективность сопротивления

данным изменениям и сформировать сбалансированную систему кадрового обеспечения стратегических направлений развития макрорегиона.

Библиографический список

1. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/.
2. Официальный сайт Росстата: Трудовые ресурсы https://rosstat.gov.ru/labour_force.
3. Официальный сайт Росстата. Рынок труда, занятость и заработная плата. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.
4. Официальный сайт ВНИИ ТРУДА Минтруда РФ. Потенциальная рабочая сила современной России: Социально-демографический портрет и уровень образования. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://vcot.info/blog/potencial-naa-rabocaa-sila-sovremennoj-rossii-social-no-demograficeskij-portret-i-uroven-obrazovania>.
5. Князькова Е.А. Проблемы занятости и безработицы российской молодежи // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2022. — Т. 2. — № 3. — С. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9>. EDN: KFEPTT.
6. Официальный сайт Росстата: Численность и миграция населения РФ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
7. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/a1a1ccf153543f921aab844b86a3f583a4b1854/.

8. Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://skfo.gov.ru>.
9. Официальный сайт Росстата. Сведения о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2022 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>.
10. Официальные сайты вузов и учреждений СПО субъектов СКФО.

References

1. The strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District for the period up to 2030. [electronic resource]. Access mode: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/.
2. The official website of Rosstat: Human resources https://rosstat.gov.ru/labour_force.
3. The official website of Rosstat. The labor market, employment and wages. [Electronic resource] Access mode: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.
4. The official website of the Institute of Labor of the Ministry of Labor of the Russian Federation. The potential workforce of modern Russia: Socio-demographic profile and level of education. [electronic resource]. Access mode <https://vcot.info/blog/potencial-naa-rabocaa-sila-sovremennoj-rossii-social-no-demograficeskij-portret-i-uroven-obrazovania>.
5. Knyazkova E.A. Problems of employment and unemployment of Russian youth // DEMIS. Demographic research. 2022. Vol. 2. No. 3. pp. 116–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.9> . EDN: KFEPTT.
6. The official website of Rosstat: The number and migration of the population of the Russian Federation. [Electronic resource] Access mode: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.

7. Forecast of the long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030.[electronic resource]. Access mode https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/a1a1ccf153543f921aabd844b86a3f583a4b1854/.
8. The official website of Rosstat. Information on the number and needs of organizations for employees by professional groups as of October 31, 2022 [Electronic resource] Access mode: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13266>.
9. The official website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the North Caucasus Federal District. [Electronic resource] Access mode: <http://skfo.gov.ru>.
10. Official websites of universities and educational institutions of the North Caucasus Federal District.

Контактная информация / Contact information

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»

355017, Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1

North Caucasus Federal University

1, Pushkina str., Stavropol, 355017, Russia

Калюгина Светлана Николаевна / Svetlana N. Kalyugina

s.kalyugina@gmail.com

DOI: 10.38197/2072-2060-2024-250-6-393-416

РЕФЕРЕНТНАЯ МОДЕЛЬ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА¹

THE REFERENCE MODEL OF INNOVATIVE POTENTIAL IN THE SYSTEM OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF THE REGION²

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Формирование интеллектуального кибер-физического технополиса депрессивного района на основе системообразующего инновационно-активного кластера для повышения экономической безопасности региона», номер соглашения 23-28- 01226.

² The publication was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation as part of the project «Formation of an intelligent cyber-physical technopolis of a depressed area based on a backbone innovation-active cluster to increase the economic security of the region,» agreement number 23-28- 01226.

БАЛОГ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Заведующий кафедрой экономики, финансов и финансового права, Псковский государственный университет, к.э.н., доцент

MIKHAIL M. BALOG

Head of the Department of Economics, Finance and Financial Law, Pskov State University, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

БАБКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Профессор Высшей инженерно-экономической школы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; главный научный сотрудник НИЛ «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности», Псковский государственный университет, д.э.н., профессор

ALEXANDER V. BABKIN

Professor of the Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Chief Researcher, Research Center for Integrated Study of Regional Security Problems, Pskov State University, Doctor of Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

Активизация угроз экономической безопасности, происходящая на фоне противостояния с недружественными странами, обосновывает цель данного исследования, заключающуюся в создании референтной модели инновационного потенциала и определении его роли в системе обеспечения экономической безопасности региона. В рабо-

те сформулировано авторское определение инновационного потенциала территории и разработана референтная модель инновационного потенциала региона, характеризующаяся системообразующей функцией цифрового субпотенциала, а также спроектирована модель системы экономической безопасности региона с определением в ней роли инновационного потенциала.

ABSTRACT

The intensification of threats to economic security, taking place against the backdrop of confrontation with unfriendly countries, justifies the purpose of this study, which is to create a reference model of innovative potential and determine its role in the system of ensuring the economic security of the region. The work formulated the author's definition of the innovation potential of the territory, and developed a reference model of the region's innovation potential, characterized by the system-forming function of the digital subpotential, and also designed a model of the region's economic security system with a definition of the role of innovation potential in it.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Инновационный потенциал, экономическая безопасность, регион, цифровизация, инновации, научно-технический потенциал.

KEYWORDS

Innovative potential, economic security, region, digitalization, innovation, scientific and technical potential.

ВВЕДЕНИЕ

Внимание к вопросам обеспечения экономической безопасности в настоящее время актуализируется военно-политическим и экономическим противостоянием России с коллективным Западом и обострением на этом фоне внутренних угроз экономической безопасности. В вопросе со-

отнесения национальной и региональной экономической безопасности существует несколько исследовательских подходов, при этом большинство из них отводит региональному уровню весомую и вполне самостоятельную роль. Так, концепция баланса интересов основана на идее гармонизации интересов федерального и регионального уровней управления и обосновании значимости каждого из них. Концепция регион-квазигосударство рассматривает регион как относительно обособленную и самостоятельную подсистему национальной экономики. Региональная концепция определяет экономическую безопасность региона в качестве необходимого условия и основы национальной экономической безопасности [1]. Данные методологические подходы обосновывают важную роль регионального уровня в системе экономической безопасности страны, что послужило выбором региона в качестве объекта исследования.

С середины 2000-х гг. в документах стратегического планирования и многочисленных публикациях подчеркивается необходимость перехода от экспортно-сырьевой к инновационной модели экономического развития [2]. Ограниченность запасов полезных ископаемых, высокая волатильность цен на нефть и низкая конкурентоспособность основанной на природных ресурсах модели роста обусловили внимание к инновациям, как драйверу развития страны и регионов, сочетающему в себе высокий потенциал устойчивого экономического роста и социального благополучия. Многочисленные теоретические работы содержат положения о значимом влиянии инноваций на обеспечение экономической безопасности посредством роста экономической эффективности и кон-

курентоспособности инновационно-активных организаций и их объединений, что обеспечивает положительные экономические и социальные эффекты на уровне региона и страны в целом [1, 17]. В свою очередь, эмпирические исследования обосновывают данные выводы экономико-математическим инструментарием. Так, согласно Глобальному инновационному индексу за период с 2012 по 2022 г. инновации способствовали годовому приросту производительности труда в мире на 2,2% [3]. Также обосновывается значимая роль инноваций в развитии региональной экономики — однопроцентный рост числа организаций, выполняющих научные исследования и разработки может привести к увеличению валового регионального продукта на 0,85% [4]. Выполненный обзор литературы определяет актуальность использования в качестве предмета данного исследования инновационного потенциала как элемента системы обеспечения экономической безопасности региона.

Целью работы является создание референтной модели инновационного потенциала и определение его роли в системе обеспечения экономической безопасности региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Для достижения поставленной цели в работе были использованы такие общенаучные методы как декомпозиция, абстрагирование, системный, сравнительный и функциональный анализ, синтез, моделирование и систематизация.

Основными материалами в рамках исследования выступили аналитические отчеты, статистические данные, теоретические и эмпирические работы, рассматривающие

инновационный потенциал, инновационную деятельность и инновации, а также публикации, посвященные обеспечению экономической безопасности региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках тематики инновационного потенциала региона значительное количество научных работ посвящено дискуссиям о сущности данного понятия. Представленные в них определения инновационного потенциала были проанализированы и систематизированы на основе своего содержательного наполнения, результатом чего стало обоснование следующих подходов к сущности инновационного потенциала региона:

- ресурсный — рассматривает инновационный потенциал в качестве объединения различных видов ресурсов, включая как вполне традиционные для экономической системы (материальные, финансовые), так и наукоемкие ресурсы (интеллектуальные, научно-технические) [5, 6];
- результативный — предполагает, что инновационный потенциал является совокупностью конкретных результатов инновационной деятельности в виде инновационных продуктов и процессов, сгенерированных на территории региона [7, 8];
- ресурсно-управленческий — помимо различных факторов региональной экономической системы (научных, производственных, экономических, правовых) в рамках данного подхода отдельно выделяются организационно-управленческие возможности к инновационному развитию [9];
- спиральный — данный подход основан на абстрагировании циклической динамики последовательно

сменяющих друг друга экономических сущностей и отражающих их понятий: инновационного потенциала, инновационной деятельности и инновационной активности. Завершение каждого цикла означает новый возврат к инновационному потенциалу, но уже в обогащенном виде за счет процессов, происходящих на предшествующих этапах. В первоначальном же виде инновационный потенциал предстает как совокупность уникальных ресурсов предприятий региона [10];

- организационно-результативный — дуалистическая природа данного подхода включает широкий спектр институционализированных структур учебного и научного характера, а также результаты их деятельности в виде разнообразных инновационных продуктов и услуг. При этом в инновационный потенциал предлагается включать организации и учреждения только в том случае, если инновации создаются ими на постоянной основе [7];
- мультипотенциальный — это подход, представляющий инновационный потенциал в качестве системы взаимосвязанных и взаимозависимых потенциалов (научно-технического, образовательного, информационно-коммуникационного, производственного, финансово-экономического, организационного, кадрового, инвестиционного), которые региональная экономика может использовать для инновационного развития. Каждый из указанных потенциалов содержит не только соответствующие ресурсы, но и управленческую составляющую [11, 12];
- комплексный — использует элементы нескольких исследовательских подходов, объединяя тем самым

ресурсы, факторы, различные условия, готовность (мотивацию) и способность (компетенции) субъектов инновационного процесса в лице организаций и региональных органов власти, а также конечные результаты инновационной деятельности в виде знаний, процессов и товаров [13–16].

Декомпозиция определений понятия инновационного потенциала региона позволила выделить в их составе такие структурные элементы как предмет, объект, субъект, условия и цель. На основе анализа их содержательного наполнения было сформулировано авторское определение инновационного потенциала региона, под которым мы понимаем систему комплементарных субпотенциалов включающих материальные и нематериальные ресурсы, благодаря которым инновационно-активные организации при содействии федеральных и региональных органов власти в условиях влияния внешних и внутренних факторов имеют возможность осуществлять инновационную деятельность. Методология построения данного определения основана на комбинации ресурсного и мультипотенциального подходов. Ресурсный подход соответствует традиционному семантическому наполнению термина «потенциал» как имеющихся в наличии средств, которые могут быть затем целенаправленно использованы. Мультипотенциальный подход дополняет ресурсную базу инновационного потенциала территории активной организационной составляющей, которая позволяет оптимизировать структуру, улучшать качество и обеспечивать высокий уровень готовности ресурсов к их использованию в предстоящей инновационной деятельности.

Структура инновационного потенциала региона рассматривается в двух категориях исследований. В теоретических

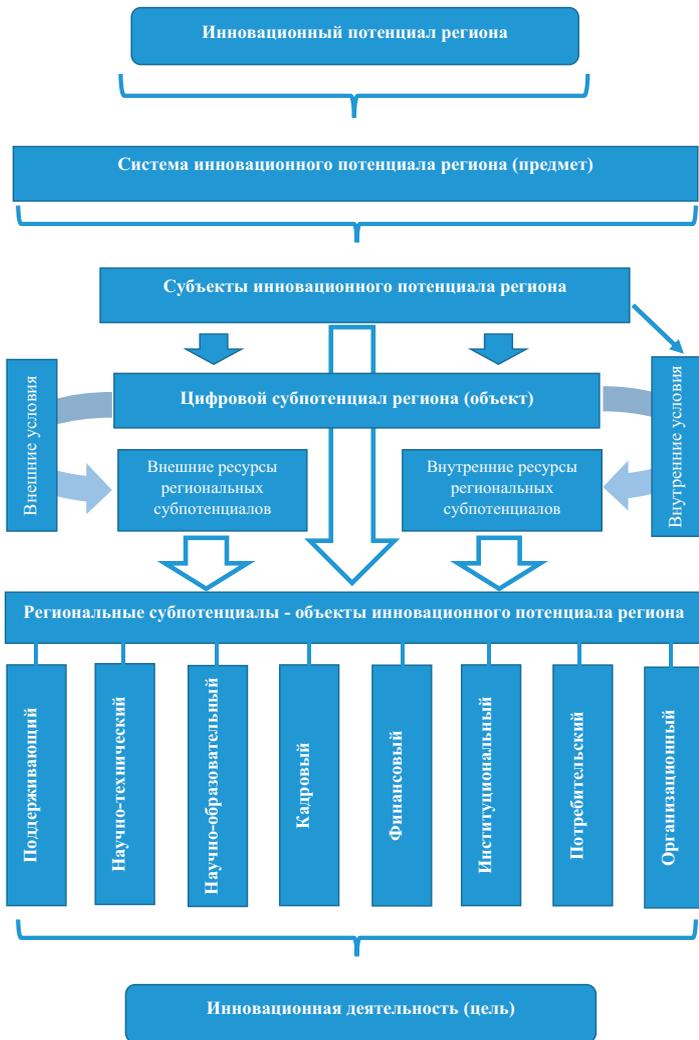

Рис. 1. Референтная модель иновационного потенциала региона

Источник: составлено авторами

работах, которые ставят своей целью определение элементов инновационного потенциала, а также выявление связей этих элементов между собой и с факторами внешней среды [11, 15]. В эмпирических исследованиях, направленных на оценку инновационного потенциала территории посредством создания системы показателей, характеризующих его состояние и динамику развития [7, 9, 25].

Анализ научной литературы [9, 11, 12, 14, 15, 17] позволил разработать референтную модель инновационного потенциала региона, представленную на рисунке 1. В качестве составляющих данной модели были использованы ранее определенные элементы дефиниции инновационного потенциала региона: предмет, объект, субъект, условия и цель.

Цифровой субпотенциал представляет собой совокупность законодательно регулирующих процесс цифровизации документов, цифровую инфраструктуру региона, цифровые технологии, применяемые региональными субъектами инновационной деятельности и кадры ИТ-отрасли обеспечивающие данный процесс, используемый новаторами информационный контент и информационные ресурсы, а также цифровые компетенции субъектов инновационной деятельности.

Центральная роль цифрового субпотенциала в структуре инновационного потенциала, обосновывается тремя обстоятельствами. Во-первых, возможностью при помощи цифровых решений привлекать необходимые внешние (вычислительные мощности, облачные хранилища данных, уникальных специалистов, финансирование, потребителей и т.д.) и внутренние ресурсы из смежных с инновационным потенциалом экономических сфер, усиливая тем самым различные составляющие инновационного потенциала

территории. Во-вторых, сквозным характером цифровых технологий, которые в силу своей универсальности используются во всех субпотенциалах и позволяют обеспечивать высокоэффективное взаимодействие между их субъектами. В-третьих, выраженным положительным влиянием процесса цифровизации на различные сферы социально-экономического развития региона, включая все структурные элементы инновационного потенциала.

В частности, это влияние выражается в следующем: для поддерживающего и потребительского субпотенциалов — при помощи роботизации и внедрения технологий искусственного интеллекта повышается производительность труда, сокращается себестоимость и улучшается качество управленческих решений на предприятиях реального сектора экономики являющихся для компаний-инноваторов заказчиками и поставщиками товаров и услуг [18]. Для научно-технического субпотенциала — технология цифровых двойников удешевляет и ускоряет процесс разработки и коммерциализации инноваций для научно-технических организаций [19]. Для образовательного и кадрового субпотенциалов — информационно-коммуникационные технологии повышают доступность образования (в том числе корпоративного), делают его более адаптивным, персонализированным и инновационным. Для финансового субпотенциала — цифровизация финансовых организаций позволяет им бороться с мошенничеством, оптимизировать внутренние процессы, обеспечивать высокий уровень клиентоцентричности и выполнять требования регулятора финансового рынка.

Рассмотрим более подробно субпотенциалы инновационного потенциала региона. Поддерживающий суб-

потенциал представляет собой совокупность компаний из различных отраслей реального сектора региональной экономики, способных производить для инновационно-активных организаций промышленную продукцию, оказывать производственные, транспортно-логистические, консультативные, маркетинговые, научно-технические, социальные и прочие услуги [7].

Научно-технический субпотенциал включает организации, осуществляющие научную либо научно-техническую деятельность, а также готовые результаты интеллектуальной деятельности, которые были разработаны или внедрены в регионе.

Научно-образовательный субпотенциал представляет собой совокупность научно-образовательных организаций [15], их кадровый состав (прежде всего в лице докторов и кандидатов наук), а также студентов, аспирантов и выпускников данных организаций [14].

Кадровый субпотенциал основывается на демографическом потенциале и человеческом капитале региона. Первый из них отражает такие количественные характеристики как динамика численности населения и его половозрастная структура, продолжительность жизни. Второй — характеризует качественную сторону населения в виде обладаемых им компетенций, способностей, здоровья и мотивации к деятельности.

Финансовый субпотенциал включает финансовое состояние организаций региона, финансовую инфраструктуру и инструменты финансовой поддержки региональных инновационных проектов [5, 9]. К данным инструментам относятся венчурное финансирование, государственно-частное партнерство, региональные субсидии, гранты, налоговые льготы, государственные гарантии, льготы по арендной

плате за имущество, находящееся в собственности субъекта Федерации или входящих в него муниципалитетов.

Институциональный субпотенциал основывается на документах стратегического планирования в области социально-экономического и инновационного развития [24], нормативно-правовых документах, регулирующие, в том числе стимулирующие инновационную деятельность [14], правоприменительной практике по защите интеллектуальной собственности [5], а также на неформальных институтах (культура инноваций, ассоциативность, расположенность к обучению, культура сотрудничества, ориентация на благополучие работников, наставничество на рабочем месте).

Потребительский субпотенциал определяется спросом на результаты научных исследований и разработок в регионе со стороны организаций различных отраслей экономики и граждан, а также экспортом инновационных товаров и услуг [9]. Отметим, что потребительский компонент инновационного потенциала региона зависит не только от финансовых и технологических возможностей потребителей, но также от их инновационной культуры и компетенций. Потенциальные потребители должны понимать инновации в контексте улучшения своих бизнес-процессов или повышения качества жизни.

Организационный субпотенциал включает такие формы организации инновационной деятельности как инкубатор, технопарк, системообразующий кластер, технополис, наукоград и основанную на синергетическом взаимодействии данных элементов инновационно-промышленную экосистему [17]. Кроме того, к данному компоненту инновационного потенциала можно отне-

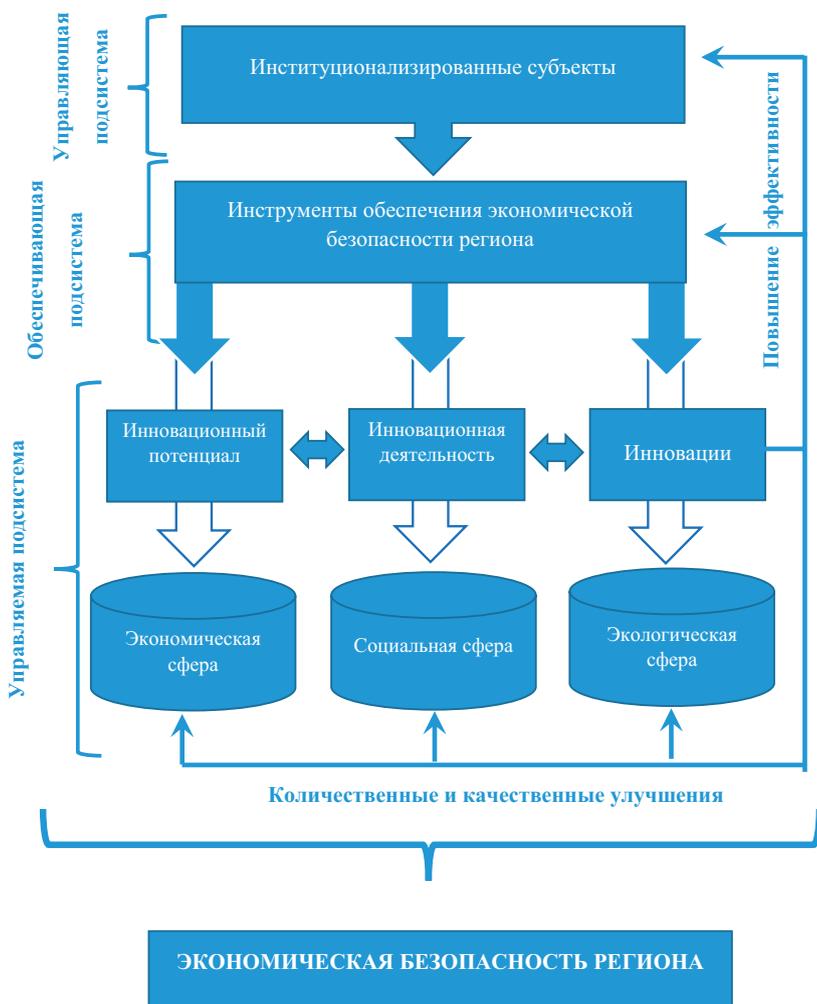

Рис. 2. Модель системы экономической безопасности региона

Источник: составлено авторами

сти механизмы распространения знаний и диффузии инноваций.

Переходя к рассмотрению системы обеспечения экономической безопасности региона и определению роли инновационного потенциала в данной системе отметим, что последняя представляет собой единство управляющей, обеспечивающей и управляемой подсистем. Управляющая подсистема включает институционализированных субъектов, оказывающих непосредственное влияние на состояние экономической безопасности региона. К ним относятся органы власти федерального и регионального уровней управления, органы местного самоуправления и различные общественные объединения, влияющие на социально-экономические процессы в регионе.

Обеспечивающая подсистема объединяет совокупность инструментов, при помощи которых субъекты управляющей подсистемы имеют возможность оказывать влияние на состояние экономической безопасности территории. В число данных инструментов входят цели, задачи, принципы, методы, критерии, методики и показатели обеспечения экономической безопасности региона.

Развитие цифровых инноваций повышает эффективность имеющегося у институционализированных субъектов инструментария по обеспечению экономической безопасности территории. Цифровые решения, интегрированные в городскую и (или) региональную среду позволяют создать интеллектуальную социокиберфизическую экосистему управления экономической безопасностью территории. Реализация данного подхода обеспечит мониторинг экономической безопасности региона в режиме реального времени, моделирование последствий развития

угроз и поддержку процесса принятия решений по противодействию данным угрозам [21]. Интеллектуальная экосистема управления экономической безопасностью территории способна повысить качество принимаемых на региональном уровне управленческих решений, а также снизить время реагирования на нейтрализацию вызовов и угроз экономической безопасности [22]. Кроме того, использование высокочастотных данных, поступающих из различных источников, будет способствовать расширению спектра управляемых процессов.

Инновации также способствуют улучшению состояния всех элементов управляемой подсистемы, что находит отражение в положительной динамике количественных показателей их развития, результатом чего могут стать качественные преобразования в экономической, социальной и экологической сферах региона. Машинное обучение, промышленные роботы и цифровые дойки повышают производительность труда и сокращают издержки на предприятиях. Платформенные решения формируют возможность онлайн-доступа к государственным услугам, электронной коммерции и удаленной занятости, а также обеспечивают безопасность городской среды, повышая тем самым качество жизни населения. Технологии искусственного интеллекта и больших данных осуществляют многофакторный мониторинг и прогнозирование экологической ситуации для принятия решений в режиме реального времени [23]. Кроме того, цифровые инновации способствуют решению ряда экологических проблем, в частности касающихся оптимизации сельскохозяйственных операций, ресурсосбережения, сортировки мусора и экологического образования населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании были получены следующие результаты:

1) проанализированы и систематизированы содержащиеся в научной литературе дефиниции понятия инновационного потенциала региона, что позволило обосновать основные методологические подходы к его сущности. На основе ресурсного и мультипотенциального подходов сформулировано авторское определение инновационного потенциала территории;

2) разработана референтная модель инновационного потенциала региона, в которой цифровой субпотенциал играет системообразующую роль, поскольку цифровые решения способны привлекать необходимые ресурсы из внешней и внутренней среды, а также обеспечивать связанность и прогрессивное развитие всех элементов инновационного потенциала;

3) спроектирована авторская модель системы экономической безопасности региона, в рамках которой функция инновационного потенциала заключается в обеспечении ресурсных и организационных возможностей для осуществления инновационной деятельности и последующего получения инновационных продуктов, оказывающих положительное влияние на состояние экономической безопасности территории.

Подводя итоги исследования, следует подчеркнуть необходимость ускорения процессов развития цифровых технологий для активизации формирования и использования инновационного потенциала на региональном уровне. От качества и быстроты решения данной задачи зависит обеспечение экономической безопасности не только региона, но и страны в целом.

Библиографический список

1. Николаев М.А., Демидова С.Е., Балог М.М. Методология управления экономической безопасностью на региональном уровне. Часть I: коллективная монография. — Псков: Псковский государственный университет, 2018. — 220 с. — ISBN 978-5-91116-757-8.
2. Дмитриевский А.Н., Мастепанов А.М., Бушуев В.В. Ресурсно-инновационная стратегия развития экономики России // Вестник Российской академии наук. — 2014. — Т. 84. — № 10. — С. 867. — DOI: 10.7868/S0869587314100077.
3. Глобальный инновационный индекс 2023 года. — URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (дата обращения: 25.06.2024).
4. Теребова С.В., Иванов С.Л. Оценка вклада инновационных организаций в экономику российских регионов // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Том 12. — № 4. — С. 2249–2268. — DOI: 10.18334/vines.12.4.116754.
5. Рудская И.А. Инновационный потенциал как фактор конкурентного развития региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2014. — № 4(199). — С. 110–119.
6. Царева Е.Г. Сущность инновационного потенциала региона на основе контент-анализа публикаций ученых // Друкеровский вестник. — 2023. — № 6. — С. 193–204. — DOI: 10.17213/2312-6469-2023-6-193-204.
7. Рудич С.Б. Инновационный потенциал региона и основные подходы к его оценке // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2018. — № 42. — С. 89–104. — DOI: 10.17223/19988648/42/6.
8. Губанова Е.С., Москвина О.С. Методологические аспекты оценки инвестиционно-инновационного потенциала региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции,

- прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 2. — С. 41–55. — DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.3.
9. Сазонова А.С., Филиппова Л.Б., Филиппов Р.А. Оценка инновационного потенциала региона // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. — 2017. — Т. 79. — № 2(72). — С. 273–279. — DOI: 10.20914/2310-1202-2017-2-273-279.
 10. Матюгина Э.Г., Цап Н.Г., Клабукова А.А. и др. Инновационный потенциал территорий // Международный научно-исследовательский журнал. — 2020. — № 5–2(95). — С. 64–69. — DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.048.
 11. Франк Е.В. Методологические подходы к изучению категории «инновационный потенциал» // Экономические и социально-гуманитарные исследования. — 2018. — № 2(18). — С. 64–72. — DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-64-72.
 12. Перевозчикова Н.А., Багдасарова Д.Г. Инновационный потенциал региона: сущность и методические подходы к его оценке // Вестник Института экономических исследований. М.: 2020. № 3(19). — С. 91–99.
 13. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России. — Москва: ИД Университетская книга, 2017. — 358 с. — ISBN 978-5-91304-721-2.
 14. Маскайкин Е.П., Арцер Т.В. Инновационный потенциал региона: сущность, структура, методика оценки и направления развития // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2009. — № 21(154). — С. 47–53.
 15. Барлыбаева Ф.Б., Княгинина Г.В., Ситнова И.А. Потенциал инновационного развития территории: методика исследования и направления эффективной реализации // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2011. — № 3(27). — С. 26–34.

16. Монастырный Е.А. Термины и определения в инновационной сфере // *Инновации*. — 2008. — № 2(112). — С. 28–31.
17. Шкарупета Е.В., Бабкин А.В., Перышкин М.О. Управление технополисным инновационным развитием в условиях цифровизации промышленности для повышения экономической безопасности региона. — Курск: Закрытое акционерное общество "Уни", 2023. — 146 с. — ISBN 978-5-907818-25-5.
18. Фролов К.В., Бабкин А.В., Фролов А.К. Понятие и сущность цифровизации и цифровой трансформации на основе фундаментальных и прикладных аспектов системно-кибернетической теории // *π-Economy*. — 2024. — № 1(17). — С. 7–26. — DOI: 10.18721/πE.17101.
19. Наташкина Е.А., Ажлуни А.М., Шарыгина О.Л. Влияние цифровизации на инновационные процессы в промышленности // *Вестник аграрной науки*. — 2022. — № 2(95). — С. 146–151. — DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.2.146.
20. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Сравнительный анализ цифровых двойников регионов // *Информационное общество*. — 2023. — № 4. — С. 106–117. — DOI: 10.52605/16059921_2023_04_106.
21. Balog M., Babkin A. Trends in the digitalization impact on the economic security of the region. In: *E3S Web of Conferences, Voronezh*. — 2023. — Vol. 458. — № 05009. — DOI: 10.1051/e3sconf/202345805009
22. Balog M., Babkin A., Shkarupeta E. Digital tools for managing the economic security of a depressed region. In: *E3S Web of Conferences, Voronezh*. — 2023. — Vol. 458. — № 05022. — DOI: 10.1051/e3sconf/202345805022.
23. Сазонова М. Как в России планируют использовать потенциал цифровых технологий для решения проблем в сфере экологии? — URL: <https://www.garant.ru/news/1566171/> (дата обращения: 28.06.2024).
24. Бабкин А.В., Трысячный В.И. Стратегические направления совершенствования управления экономической безопасностью ре-

гиона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2009. — № 4(81). — С. 201–205.

25. Бабкин А.В., Ноговицына О.С. Научно-методические аспекты оценки эффективности инновационной инфраструктуры промышленного комплекса региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. — 2012. — № 1(139). — С. 56–61.

References

1. Nikolaev M.A., Demidova S.E., Balog M.M. Metodologija upravljenja jekonomicheskoj bezopasnost'ju na regional'nom urovne. Chast' I: kollektivnaja monografija. — Pskov : Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2018. — 220 s. — ISBN 978-5-91116-757-8.
2. Dmitrievskij A.N., Mastepanov A.M., Bushuev V.V. Resursno-innovacionnaja strategija razvitija jekonomiki Rossii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. — 2014. — T. 84. — № 10. — S. 867. — DOI: 10.7868/S0869587314100077.
3. Global'nyj innovacionnyj indeks 2023 goda. — URL: https://www.wipo.int/global_innovation_index/ru/2023/ (data obrashhenija: 25.06.2024).
4. Terebova S.V., Ivanov S.L. Ocenka vklada innovacionnyh organizacij v jekonomiku rossijskih regionov // Voprosy innovacionnoj jekonomiki. — 2022. — Tom 12. — № 4. — S. 2249–2268. — DOI: 10.18334/vinec.12.4.116754.
5. Rudskaja I.A. Innovacionnyj potencial kak faktor konkurentnogo razvitija regiona // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. — 2014. — № 4(199). — S. 110–119.
6. Carjova E.G. Sushhnost' innovacionnogo potencia-la regiona na osnove kontent-analiza publikacij uchenyh //

- Drukerovskij vestnik. — 2023. — № 6. — S. 193-204. — DOI: 10.17213/2312-6469-2023-6-193-204.
7. Rudich S.B. Innovacionnyj potencial regiona i osnovnye podhody k ego ocenke // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika. — 2018. — № 42. — S. 89-104. — DOI: 10.17223/19988648/42/6.
 8. Gubanova E.S., Moskvina O.S. Metodologicheskie aspekty ocenki investicionno-innovacionnogo potenciala regiona // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2020. — T. 13. — № 2. — S. 41-55. — DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.3.
 9. Sazonova A.S., Filippova L.B., Filippov R.A. Ocenka innovacionnogo potenciala regiona // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inženernyh tehnologij. — 2017. — T. 79. — № 2(72). — S. 273-279. — DOI: 10.20914/2310-1202-2017-2-273-279.
 10. Matjugina Je.G., Cap N.G., Klabukova A.A. i dr. Innovacionnyj potencial territorij // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2020. — № 5-2(95). — S. 64-69. — DOI: 10.23670/IRJ.2020.95.5.048.
 11. Frank E.V. Metodologicheskie podhody k izucheniju kategorii «innovacionnyj potencial» // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. — 2018. — № 2(18). — S. 64-72. — DOI: 10.24151/2409-1073-2018-2-64-72.
 12. Perevozchikova N.A., Bagdasarova D.G. Innovacionnyj potencial regiona: sushhnost' i metodicheskie podhody k ego ocenke // Vestnik Instituta jekonomicheskikh issledovanij. — 2020. — № 3(19). — S. 91-99.
 13. Baburin V.L., Zemcov S.P. Innovacionnyj potencial regionov Rossii. — Moskva : ID Universitetskaja kniga, 2017. — 358 s. — ISBN 978-5-91304-721-2.
 14. Maskajkin E.P., Arcer T.V. Innovacionnyj potencial regiona: sushhnost', struktura, metodika ocenki i napravljenija razvitija // Vestnik Južno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i menedzhment. — 2009. — № 21(154). — S. 47-53.

15. Barlybaeva F.B., Knjaginina G.V., Sitnova I.A. Potencial innovacionnogo razvitija territorii: metodika issledovanija i napravlenija jeffektivnoj realizacii // Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. — 2011. — № 3(27). — S. 26–34.
16. Monastyrnij E.A. Terminy i opredelenija v innovacionnoj sfere // Innovacii. — 2008. — № 2(112). — S. 28–31.
17. Shkarupeta E.V., Babkin A.V., Peryshkin M.O. Upravlenie tehnopolisnym innovacionnym razvitiem v uslovijah cifrovizacii promyshlennosti dlja povyshenija jekonomicheskoj bezopasnosti regiona. — Kursk : Zakrytoe akcionerное obshhestvo "Uni, 2023. — 146 s. — ISBN 978-5-907818-25-5.
18. Frolov K.V., Babkin A.V., Frolov A.K. Ponjatie i sushhnost' cifrovizacii i cifrovoj transformacii na osnove fundamental'nyh i prikladnyh aspektov sistemno-kiberneticheskoy teorii // π -Economy. — 2024. — № 1(17). — S. 7–26. — DOI: 10.18721/JE.17101.
19. Natashkina E.A., Azhluni A.M., Sharygina O.L. Vlijanie cifrovizacii na innovacionnye processy v promyshlennosti // Vestnik agrarnoj nauki. — 2022. — № 2(95). — S. 146–151. — DOI: 10.17238/issn2587-666X.2022.2.146.
20. Abramov V.I., Andreev V.D. Sravnitel'nyj analiz cifrovyh dvojnikov regionov // Informacionnoe obshhestvo. — 2023. — № 4. — S. 106–117. — DOI: 10.52605/16059921_2023_04_106.
21. Balog M., Babkin A. Trends in the digitalization impact on the economic security of the region. In: E3S Web of Conferences, Voronezh. — 2023. — Vol. 458. — № 05009. — DOI: 10.1051/e3sconf/202345805009.
22. Balog M., Babkin A., Shkarupeta E. Digital tools for managing the economic security of a depressed region. In: E3S Web of Conferences, Voronezh. — 2023. — Vol. 458. — № 05022. — DOI: 10.1051/e3sconf/202345805022.
23. Sazonova M. Kak v Rossii planirujut ispol'zovat' potencial cifrovyh tehnologij dlja reshenija problem v sfere jekologii? — URL: <https://www.garant.ru/news/1566171/> (data obrashhenija: 28.06.2024).

24. Babkin A.V., Trysjachnyj V.I. Strategicheskie napravlenija sovershenstvovaniija upravlenija jekonomicheskoy bezopasnost'ju regiona // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. — 2009. — № 4(81). — S. 201–205.
25. Babkin A.V., Nogovicyna O.S. Nauchno-metodicheskie aspekty ocenki jeffektivnosti innovacionnoj infrastruktury promyshlennogo kompleksa regiona // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki. — 2012. — № 1(139). — S. 56–61.

Контактная информация / Contact information

ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»

180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

Pskov State University 180000, Pskov, Lenin Square, 2

ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great

195251, St. Petersburg, Polytechnic str., 29

Балог Михаил Михайлович / Mikhail M. Balog

balog@pskgu.ru

Бабкин Александр Васильевич / Alexander V. Babkin

al-vas@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ В НАУЧНОМ ИЗДАНИИ

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

1. Статья направляется в редакцию в электронном виде (файл в формате Microsoft Word с расширением *.doc, *.docx) на e-mail: science@veorus.ru:

- Объем полного текста научной статьи, в том числе таблицы и библиографический список, не должен превышать 30 000 знаков с пробелами (\approx 15 страниц установленного образца). Файл с текстом статьи должен содержать всю информацию для публикации (в том числе рисунки и таблицы).
- Шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12 pt, межстрочный интервал — 1,5, отступ первой строки абзаца — 1,25.
- Параметры страницы: верхнее и нижнее поля — 2 см; боковые поля: левое поле — 3 см, правое поле — 2 см.
- Сноски оформляются шрифтом Times New Roman, размер шрифта — 11 pt, межстрочный интервал — 1, без отступа.
- Автоматическая расстановка переносов не ставится. Выделения в тексте можно проводить только курсивом или полужирным начертанием букв. Подчеркивание не допускается. В тексте не должны присутствовать повторяющиеся пробелы и лишние разрывы строк.
- Рисунки (фотографии, скриншоты и т.п.) размещаются в тексте статьи, а также прикрепляются отдельно-

ми файлами в форматах .jpeg или .tiff с разрешением не меньше 150 dpi.

- Наименование файла, содержащего научную статью, должно совпадать с фамилией автора.

2. Для публикации статьи необходимо предоставить в электронном виде фотографию(и) автора(ов). Размер файла — не менее 2 МБ, формат — .jpeg или .tiff.

3. Структура статьи:

3.1. Название статьи и информация об авторах:

- Название статьи на русском языке прописными буквами полужирным шрифтом.
- Название статьи в переводе на английский язык.
- Информация об авторе(ах) на русском языке: Ф.И.О. полностью, должность, место работы автора, ученая степень.
- Информация об авторе(ах) на английском языке: Ф.И.О., должность, место работы автора, ученая степень.

3.2. Аннотация (Abstract):

- Аннотация на русском языке (до 600 знаков с пробелами) должна быть содержательной (отражать основные цели и способы проведения исследования, суммировать наиболее важные результаты и научное значение статьи) и структурированной (следовать логике построения статьи).
- Аннотация на английском языке должна быть написана грамотным английским языком с использованием специальной англоязычной терминологии, при этом по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию.

3.3. Ключевые слова (Keywords):

- на русском языке (до 10 слов);
- на английском языке (до 10 слов).

3.4. Текст статьи:

- Полный текст (на русском языке) должен быть структурированным по разделам. Структура полного текста научной статьи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение, цель, материалы и методы, результаты, обсуждение, выводы/заключение.
- Таблицы и рисунки в тексте статьи должны иметь порядковый номер, название, на каждую таблицу и рисунок в тексте должна быть соответствующая ссылка.

3.5. Библиографический список (References):

- Наличие пристатейных библиографических списков в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования, является обязательным. Список использованных литературных источников (Библиографический список / References) оформляется на русском языке и на латинице: русскоязычные источники необходимо транслитерировать (стандарт транслитерации — BSI), источники на английском, французском, немецком и других языках указываются в оригинале. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.ru>.
- Пристатейный библиографический список нумеруется последовательно, в порядке первого упоминания в тексте (в соответствии с **ГОСТ Р 2018–7.0.100**). Нумерация ссылок на источники в библиографическом списке должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В библиографическом списке все работы перечисляются в порядке цитирования. Постраничными остаются только смысловые сноски (комментарии, добавления и т.д.).

- Рекомендуется ссылаться на статьи, опубликованные ранее в томах издания «Научные труды Вольного экономического общества России».

4. Контактная информация (Contact information):

- Для каждого автора на русском и английском языках приводятся в конце статьи контактные данные: название и полный почтовый адрес организации(й), которую(ые) он (они) представляет(ют), e-mail автора(ов).

5. Автор предоставляет отчет о проверке статьи в системе «Антиплагиат». В случае принятия Редакционным советом решения о публикации в «Научных трудах Вольного экономического общества России» оформляется Лицензионный договор о предоставлении права использования произведения установленного образца.

При направлении статьи необходимо приложить рекомендательное письмо от организации или научного руководителя (в отсканированном варианте).

Подписку на издание можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки: <https://podpiska.pochta.ru/>.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999.

По вопросам публикации статей следует обращаться в редакцию:

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru.

Сайт научного издания: <http://www.veorus.ru/труды-вэо>.

ПОДПИСКА НА ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ВЭО РОССИИ

Подписку можно оформить через почтовые отделения Почты России на всей территории РФ и на сайте онлайн-подписки podpiska.pochta.ru

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — **ПР999**

Научные труды Вольного экономического общества России с 2003 года входят в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Публикуемые в Научных трудах Вольного экономического общества России статьи имеют международный цифровой идентификатор DOI, индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), CrossRef, CyberLeninka, Google Академия. Тома Научных трудов ВЭО России размещены на сайте издания — <https://veorus.ru/труды-вэо/>

ЖУРНАЛ «ВОЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА»

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — **ПА008**

Журнал «Вольная экономика» издается с 2017 года Вольным экономическим обществом России. Это полноцветное гляцевое аналитическое издание, ориентированное на широкий круг читателей: профессионалов в области экономики, а также интересующихся этой областью знаний и экономическими практиками. Журнал занимает нишу на медиарынке, является авторитетным изданием для людей, от которых зависит принятие экономических решений в разных областях. Сайт издания — <http://freeeconomy.ru>

Научное издание

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

Том № 6 (250), 2024 г.

Учредитель: Общественная организация — Вольное экономическое общество России (125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А).

Свидетельство о регистрации «Научных трудов Вольного экономического общества России» в Роскомнадзоре — ПИ № 77-3786 от 20.06.2000.

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России — ПР999

Издание осуществляется Вольным экономическим обществом России.

Адрес издателя и редакции: 125375, г. Москва, ул. Тверская, 22А

+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru

<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Главный редактор: С.Д. Бодронов, член-корреспондент РАН,
д.э.н., профессор

Над выпуском работали: А.В. Бобина, М.А. Лазарев

Оформление и верстка — ООО «Экономикс Медиа»

Корректоры — О.В. Марсова, П.Д. Марсова

Подписано в печать 20 декабря 2024 г.

Формат 14 x 20 см. Бумага офсетная

Выход в свет 20 февраля 2025 г.

Тираж 1000 экз. Заказ № 358668

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар»

г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20

Свободная цена

© Вольное экономическое общество России, 2024

ISBN 978-5-94160-239-1

ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-239-1

9 785941 602391

Scientific Publication
SCIENTIFIC WORKS
OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY OF RUSSIA
Volume № 6 (250), 2024 г.

Founder: Public organization — Free Economic Society of Russia
(125375, Moscow, Tverskaya St., 22A).
Registration number — ПИ № 77-3786, 06/20/2000.
Subscription Code ПП999 in the official Catalog of Russian Post

Published by the Free Economic Society of Russia
22A, Tverskaya, 125375, Moscow, Russia
+7 (495) 609-07-60, info@veorus.ru
<http://veorus.ru/труды-вэо/>

Editor-in-Chief — S.D. Bodrunov, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor.
Publication Editors — A.V. Bobina, M.A. Lazarev

Design — Economics Media Ltd.
Press-corrector — O.V. Marsova, P.D. Marsova

Signed for printing on December 20, 2024
Format 14 x 20 cm. Offset paper

Publication February 20, 2025
Run of 1,000 copies, Order No. 358668
Printed in the printing house
of «Viva-Star» LLC
Moscow, Elektrozavodskaya str., 20.

Free price

© The Free Economic Society of Russia, 2024

ISBN 978_5_94160_239_1
ISSN 2072-2060

ISBN 978-5-94160-239-1

9 785941 602391

